

"Это дикое сердце"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джоанна Линдсей

Это дикое сердце

Глава 1

Канзас, 1868 г.

Элрой Брауэр раздраженно стукнул по столу кружкой с пивом. Переполох в салуне отвлекал его от аппетитной блондинки, сидевшей у него на коленях, а Элрою не часто случалось шупать таких соблазнительных девиц, как Большая Сэл. Чертовски неприятно, что ему то и дело мешают!

Большая Сэл поерзала толстыми ягодицами по коленям Элроя и, нагнувшись, томно шепнула ему на ухо несколько слов, от чего сразу же ощутила эффект, на который рассчитывала.

— Почему бы нам не подняться наверх, дорогой? Там мы будем одни, — промурлыкала она.

Элрой усмехнулся, предвкушая удовольствие. Он собирался остаться с Большой Сэл на всю ночь. Та шлюшка из Рокли, к которой он время от времени наведывался, была стара и костлява. А вот Большая Сэл — совсем другое дело! Он уже возблагодарил небеса за то, что она встретила его в Уичито.

Элрой снова прислушался к раздраженному голосу хозяина ранчо. Да и как не прислушаться после того, что он видел всего два дня назад?

Хозяин ранчо недавно ввалился в салун, громко объявив, что его зовут Билл Чапмен, и заказал всем посетителям по кружке пива, что было не слишком широким жестом, поскольку здесь сидело всего семь человек, включая двух салунных девиц. Ранчо Чапмена находилось к северу от города, и он искал людей, готовых вступить в борьбу с индейцами, терроризировавшими эти края. Именно слово «индейцы» и привлекло внимание Элроя, владевшего маленькой фермой в двух милях от городка Рокли. Пока у Элроя не возникало неприятностей с индейцами, но ведь он приехал в Канзас всего два года назад. Жена Элроя умерла через шесть месяцев после их приезда в Канзас, поэтому сейчас на ферме жили только Элрой и молодой работник Питер.

От ферм до ближайших соседей было не менее мили, и Элрой не чувствовал себя в безопасности, что было для него крайне непривычно. Высокий рост — шесть с четвертью футов, — широкие плечи, атлетическое сложение и увесистые кулаки давали ему ощущение уверенности в себе. В свои тридцать два года он был в прекрасной форме.

Но сейчас Элроя тревожили дикари, которые сновали по прериям, желая выжить добропорядочных переселенцев.

Эти дикари не имели понятия о честной игре. От тех историй, что слышал Элрой, даже ему было не по себе. Элрою не давала покоя мысль, что он поселился чертовски близко к так называемой Индейской Территории — огромному пространству бесплодных земель между Канзасом и Техасом. Его ферма находилась всего в тридцати пяти милях от границы Канзаса. Но, черт возьми, это же отличная земля — междуречье Арканзаса и Уолната! Когда война закончилась, Элрой надеялся, что армия удержит индейцев на приписанных им землях.

Но не тут-то было! В самом начале Гражданской войны индейцы вступили в борьбу с поселенцами и не собирались уступать свои земли.

Этим вечером Элрой очень хотелось отдохнуть в объятиях Большой Сэл, но страх заставлял его внимательно прислушиваться к словам Билла Чапмена.

Всего два дня назад, до их с Питером отъезда в Уичито, Элрой заметил небольшой отряд индейцев, пересекавший его участок с западной стороны. До этого ему еще ни разу не приходилось видеть неприятелей, а этот отряд воинов совсем не походил на тех покоренных индейцев, которых он встречал во время поездок на Запад.

Восемь хорошо вооруженных мужчин в оленьих шкурах двигались на юг. Встревоженный Элрой отправился за ними на безопасном расстоянии и оказался неподалеку от их лагеря, расположенного у слияния рек Арканзас и Ниннеска. Вдоль восточного берега Арканзаса стояли десять вигвамов, а рядом обустроивалась еще по крайней мере дюжина дикарей с женщинами и детьми.

Кровь застыла в жилах у Элроя — еще бы, всего в нескольких часах быстрой верховой езды от его дома разбила лагерь банда кайова или команчей! Он предупредил соседей о близости индейского лагеря, зная, что эта новость повергнет их в панику.

Приехав в Уичито, он рассказывал всем встречным об этих индейцах и видел, что многие напуганы. И вот теперь Билл Чапмен призывал уничтожить этих дикарей. Трое мужчин заявили, что поедут с ним и его шестью ковбоями. Один из завсегдатаев салуна сказал, что знает в городе двоих бродяг, которые не откажутся поохотиться на индейцев, и ушел искать их.

Заручившись поддержкой трех энтузиастов и рассчитывая заполучить еще двоих, Билл Чапмен устремил свои голубые глаза на Элроя.

— А ты, дружище? — спросил он. — Ты с нами?

Спихнув с колен Большую Сэл, Элрой подошел к Чапмену.

— А может, лучше армии заниматься этим? — осторожно заметил он.

Чапмен насмешливо ухмыльнулся:

— Армии? Да солдаты похлопают их по плечам и вежливо проводят на Индейскую Территорию! Вот так возмездие! Есть только один способ отучить грязного индейца воровать — убить его. Банда кайова только на прошлой неделе зарезала у меня больше пятнадцати коров и увела дюжину лучших лошадей. В последние годы они слишком часто приносили мне убыток. Хватит, это их последняя вылазка! — Он в упор взглянул на Элроя:

— Так ты с нами?

По спине Элроя пробежал холодок. Пятнадцать коров! С собой он привел только двух быков, а скот, что остался на ферме, индейцы могут вырезать или увести за один день в отсутствие хозяина. А без скота какая жизнь? Если эти кайова наведаются на ферму, ему крышка!

Элрой твердо взглянул на Билла Чапмена карими глазами:

— Два дня назад я видел восемь воинов и проследил за ними. У них лагерь на развилке реки Арканзас, примерно в тридцати милях от моей фермы. Отсюда миль двадцать семь, если ехать

вдоль реки.

— Черт побери! Что же ты молчал? — вскричал Чапмен и задумался. — Возможно, это те самые, за которыми мы охотимся. Да, они могли успеть перебраться туда. Эти мерзавцы переезжают с места на место с дьявольской быстротой. Это были кайова?

Элрой пожал плечами.

— Для меня они все одинаковы. Но они не вели на поводу лошадей, — добавил он, — хотя в их лагере я видел табун а голов сорок.

— Ты покажешь мне и моим ковбоям, где их лагерь? — спросил Чапмен. Элрой нахмурился:

— У меня с собой быки, которые должны перетащить плуг на мою ферму. К тому же я без лошади и только задержу вас.

— Я дам тебе лошадь на время, — предложил Чапмен.

— А как же мой плуг?

— Я заплачу, и за ним здесь присмотрят до нашего возвращения. Ты же сможешь вернуться сюда за ним, верно?

— Когда вы едете?

— Завтра на рассвете. Поскачем быстро, и, если индейцы еще там, мы успеем в их лагерь к середине дня.

Элрой глянул на Большую Сэл и улыбнулся. Раз Чапмен отправляется не сейчас, значит, можно провести ночь с Большой Сэл. Завтра другое дело.

— Согласен, — сказал Элрой Биллу Чапмену.

Глава 2

На следующее утро четырнадцать мужчин скакали во весь опор из Уичито.

Девятнадцатилетний Питер очень волновался, узнав о предстоящем приключении. Мужчины были возбуждены: некоторым нравилось убивать, а тут представился отличный шанс.

Элроя не интересовали эти чужие люди, однако они прожили на Западе намного дольше, чем он, и это внушало ему уважение к ним. К тому же их всех объединяло одно — ненависть к индейцам.

Работников Чапмена звали Тэд, Карл и Цинциннати. Три бандита, нанятые им, представились как Лерой Керли, Дэйр Траск и Уэйд Смит. В салуне Уичито к ним присоединились проезжий дантист мистер Смайли и бывший депутат, прибывший в Уичито полгода назад. Третий мужчина из Уичито оказался таким же фермером, как Элрой; вчера вечером он случайно зашел в салун. Двух братьев-бродяг, державших путь в Техас, звали Маленький Джой Коттл и Большой Джой.

К полудню мужчины прибыли в Рокли, надеясь получить там подкрепление, но только зря потеряли время: в городке к ним присоединился лишь Джон, сын Ларса Хэндли. Правда, вскоре они поняли, что торопиться незачем. Большой Джой, усакавший вперед, встретил их в

Рокли и сообщил, что канона все еще стоят лагерем на берегу реки.

В середине дня они добрались до поселения индейцев. Элрой еще никогда не скакал так быстро — зад у него просто отваливался. Лошади тоже еле дышали. Свою лошадь он ни за что не стал бы так гнать.

Деревья и буйная прибрежная растительность служили всадникам надежным укрытием. Подъехав ближе, они стали наблюдать за лагерем, стараясь не слишком шуметь. Впрочем, услышать их не могли: гул реки заглушал все звуки.

Это было мирное поселение. Под огромными деревьями стояли вигвамы. Дети присматривали за лошадьми, а женщины, собравшись в кружок, беседовали.

Неужели это кровожадные дикари, подумал Элрой, а эти дети со временем превратятся в убийц и грабителей? Однако он слышал, что индейские женщины еще более жестоко, чем мужчины, расправляются с пленными. Они увидели только одного воина, но это ничего не значило. Маленький Джой сказал, что остальные, наверное, спят.

— Придется дожидаться ночи, когда они все заснут, тогда мы застанем их врасплох, — заметил Тэд. — Индейцы не любят воевать ночью, опасаясь, что дух умершего не сможет отыскать в темноте загробное царство.

— Сдается, что мы и сейчас можем застать их врасплох, — вставил мистер Смайли, — , поскольку воины дрыхнут...

— Как знать? Может, они готовят оружие в вигвамах или пыхтят на своих бабах, — усмехнулся Лерой.

— Значит, у них слишком много баб. Здесь всего десять вигвамов, Керли.

— Вы видите там своих лошадей, мистер Чапмен? — спросил Элрой.

— Трудно сказать — отсюда не рассмотреть.

— Да это кайова! Я сразу их узнаю!

— Нет, Тэд, — возразил Цинциннати. — Ручаюсь, что это команчи.

— С чего ты взял?

— А почему ты вообразил, что это кайова? — отозвался Цинциннати. — Может, я тоже узнаю команчей с первого взгляда!

— Какая разница? — спокойно заметил Карл. — Индейцы и есть индейцы. А раз уж здесь не резервация, то ясно как Божий день, что это непокоренные индейцы.

— Мне нужны те, что напали... — начал Билл Чапмен.

— Конечно, хозяин, но не оставите же вы безнаказанной эту банду, даже если это не те?

— Они могут стать теми в следующем году, — заметил Цинциннати, осматривая свой револьвер.

— О чем, черт возьми, спор? — возмутился Маленький Джой. — Неужели мы целый день

натирали в седлах задницы только для того, чтобы теперь повернуть назад, не пристрелив это дерьмо собачье!

— Полегче, парень! Думаю, мистер Чапмен вовсе не это имел в виду. Верно, хозяин?

— Конечно, — ответил тот. — Карл прав: не все ли равно, какая здесь банда. Шлепнем этих дикарей, тогда другие крепко подумают, прежде чем зариться на чужое добро.

— Так чего же мы ждем? — Питер нетерпеливо огляделся.

— Только женщин оставьте, — подал голос Уэйд Смит. — Хочу с ними порезвиться, ясно?

— А то! — хмыкнул Дэйр Траск. — А я-то боялся, что здесь предстоит нудная работенка!

Мужчины направились к лошадям, охваченные возбуждением. Женщины! Они и не подумали о них. Спустя десять минут тишину разорвал треск винтовочных выстрелов. Когда прогремел последний, в живых осталось только четверо индейцев — три женщины и одна девочка. Всех четверых изнасиловали, а потом убили.

На закате тринадцать мужчин скакали назад, потеряв лишь бывшего депутата. Унося его труп с залитой кровью поляны, они решили, что это не слишком большая жертва.

В лагере воцарилась тишина, нарушаемая лишь неумолчным рокотом реки. Некому было оплакать мертвых команчей, которые не имели никакого отношения к банде кайова, совершившей налет на ранчо Билла Чапмена. Некому было оплакать смуглокожую девочку с голубыми глазами, свидетельствующими о примеси белой крови. Родные не слышали предсмертных криков девочки — ее мать умерла прежде, чем над ней надругались.

Этой весной девочке исполнилось десять лет.

Глава 3

— Кортни, ты опять сутулишься! Леди не пристало сутулиться. И чему только тебя учили в этих дорогих школах?

Девочка-подросток, взглянув на мачеху, хотела что-то сказать, но промолчала. Зачем спорить? Сара Уайткомб, ныне Сара Хортс, слышит лишь то, что хочет, и ничего больше. К тому же Сара уже отвернулась от Кортни, глядя на ферму, показавшуюся вдаль.

Однако Кортни неохотно выпрямилась и стиснула зубы. И как это Саре не надоедает делать ей замечания? Порой перемены в настроении мачехи удивляли Кортни. Правда, девочка научилась молча сносить обиды, уходя в себя. Теперь Кортни Хортс проявляла характер лишь в тех случаях, когда мачеха слишком уж донимала ее.

Она не всегда была непокорной. В детстве мама называла умную, озорную и общительную Кортни маленьким чертенком. Но мама умерла, когда девочке было всего шесть лет.

Следующие девять лет Кортни меняла школу за школой. Отец, охваченный горем, не интересовался проблемами ребенка. Эдвард Хортс позволял дочери жить дома только несколько летних недель. Но даже тогда отец не находил времени на общение с ней. А в годы войны девочка вообще не видела его.

В пятнадцать лет Кортни страдала от чувства ненужности, ибо ее никто не любил.

Приветливая и открытая девочка превратилась в замкнутую и настороженную девушку. Чрезмерно ранимая, она не выносила никаких замечаний. Виной тому были отчасти строгие учителя, но основная причина крылась в отчаянном стремлении Кортни вернуть любовь отца.

Врач Эдвард Хортс успешно практиковал в Чикаго и был всецело поглощен работой. Высокий элегантный южанин, он поселился в Чикаго после свадьбы. Кортни считала, что в мире нет такого красивого и преданного своему делу человека. Она боготворила отца и страдала, когда он рассеянно смотрел на нее своими светло-кариими глазами.

Война неузнаваемо изменила этого человека, и он кончил тем, что из соображений гуманизма выступил против своей страны. Вернувшись домой в шестьдесят пятом, Эдвард Хортс не возобновил врачебную практику. Запираясь в своем кабинете, он напивался до беспамятства, чтобы забыть о том, чего не смог предотвратить. Финансовые дела Хортс становились все хуже.

Если бы не письмо от доктора Амоса, старого наставника Эдварда, который предлагал ему практику в техасском городке Уэйко, отец Кортни, вероятно, спился бы. Разочарованные южане потянулись на Запад в поисках новой жизни, писал доктор Амос, и Эдвард решил последовать их примеру.

Этот переезд открывал новые горизонты и для Кортни. Теперь ей не придется жить вдали от отца и она сможет доказать ему, как любит его. Кортни надеялась, что там они будут вдвоем.

Но в Миссури отец совершил нечто непостижимое — женился на Саре Уайткомб, которая последние пять лет была их домработницей. Видимо, к этому его побудили разговоры о том, что доктору Хортс неприлично путешествовать с тридцатилетней женщиной.

Эдвард не любил Сару, а та поглядывала на Хайдена Сореля, одного из двоих мужчин, нанятых Эдвардом сопровождать их в опасном пути до Техаса. Сара изменилась сразу же после свадьбы. Прежде добрая к Кортни, теперь она постоянно ворчала, командовала, изводила девушку придирами. Не понимая причин этой перемены, Кортни старалась не попадаться мачехе на глаза, что было нелегко, поскольку они впятером ехали в одном фургоне по канзасским прериям.

Сегодня утром, выехав из Уичито, они следовали вдоль берега реки Арканзас, а сейчас свернули в глубь долины, надеясь найти место для ночлега. Когда они вступят на двухсотмильное пространство Индейской Территории, им уже не придется спать под крышей.

Индейская Территория! Одно это название пугало Кортни. Но Хайден Сорель и второй парень, по имени Даллас, утверждали, что им не о чем беспокоиться, пока у них есть скот, которым можно откупиться от индейцев. Джесси Чизхольм, чероки-полукровка, проложил сравнительно ровную дорогу между Сан-Антонио, Техасом и Уичито. Чизхольм перевозил по ней товары в шестьдесят шестом, и с тех пор поселенцы пользовались этим маршрутом, пересекая прерии. Люди окрестили этот путь «Тропой Чизхольма». Первое техасское стадо коров переправили по этой дороге до Абилина.

В этом году скот через Канзас перегонял скототорговец из Иллинойса Джозеф Маккой; его перевозили также по Тихоокеанской железной дороге Канзаса, западная ветка которой наконец достигла Абилина. Городок стоял на реке Смоки-Хилл, окруженный хорошими пастбищными землями, а неподалеку располагался Форт-Райли, обеспечивающий гражданам безопасность. Благодаря этому «Тропа Чизхольма» была весьма удобна для перевозки скота на Восток.

Железная дорога преобразила Абилин. Еще год назад в городке насчитывалось не более

дюжины деревянных построек. Теперь он невероятно разросся; многочисленные салуны и притоны были всегда открыты для ковбоев, привозивших сюда скот.

В Абилине железная дорога кончалась, так что семейству Хортс предстояло расстаться с относительным комфортом. Они купили в городе продуктовый фургон, чтобы перевезти в нем кое-какой домашний скarb. То, что фургон уже раз проезжал по Индейской Территории и остался цел, почему-то не слишком успокаивало.

Кортни с удовольствием поехала бы в Техас объездным путем. Вообще-то именно так и предполагалось сначала — добраться до Техаса с восточной границы. Но Сара хотела навестить родителей в Канзас-Сити перед тем, как поселиться в Техасе. Эдвард, услышав об этой безопасной ковбойской тропе и узнав, что она проходит через Уэйко, куда они направлялись, решил изменить маршрут. Находясь в Канзасе, они сэкономили бы много времени, поехав прямо на Юг. Но, помимо всего прочего, Эдварду не хотелось видеть разрушения, которые наделала на Юге война.

Даллас поехал вперед, к той ферме, которую они видели вдаль, и, вернувшись, сообщил, что им разрешили провести ночь в сарае.

— Это нам подойдет, доктор Хортс, — сказал Даллас. — Зачем отклоняться от нашего пути и заезжать в Рокли, это лишняя миля. Да и городишко-то самый жалкий. А так мы уже утром сможем вернуться к реке.

Эдвард кивнул, и Даллас поскакал рядом с фургоном. Кортни не нравился этот парень, как, впрочем, и его дружок Хайден, который по-прежнему заигрывал с Сарой. Двухлетнему Далласу Сара не интересовала, но он поглядывал на Кортни.

Внимание этого красивого парня, несомненно, польстило бы Кортни, если бы она не заметила, как жадно он смотрит на каждую встречную женщину. Она оказалась достаточно благоразумна, чтобы не потерять голову от впервые проявленного к ней интереса мужчины. Несмотря на отсутствие опыта, Кортни поняла, что сейчас она единственная девушка, подходящая Далласу по возрасту.

Кортни сознавала свою непривлекательность. Конечно, у нее красивые волосы и глаза, да и лицо выглядело бы куда лучше, если бы не такие круглые щеки. Но мужчины обычно не замечали ее. Взглянув на ее полную фигуру, они теряли к ней интерес.

Ненавидя свою внешность, Кортни, однако, не отказывала себе в еде, черпая в ней своего рода успокоение. Несколько лет назад она не думала о своей внешности. Слыша, как дети обзывают ее толстухой, она еще больше налегала на еду. Решив наконец заняться собой, Кортни сбросила лишний вес и теперь уже была не толстой, а пухленькой.

Женившись, отец внезапно изменился к Кортни, подолгу разговаривал с ней, пока они тащились в фургоном по бесконечным дорогам. Впрочем, едва ли его брак имел к этому какое-то отношение. Скорее всего то было вынужденное общение. Но все же в Кортни зародилась надежда, что, может быть, отец снова полюбит ее, как при жизни мамы.

Эдвард остановился перед большим сараем. Кортни провела всю жизнь в Чикаго и теперь удивлялась тому, как можно жить на таких затерянных в глуши фермах. В городе ее не тяготило одиночество, ибо она знала, что рядом люди. А такое уединение казалось опасным: ведь где-то поблизости по диким прериям бродили индейцы.

Фермер, здоровенный детина, не меньше двухсот пятидесяти фунтов, кареглазый и румяный,

сказал, улыбаясь, Эдварду, что в сарае хватит места и для фургона. Когда они вкатили его туда, он помог Кортни спрыгнуть.

— А ты милашка, — сказал он, — но тебе надо немного поправиться, а то просто тростинка какая-то.

Кортни покрылась пятнами и потупилась, моля Бога, чтобы Сара не слышала этих слов. Он что, ненормальный? Да она два года боролась с лишним весом, а он говорит, что она худая!

Пока она пыталась справиться со смущением, Даллас шепнул ей:

— Он крупный мужчина и любит крупных женщин, дорогая, так что не обижайся! Через годик-другой ты избавишься от детской пухлости и станешь самой хорошенькой девушкой во всем северном Техасе.

По выражению лица Кортни Далласу следовало понять, как раздосадовал ее этот комплимент. Девушка пылала от обиды и унижения. Да разве можно выслушивать такое от этих гадких мужчин! Выскочив во двор, Кортни спряталась за сарай и стала смотреть на равнинные земли, уходящие вдаль на многие мили. Ее золотисто-карие глаза блестели от слез.

Слишком толстая, слишком худая — и почему только люди так жестоки? Какие противоположные мнения! Может, мужчины вообще никогда не говорят правду? Кортни не знала, что и думать.

Глава 4

Элрой Брауэр излучал радушие. С тех пор, как он построил этот дом, в нем еще не бывало столько гостей. Вчера он совсем не работал на ферме, но это его не смущало. Он так и не съездил в Уичито за своим плугом, проснувшись в тяжелом похмелье. Но и это его не волновало. Мужчине полезно изредка напиваться! К тому же и компания была недурна — позапрошлой ночью Билл Чапмен со всей ватагой завалился ночевать к нему в сарай. Они отметили победу изрядным количеством виски. Не хватало только двух Джоев — перестреляв индейцев, братья сразу поскакали на юг.

А вчера приехал доктор со своими дамами и ковбоями. Подумать только, за его столом ужинали леди! А что это настоящие леди, Эдвард понял сразу по их дорогим дорожным костюмам и светским манерам. Ну и конечно, по их нежной белой коже. Молоденькую он даже ввел в краску.

Элрой был бы счастлив, если бы они остались у него на несколько дней. Плуг подождет. Чапмен заплатил за его хранение, а также за быков. Элрой может забрать их, когда ему вздумается. Но доктор заявил, что они уезжают сегодня утром. На рассвете он ушел охотиться, сказав, что принесет дичь к столу Элроя, и не стал слушать никаких возражений. Да ладно, пусть себе постреляет! Милейший человек этот доктор, такой обходительный! Заметив на шее у Элроя три вертикальные царапины, он дал ему какую-то мазь.

Услышав про царапины, Элрой занервничал. Нет, ему не было стыдно признаться, откуда они у него, но при дамах не говорят про секс и про то, что случилось в лагере. Однако доктор не спросил о происхождении этих царапин, и Элрой промолчал.

Но до чего же волнующей была месть! К тому же теперь Элроя не тревожило близкое соседство с индейцами. Черт, как легко они с ними покончили! И изнасиловали женщин. И

чего он раньше их так боялся? Увидев, что маленькая дикарка, оцарапавшая его, не чистокровная индианка, он колебался не более секунды. Ее глаза смотрели на него с такой ненавистью! Но Элрой все равно изнасиловал ее: все эти убийства слишком возбудили его, и он не мог не сделать этого. Он даже не понял, что она умерла раньше, чем все закончилось. Элрой не испытывал ни малейшего раскаяния, но чувствовал смутное раздражение оттого, что никак не мог забыть эти глаза.

Решив, что леди, должно быть, уже встали и оделись, Элрой направился в сарай пригласить их к завтраку. Доктор с Далласом скоро должны были вернуться с охоты. Сорель брился у колодца и, видимо, рассказывал очередную байку Питеру. Элрой опасался, что Питер не задержится у него: он уже говорил, что хочет податься в седьмую конницу — сражаться с индейцами. Фермер надеялся, что он повременит хотя бы до сбора урожая.

В двадцати ярдах от бревенчатого дома Элроя начиналось кукурузное поле. Высокие стебли слегка покачивались. Если бы Элрой по пути к сараю заметил это, то решил бы, что в поле прячется зверь, ибо стоял полный штиль. Но он не заметил этого, занятый своими мыслями. Как только уедет семейство Хортс, думал он, придется вернуться в Уичито за плугом.

Кортни встала полчаса назад и ждала, пока Сара закончит утренний туалет. Хорошенькая Сара каждое утро тратила на это уйму времени, ибо хотела нравиться. Она тщательно укладывала волосы и мазала кожу лосьоном от солнечных ожогов. Все это задерживало путешественников. Хорошо, если они успеют добраться в Уэйко до зимы! Сара упросила Эдварда заехать к ее родителям в Канзас-Сити только потому, что хотела похвастаться мужем-доктором. Пусть все в родном городе видят, как хорошо она устроилась в жизни.

Фермер для приличия громко покашлял у входа в сарай, а затем приоткрыл дверь.

— Бекон готов, леди, а яйца нужно взбить, так что милости прошу завтракать в дом.

— Вы очень добры, мистер Брауэр, — улыбнулась Сара. — Мой муж еще не вернулся?

— Нет, мэм, но думаю, он не задержится. В это время года здесь полно дичи.

Фермер ушел, и Кортни услышала, как он возится возле двери. Девушка удивленно покачала головой. Какой странный человек!

Вдруг дверь с треском распахнулась, и Элрой Брауэр повалился на пол, ухватившись за бедро, из которого торчала стрела. Что с ним?

— Господи Иисусе, значит, их было больше! — простонал Элрой, поднимаясь на ноги и обламывая древко стрелы.

— Что случилось, мистер Брауэр? — спросила Сара, подбежав к фермеру. Элрой опять застонал.

— На нас напали индейцы! — Сара и Кортни онемели, уставившись на него. Элрой прохрипел:

— Туда! — И указал на большой ящик для продуктов. — Я вырыл там яму для моей жены — на всякий случай. Она была крупной женщиной, так что вы обе там поместитесь. Залезайте и не высывайтесь, даже если станет тихо. Я должен вернуться в дом за винтовкой.

С этими словами он вышел из сарая. Сара и Кортни не верили своим ушам. Да нет, не может быть!

Тут раздался винтовочный выстрел, за ним еще один. Сара испугалась.

— Полезай сюда, Кортни! — закричала она, подбегая к ящику.

— О Боже, это невозможно! Ведь все шло так хорошо!

Подойдя к низкому ящику, Кортни залезла в него вслед за Сарой. Под ним в земле оказалась яма глубиной в два с половиной фута. Два человека на корточках вполне помещались там.

— Закрывай крышку! — прошипела Сара, серые глаза которой бегали от страха. — Нам нечего бояться — эти безмозглые дикари нас не найдут. Они даже не заглянут сюда. Они...

Не успела Сара договорить, как до них донесся душераздирающий крик. За ним последовали другие крики и стоны, становившиеся все громче. Наконец кто-то взвыл от боли возле самой двери сарая. Кортни, преодолев оцепенение, плотно задвинула крышку, и они оказались в крошечной тьме.

— Сара! Сара!

Поняв, что Сара потеряла сознание, Кортни заплакала, чувствуя пугающее одиночество. Ее ждала смерть, но она не хотела этого. Кортни знала, что умрет позорной смертью, будет кричать и молить о пощаде, но все равно умрет. Индейцы не пощадят ее.

— Господи, если мне суждено умереть, дай мне сил не стонать! Помоги мне молча перенести все мучения!

Эдвард Хортс, услышав первый выстрел, помчался к ферме, Даллас поскакал следом за ним.

Но увидев издали, что происходит, молодой человек развернул лошадь и ускакал прочь: он не был героем.

Эдвард этого даже не заметил — сейчас он думал только о дочери и о том, как ее спасти. Подъехав к ферме сбоку, он увидел четырех индейцев, окруживших трупы Питера и Хайдена Сореля. Эдвард выстрелил, но промахнулся. В следующую секунду в его плечо вонзилась стрела. Она прилетела со стороны входа в сарай, и он выстрелил в том же направлении.

Это был его последний выстрел. Еще две стрелы попали в цель, и он, упав с лошади, больше не двигался.

Восемь воинов-команчей закончили дело, ради которого приехали. Следы тринадцати лошадей привели их на эту ферму. Они видели, что отсюда ускакали одиннадцать всадников. Значит, двое остались здесь. Один из этих двоих был уже мертв. Здоровенный фермер — пока нет.

Он был только ранен. Путь к дому ему отрезали так же, как и путь в сарай. Четыре индейских воина пытали его, остальные обыскивали дом и сарай.

В сарай вошли двое. Один забрался в фургон и принялся вышвыривать оттуда вещи. Другой оглядывал помещение в поисках тайников. Его глаза внимательно обследовали каждый уголок сарая.

— Лицо воина было бесстрастным, но душа его надрывалась от горя. Вчера он приехал в лагерь команчей и увидел все, что сделали белые. Он вернулся к своим после трехлетнего отсутствия, но не успел спасти мать и сестру. Месть никогда не искупит их страданий", но приглушит его

боль.

Заметив отпечатки пальцев на пыльной крышке, он медленно подошел к ящику для продуктов, сжимая в руке короткий, остро заточенный клинок, которым сдирал шкуры с убитых животных.

Кортни не слышала, как индейцы вошли в сарай. Ее сердце стучало так сильно, что заглушало другие звуки.

Крышка ящика открылась, и Кортни не успела даже вскрикнуть, когда индеец схватил ее за волосы. Кортни зажмурилась, поняв, что сейчас ей перережут горло. Индеец дернул ее голову назад, приставив к шее нож. Еще одну секунду, Боже, всего одну...

Она не открывала глаз. Команчи хотел, чтобы она смотрела на него, когда он будет убивать ее. Другая женщина лежала в яме без сознания, но эта дрожала от страха. Однако она так и не взглянула на него! Он намотал ее волосы на кулак? зная, что это причинит ей боль, но она лишь крепче зажмурила глаза.

Только теперь, разглядев девушку, он понял, что она не здешняя. На ней была красивая дорогая одежда. Кожа слишком белая для жены или дочери фермера, едва тронутая загаром. Волосы как мягкий шелк струились под его пальцами. Присмотревшись внимательнее, он понял, что ей от силы четырнадцать, а может, и меньше.

Воин медленно перевел взгляд с ее лица на фургон, из которого Кривой Палец выбросил множество платьев, и отпустил волосы девушки.

Насмерть перепуганная, Кортни открыла глаза. Прошло столько времени, а лезвие так и не коснулось ее горла. Когда он отпустил ее, она, посмотрев на индейца, чуть не хлопнулась в обморок. Никогда еще она не видела ничего страшнее, чем индеец.

Его длинные волосы, черные как смоль, были заплетены в две косы. Голая грудь раскрашена красными полосами, разноцветный рисунок делил лицо на четыре части, скрывая его черты. Но более всего Кортни поразили глаза, в упор смотревшие на нее: они не выражали угрозы.

Быстро взглянув в сторону, воин опять уставился на нее. Тут Кортни увидела руку с ножом, направленным на нее.

Заметив, как расширились от ужаса эти золотисто-карие глаза, индеец Издал какой-то звук. Девушка вдруг обмякла и стала медленно оседать на пол. Ох уж эти глупые восточные женщины! Они даже не позаботились об оружии!

Вздыхнув, он заколебался. Она так похожа на его сестру — те же детские круглые щечки... Нет, он не может убить ее!

Индеец тихо закрыл крышку ящика для продуктов и отошел к фургону, показав знаком Кривому Пальцу, что они и так потеряли здесь много времени.

Элрой Брауэр проклинал злую судьбу, которая занесла его в Уичито в тот самый день, когда там появился Билл Чапмен. Он знал, что умрет, но когда, когда? Индейцы увезли его на несколько миль от фермы. Они скакали на север по следам Чапмена и остановились, когда солнце стояло в зените.

Почти все индейцы издевались над ним, но только сейчас Элрой понял, что они собираются с

ним сделать. В мгновение ока его распластали голого на горячей земле, и он почувствовал, как те части его тела, которые никогда не знали солнца, медленно поджариваются в полуденных лучах.

Проклятые дикари уселись вокруг, наблюдая, как он страдает. Один из них каждые пять секунд хлопывал по обломку стрелы, торчавшему из его бедра, и боль волнами расходилась по телу Элроя, не успевая утихнуть в короткие промежутки.

Он знал, чего они хотят. Он понял это, увидев троих мертвых мужчин на ферме. Индейцы объяснили ему свои намерения, подняв два пальца и указав сначала на него, а потом на три трупа. Они знали, что на ферме есть два участника резни в лагере индейцев и что он один из них.

Элрой пытался убедить их, что он вовсе не тот, кто им нужен. Ведь у них было два лишних трупа, и они не знали наверняка, причастен ли он к убийствам в лагере. Но индейцы не поверили ему, и каждый раз, когда он не мог дать нужный им ответ, резали его ножами.

У него на теле появилось уже с полдюжины маленьких ран, когда его подвели к трупу Питера. Чего они добивались? Парень умер и больше не страдал, но Элрой-то был жив и мучился, глядя на то, что они делали с телом Питера. Его вывернуло наизнанку, когда они кастрировали труп и воткнули кусок плоти ему в рот, а потом зашили губы. Страшное предупреждение каждому, кто увидит изуродованное тело Питера. Лишь один Элрой знал, что они сделали это уже после того, как Питер умер.

Повезет ли ему так же, как Питеру? Элрой понимал: индейцы до сих пор не убили его, желая, чтобы он вывел их на других участников резни. Но чем дольше он будет жить, тем больше мучиться. Он рассказал бы им все, лишь бы "они поскорее положили конец его страданиям, но как договориться с чертовыми ублюдками, если они не понимают его? К тому же Элрой не знал, как найти остальных. Но они не поверят ему.

Один из команчей склонился над ним. Солнце слепило глаза, и Элрой видел лишь черную тень. Он попытался приподнять голову, и на мгновение перед его глазами мелькнули руки индейца — он держал стрелы. Может, они наконец-то решили его прикончить? Но нет! Индеец дотронулся стрелой до одной из ран Элроя, а затем медленно, мучительно медленно погрузил ее в тело.

О Боже, они, наверное, смазали чем-то наконечник: Элрой почувствовал нестерпимое жжение. Он стиснул зубы, чтобы не закричать. Молчал он и потом, когда стрелы погружали в другие раны. Теперь из шести ран торчало шесть стрел, и Элрой терпел. Индейцы на время оставили его, ожидая, что боль усилится.

Пытаясь справиться с болью, Элрой подумал о двух леди, которые на беду остановились на его ферме. Слава Богу, он не видел, что с ними случилось. И тут вдруг перед ним снова появились глаза, которые смотрели на него с лютой ненавистью. Изнасилование той индейской девчонки не стоило этих мук. Ничто не стоило их!

Наконец Элрой закричал. Индеец чиркнул по нему ножом, сделав новую рану, и вонзил в нее еще одну стрелу. Тут Элрой понял, что они не остановятся, пока не пронзят стрелами все его тело. Теперь, зная, что боли не будет конца, он уже не мог терпеть. Элрой кричал, ругался, вопил, но индеец опять скользнул по нему ножом, и боль вспыхнула с новой силой.

— Ублюдки! Проклятые ублюдки! Я скажу вам все, что надо! Все!

— Неужели?

Элрой замолчал от изумления, забыв про боль.

— Вы говорите по-английски? — выдохнул он. — О, слава Богу!

У него появилась надежда. Теперь можно поторговаться.

— Так что же ты хотел сказать мне, фермер? — Мягкий, приятный голос ввел Элроя в заблуждение.

— Отпустите меня, и я назову вам имена людей — всех до одного. И скажу вам, где их можно найти, — проговорил он, задыхаясь.

— Ты это расскажешь нам в любом случае, фермер. Торговаться тебе нужно не за жизнь, а за смерть — быструю смерть.

Элрой, почувствовав надежду, чуть потянулся, но, услышав последние слова команчи, упал на землю. Он побежден. Надеяться можно лишь на то, что все произойдет быстро.

Он назвал индейцу имена всех мужчин, подробно описал их и указал те места, где, по его предположению, они могли находиться. Правдиво и быстро ответив на все вопросы, он сказал:

— А теперь убейте меня!

— Как ты убил наших жен, матерей и сестер?

Индеец, так чисто и правильно говоривший по-английски, встал у него в ногах. Теперь Элрой хорошо видел его лицо, его глаза... О Господи, это же ее глаза! Они смотрели на него с такой же лютой ненавистью. Элрой понял, что этот команчи не позволит ему умереть быстро.

Элрой облизнул пересохшие губы. Сам не зная зачем, он вдруг с усилием проговорил:

— Она была хороша. Правда, худоцава. Но все же доставила мне удовольствие. Я последний ее имел. Она умерла подо мной.

Воин дико закричал и бросился на Элроя. Другой попытался остановить его, но не смог. Элрой почувствовал новую боль, которая захлестнула старую, но это скоро кончилось — он умер от шока, увидев в руках у команчи свою отрезанную плоть.

Глава 5

В трех милях от места этих событий Кортни Хортс мрачно смотрела на разбросанные по сараю вещи из фургона: разорванную одежду, разбитый вдребезги фарфор, растоптанные продукты. Она никак не могла решить, что еще можно спасти. Сейчас она вообще не могла собраться с мыслями. Зато Сара перебирала пожитки с таким видом, будто ничего не произошло.

Кортни потрясло то, что она осталась жива. Но еще больше ее поразило исчезновение отца.

Берни Бикслер, ближайший сосед Элроя, заметил дым, окутавший его горящий дом, и приехал посмотреть, что случилось. Возле дома он обнаружил два трупа, а в ящике для продуктов — Сару и Кортни. Далласа, Элроя Брауэра и Эдварда Хортс он нигде не нашел. Однако отец Кортни явно был здесь недавно — в кукурузном поле стояла его лошадь, перепачканная

кровью. Эдварда ранили?

— Если он побежал за подмогой в Рокли, то мы его еще увидим, — сказал им Берни. — Но скорее всего индейцы забрали его и тех двоих с собой. Наверное, они хотят иметь при себе двух-трех сильных пленников, пока они не соединятся с другим племенем.

— Почему вы так считаете, мистер Бикслер? — спросила Сара. — Я полагала, что в плен берут только женщин.

— Простите, мэм, — проговорил Берни, — но, взглянув на вас и на вашу девочку, индеец сразу понял бы, что вы не выдержите долгого пути.

— Долгого пути? А вы что, знаете планы этих индейцев? — удивилась Сара. — Интересно откуда. Похоже, у них где-то поблизости лагерь, верно?

— Вы совершенно правы, мэм, у них был лагерь. Был. В этом-то все и дело. Они напали на Элроя не из-за скота. Джон, сын Лаоса Хэндли, рассказывал, как они с Элроем и Питером примкнули к людям из Уичито и уничтожили банду кайова, стоявшую лагерем к югу отсюда. Он считал, что эти индейцы хотели напасть на Рокли, и утверждал, будто теперь у нас наступит спокойная жизнь, поскольку они убили всех мужчин, женщин и детей. Что ж, видимо, кто-то остался жив. Те краснокожие, что наведались сюда, наверное, тогда охотились, а вернувшись, увидели, что все их сородичи убиты.

— Но это всего лишь ваше предположение, мистер Бикслер. Едва ли кайова — единственные индейцы в этих местах.

Фермер раздраженно заметил:

— Джон Хэндли также похвалялся тем, что он делал в лагере индейцев, но это не для женских ушей.

— Подумаешь, — презрительно фыркнула Сара, — ну, изнасиловали они там нескольких скво. Это еще не значит...

— Если вы хотите понять, что это значит, леди, пойдите и посмотрите на тело Питера! — воскликнул Берни. — Но я вам не советую. То, что они сделали с парнем, не слишком радует глаз. А того, другого, они не тронули — у него чистая рана. Но труп Питера! Меня, наверное, долго будут преследовать кошмары. Боюсь, мы найдем Элроя где-нибудь неподалеку, так же жестоко изуродованного. Ясно одно: им нужны были только эти двое. Если бы их интересовали женщины, они взяли бы вас.

Нет, все это только месть! Вот увидите — Джон Хэндли быстро смотается отсюда, ибо месть не завершилась. Индейцы не успокоятся, пока не настигнут последнего из тех, кто был в лагере.

Он вышел из сарая, велел им побыстрее собирать пожитки, поскольку он не собирается целый день возиться с ними. Сначала фермер отнесся к ним с сочувствием, но Сара разозлила его, и теперь он торопился сплавить их в Рокли.

Труп Элроя нашли через неделю солдаты, ловившие индейцев-мародеров. Джон Хэндли, как и предсказывал Бикслер, отбыл из Рокли в неизвестном направлении. Его отец больше никогда не слышал о нем. Из Уичито сообщили, что индейцы напали на фермера, жившего недалеко от города. И это был последний случай налетов индейцев в этих краях.

Возможно, убийство Билла Чапмена не было связано с той историей, хотя поговаривали, что именно он организовал нападение на лагерь индейцев. Одни считали, что это дело рук краснокожих, другие подозревали одного из наемных работников Чапмена, который исчез сразу после убийства.

Эдвард Хортс и Даллас пропали бесследно, и Сара Уайткомб считала себя вдовой. Невозможно было предположить, чтобы раненый выжил в плену у кочующих индейцев.

Потрясенная Кортни отказывалась верить, что ее отец мертв.

Теперь Сара и Кортни держались вместе, связанные общей бедой.

Глава 6

— А вот и еще один, Чарли. Похоже, опять намечается перестрелка. Как ты полагаешь?

Чарли сплюнул комок табака и взглянул на шедшего по улице незнакомца.

— Очень может быть, Снаб. В городке уже есть парочка таких же. Очень может быть.

Старики откинулись в креслах. На крыльце перед магазином Ларса Хэндли они проводили почти все свое время, обсуждая каждого, кто проходил мимо. Это была хорошая наблюдательная позиция — отсюда просматривалась главная и единственная улица городка в оба конца.

— Как ты думаешь, он приехал со стадом? — спросил Снаб.

— Этот тип не похож на ковбоя, — отозвался Чарли. — Это бандит, Снаб! Разве я не видел бандитов?

— Многие бандиты становятся ковбоями, но бывает и иначе.

— Верно.

Снаб видел, что Чарли остался при своем мнении, но не стал спорить.

— Интересно, скольких же он убил?

— Я бы не стал его спрашивать, — буркнул Чарли и вдруг подозрительно прищурился, — Погоди-ка, этот мне как будто знаком. Может, он бывал здесь проездом?

— Кажется, Ты прав, Чарли. Пару лет назад, верно?

— Скорее всего три-четыре.

— Да, да, припоминаю. Пришел поздно ночью, снял номер в гостинице, но не остался. Помню еще, ты сказал тогда что-то насчет капризов молодых.

Чарли кивнул, довольный тем, что его замечания не забываются годами.

— Но я не могу вспомнить, под каким именем он зарегистрировался в гостинице. А ты?

— Кажется, что-то иностранное, а?

— Да, но теперь я весь день буду маяться.

— Ага, похоже, он опять направляется в гостиницу, — сказал Снаб, когда незнакомец остановил свою лошадь. — Может, зайдём туда и заглянем в книгу регистрации?

— Не сейчас, Снаб, — остановил его Чарли. — Миссис Аккерман выставит нас оттуда.

— Не мочи штаны, Чарли! Ведьма, наверное, ещё не встала с постели. А мисс Кортни не станет возражать, если мы чуть-чуть посидим в вестибюле и заглянем в книгу.

— «Не мочи штаны!» — обиженно повторил Чарли. — Да он наверняка изменил имя — они все так делают, — поэтому я все равно ничего не узнаю. Но если тебе так уж хочется послушать вопли этой стервы, на которой женился Гарри, тогда оторви свою задницу и пошли!

Легкая улыбка играла на губах у Кортни, когда она закрывала дверь в гостевую спальню, где только что закончила уборку. Она нашла там газету. В Рокли не было своей газеты, и новости о внешнем мире они узнавали из разговоров приезжих или из газет, оставленных клиентами гостиницы. В городке газеты ценились так же, как и книги. Сара собирала их, но никогда не давала читать, и Кортни всегда старалась первой найти их.

Она спрятала газету под кипу грязных простыней, которые ей предстояло перестирать, и пошла к лестнице, собираясь занести газету к себе в комнату перед тем, как заняться стиркой.

Заметив ожидавшего внизу незнакомца, Кортни остановилась и уставилась на него. Укоряя себя за это, девушка все же не могла отвести от него глаз. И с чего это незнакомец так сильно заинтересовал ее? Раньше с Кортни такого не случалось.

Она сразу заметила его прямую осанку, высокий рост и худой ястребиный профиль, который произвел на нее особое впечатление. Незнакомец был на редкость красив — это не оставляло сомнений. Он вызывал ощущение чего-то темного: черные брюки и жилет, бронзовая кожа, волосы как вороново крыло падали прямыми прядями, едва прикрывая уши. Даже серая рубашка и шейный платок казались темными.

Войдя в гостиницу, мужчина не снял широкополой шляпы, но на его сапогах не было шпор. И это тоже удивило Кортни. Седельные сумки, переброшенные через плечо, позволяли предположить, что он приехал в город на лошади, а Кортни еще не видела человека, который ездил бы на лошади без шпор.

Тут она разглядела на нем двойные ремни, а это значило, что на правом бедре у него висит револьвер. Что ж тут такого? На Западе многие мужчины носят оружие. Но, глядя на этого человека, Кортни думала, что он вооружился не только для самозащиты.

Кортни не любила бандитов, почему-то твердо уверенных в своей безнаказанности. Они говорили и делали все, что хотели. Не многие осмеливались им прекословить, боясь нарваться на пулю.

Как ни странно, в такой маленький городишко, как Рокли, бандиты наведывались слишком часто. За последние годы здесь было целых две перестрелки. Ковбои проезжали Рокли по пути в дикие ковбойские городки — Абилин и Ньютон, где собирался разный сброд. В следующем году Уичито тоже предстояло стать коровьим городком, а ведь он находился всего в нескольких милях от Рокли, и Кортни невесело думала о том, что сплошному потоку транзитных приезжих никогда не будет конца.

Поскольку Кортни работала в единственной здесь гостинице, ей не удавалось избежать общения с бандитами. Один чуть не изнасиловал ее, другие лезли с поцелуями. Сколько раз Кортни приходилось отражать их наглые домогательства, отбиваться от преследований, выслушивать непристойные предложения! По этой причине она рвалась уехать из Рокли и не хотела выходить замуж за местного мужчину, хотя это избавило бы ее от работы в гостинице, где Кортни с утра до вечера прислуживала как простая горничная.

Расписавшись в книге регистрации, незнакомец положил ручку. В ту же секунду Кортни повернулась и поспешила по коридору к черной лестнице, выходящей прямо на улицу. Ей не хотелось заходить в гостиницу через кухню, где она могла наткнуться на Сару. Та наверняка стала бы бранить ее за то, что она празднично шатается. Поэтому Кортни решила обойти гостиницу кругом и войти через парадную дверь. Но она сделает это только после того, как незнакомец поднимется в свою комнату.

Кортни и сама не понимала, почему так не хочет попадаться ему на глаза. Дело, конечно, не в ее стареньком платье и растрепанных волосах. Не все ли равно, что он о ней подумает? Может, он приехал всего на одну ночь, как большинство бродяг. А потом она его больше никогда не увидит.

Кортни, пригибаясь под окнами столовой, осторожно прокрадывалась к двери, совершенно забыв про узел с грязным бельем, который так и остался у нее в руках. Ей хотелось только добраться до своей комнаты, спрятать газету и вернуться к работе.

С улицы Чарли и Снаб наблюдали за странными маневрами девушки. Что это с ней, черт возьми? Почему она украдкой заглядывает в парадную дверь, вместо того чтобы просто открыть ее, а потом вдруг прижимается спиной к стене, словно прячется от кого-то?

В этот момент дверь широко распахнулась и на пороге появился незнакомец. Решительным шагом он спустился с крыльца и направился к своей лошади. Заглядевшись на гангстера, старики не заметили, как Кортни потихоньку юркнула в гостиницу. Наконец Снаб увидел, что ее нет.

— Что все это значит?

Чарли смотрел, как незнакомец вел свою лошадь в конюшню.

— Ты о чем?

— Похоже, мисс Кортни прячется от этого парня.

— Ну и правильно делает, черт возьми! Вспомни, что случилось с тем преступником, Поликэтом Паркером. Забрался в ее комнату и до смерти напугал девушку своими пьяными приставаниями. Не знаю, чем бы кончилось дело, если б Гарри не услышал ее крики и не схватил свой дробовик. А потом тот придурок-ковбой, что пытался прямо на улице схватить ее. Она тогда сильно подвернула лодыжку, упав с его лошади. А тот...

— Да ладно, не продолжай, Чарли, я и так прекрасно знаю, что ей не сладко приходится в этом городке. Видимо, этого парня она тоже сочла опасным, вот и прячется от него.

— Возможно. Но когда это она выходила из гостиницы только ради того, чтобы спрятаться от мужчины? Ты помнишь такое?

— Пожалуй, нет.

— Значит, он ее заинтересовал.

— Черт побери, Чарли, что ты мелешь!

— А что тут такого? — усмехнулся Чарли.

— Но... Я думал, она собирается замуж за Рида Тэйлора.

— Этого хочет ее мачеха. Но Матти Кэйтс сказала, что Рид нравится мисс Кортни не больше, чем Поликэт.

Кортни, перед тем как убежать к себе в комнату, быстро заглянула в книгу регистрации. Его звали Чандос. Больше ничего — только имя.

Глава 7

— Поторопись, пожалуйста, Кортни, я не намерена ждать целый день. Ты еще обещала помочь мне выбрать материал для нового платья.

Кортни обернулась через плечо на Матти Кэйтс, сидевшую на перевернутом бочонке для стирки, и фыркнула:

— Если уж ты так торопишься, иди сюда и помоги мне развесить простыни.

— Ты что, шутишь? Да меня дома ждет стирка! А у Пирса такие тяжелые штаны! Нет, мне надо приберечь силы. Если я начну работать сейчас, то у меня руки отсохнут. И зачем только я вышла замуж за такого здорового мужика?

— Может, потому что любишь его? — усмехнулась Кортни.

— Возможно, — отозвалась Матти.

Матти Кэйтс была на редкость противоречива. Маленькая голубоглазая блондинка, обычно приветливая и бойкая, иногда вдруг замыкалась и уходила в себя. При всей кажущейся независимости, а порой и такой же властности, как у Сары, в глубине ее души таились неуверенность и сомнения, о которых знали лишь ее ближайшие подруги. Кортни была одной из них.

Матти твердо верила, что жизнь дает человеку то, что он сам вложил в нее, и что каждый волен вести себя по собственному разумению. Она частенько повторяла: «Если сам о себе не позаботишься, то никто о тебе не позаботится».

Матти личным примером доказала справедливость своей философии, преодолев нерешительность и завоевав Пирса Кэйтса два года назад, когда он, как и многие другие, приударял за Кортни.

Матти никогда не держала зла на подругу за то, что та когда-то нравилась Пирсу. Она искренне радовалась чудесному превращению Кортни из гадкого утенка в прекрасного лебедя и находила забавным, что мужчины, прежде почти не замечавшие Кортни, теперь из кожи вон лезли, стараясь завоевать ее расположение.

Иногда Матти думала о Кортни как о собственном творении. Конечно, не о ее красоте, которая стала гораздо заметнее, когда Кортни подросла на несколько дюймов, а тяжелая работа

согнала с ее тела остатки детского жирка. Но Кортни уже не была такой застенчивой и пугливой, как раньше, и уже не считала удары судьбы заслуженной карой. Эти перемены внесла сама жизнь, но Матти радовалась, что и она наделила подругу толикой смелости.

Кортни теперь даже возражала Саре — не всегда, но гораздо чаще, чем раньше. Даже Матти не удавалось совладать с подругой, ибо Кортни начинала понимать, каким мужеством наградила ее природа.

Кортни поставила пустую корзину для белья в корыто рядом с Матти.

— Ну, мисс Нетерпение, пойдем!

— Может, все-таки переоденешься и причешешься?

Кортни потянула за ленту, которая стягивала ее длинные каштановые волосы, и пригладила свои локоны.

— Вот так! Матти засмеялась:

— Да, пожалуй, тебе не стоит переодеваться — твои старые платья все равно смотрятся лучше, чем мои самые нарядные ситцевые.

Щеки Кортни слегка порозовели, но она отвернулась, чтобы Матти этого не заметила. Она до сих пор носила платья, купленные четыре года назад, когда она впервые приехала в Рокли. Эти платья давно были не по ней, да и светло-пастельные цвета больше подошли бы девочкам помладше. Хорошо, что старая одежда еще налезала на нее. Некоторые платья ей пришлось удлинить, но это не имело значения.

И все же старая одежда Кортни из шелка и муслина, крепдешина и мохера, воротнички из тонкого кружева, фишю, баски, даже летние и зимние пелеринки из превосходного бархата были диковинкой в Рокли. Кортни не любила выделяться. На нее и без того обращали внимание.

Когда молодой кузнец Ричард сделал ей предложение, Кортни так удивилась и обрадовалась, что чуть не кинулась к нему в объятия. Ей сделали предложение — самое настоящее, как и положено! Она уж думала, что никогда не дождется этого. Но оказалось, что кузнецу просто нужна жена. Он не любил Кортни. Она тоже не любила его, как не любила и Джуда Бэйкера, Билли и Пирса — всех, кто хотел жениться на ней. А уж тем более Рида Тэйлора, который сейчас домогался ее и считал свою победу предрешенной.

— Матти, ты слышала когда-нибудь о мистере Чандосе?

Кортни вспыхнула, сама удивившись своему вопросу. Они направлялись к гостинице, и Матти задумчиво ответила:

— Трудно сказать. Похоже на имя из твоих уроков истории. Может, так звали одного из древних рыцарей, о которых ты мне рассказывала?

— Да, звучит похоже.

— Еще в нем слышится что-то испанское. А почему ты спрашиваешь?

— Да просто так, — пожала плечами Кортни.

— Ну-ка выкладывай, где ты слышала это имя, — потребовала Матти.

— Сегодня утром он остановился в нашей гостинице. И я подумала, не знаешь ли ты чего-нибудь про него.

— Еще один бандит, да?

— Похоже, так.

— Что ж, если он пожилой, спроси у Чарли и Снаба. Им известны все бандиты. А уж они-то любят посплетничать.

— Он не пожилой. Ему лет двадцать пять или двадцать шесть.

— Тогда они вряд ли его знают. Но если тебе интересно, скольких людей он убил...

— Матти! Мне совсем не интересно знать такие вещи.

— Да? Тогда что же ты хочешь услышать?

— Да ничего. Совсем ничего.

— Ну так зачем же спрашиваешь о нем? — Через секунду она шепнула:

— Это он?

Сердце Кортни подпрыгнуло, но она тотчас успокоилась. На другой стороне улицы, перед салуном Рида, стоял, прислонившись к фонарному столбу, один из двух бандитов, недавно приехавших в городок.

— Нет, это Джим Урд, — объяснила Кортни. — Он явился сюда вчера еще с одним типом.

— Джим Урд? Вот это имя мне определенно знакомо! Кажется, я видела его на одном из тех плакатов «Разыскиваются», которые Дикий Билл присылал в прошлом году из Абилина.

Кортни пожала плечами.

— Не понимаю, зачем шериф Хичкок присылает нам эти плакаты. У нас же никогда не было городского шерифа. — В Рокли не нашлось желающих занять этот пост, а потому преступники ездили через городок, не опасаясь, что их поймают. — Подумаешь, разыскивается! Кто в Рокли его арестует?

— Верно, — согласилась Матти, — но по этим плакатам хотя бы можно узнать, от кого надо держаться подальше.

— Я стараюсь держаться подальше от них всех, — заметила Кортни, поежившись.

— Конечно, но ведь ты понимаешь, если бы Гарри знал, что Поликэт Паркер в розыске, он бы пристрелил его, а не просто выгнал из города.

Кортни не хотела вспоминать о том случае.

— Не надо об этом! Сара несколько месяцев рвала и метала, узнав о награде в тысячу долларов, которую кто-то получил в Хэйс-Сити за этого подлеца.

Матти засмеялась:

— Сара всегда рвет и мечет, это ее обычное состояние.

Девушки перешли через улицу, надеясь укрыться от жаркого солнца. Лето уже заканчивалось, но Канзас, похоже, не знал об этом. Кортни нечасто бывала на солнце — только когда развешивала во дворе белье после стирки, но каждое лето ее кожа покрывалась легким золотистым загаром, и это ей очень шло.

Подруги вошли в магазин Ларса Хэндли, и хозяин улыбнулся им. Сейчас он обслуживал Берни Бикслера, который кивнул девушкам. Четыре других посетителя слонялись по магазину, явно никуда не спеша.

У Хэндли продавалось все что душе угодно. Он не торговал только мясом, но Зинг Ходжес, бывший охотник на бизонов, открыл по соседству мясную лавку. В переднем углу магазина Хэндли можно было даже побриться и постричься, а коли припрет, то и выдернуть зуб с помощью Гектора Иванса. Парикмахер арендовал у Ларса в магазине этот небольшой уголок, поскольку сомневался, оставаться ли в Рокли, и не желал тратить деньги на постройку собственного заведения.

Матти подтолкнула Кортни к стене, на которой висели старые плакаты «Разыскиваются».

— Вон, видишь? — просияла Матти. — «Награда в триста долларов за Джима Уорда, обвиняемого в убийстве, вооруженном грабеже и прочих многочисленных преступлениях в Нью-Мехико».

Кортни внимательно рассмотрела плакат и карандашный рисунок мужчины. Он и в самом деле походил на Джима Уорда, который остановился у них в гостинице.

— Здесь сказано: «Разыскивается живой или мертвый». Зачем они так пишут, Матти? Это же подстрекательство к убийству!

— Им приходится так писать, иначе никто не станет ловить преступников. Неужели ты думаешь, что кто-то захочет связываться с такими крутыми парнями, зная, что их нельзя убивать? Это же борьба, и если преследователь не убьет бандита, тот убьет его. А одолев бандита, он получит награду. На одного преступника будет меньше, и честным людям станет спокойнее жить. Неужели ты хочешь, чтобы их не трогали?

— Нет, конечно. — Кортни вздохнула: веские аргументы Матти убедили ее. — Просто все это очень жестоко.

— Ты слишком уж мягкосердечна, — сказала Матти. — Но ты же не станешь утверждать, будто жалеешь, что Поликэта Паркера убили?

— Нет.

— Ну вот, а они все такие, как Поликэт, Кортни. Для всех нас лучше, чтобы они были мертвы.

— Да... наверное, ты права, Матти. Матти усмехнулась:

— Ты несправима, Кортни Хортс! Ты пожалела бы и гадюку!

Кортни покачала головой:

— Гадюку? Ну уж нет!

— Ладно, — Матти похлопала по плакату, — этот дурак мог бы по крайней мере сменить себе имя, если уж кругом развешаны его портреты.

— А может, мне нравится мое имя? Девушки, вздрогнув, обернулись и увидели прямо перед собой Джима Уорда — худощавого, среднего роста, с близко посаженными глазами, крючковатым носом и длинными неровными усами. Он сорвал со стены плакат, скомкал его, сунул в задний карман, а затем вперился в Матти холодными серыми глазами. Ее красноречие тотчас иссякло. Кортни не сразу обрела дар речи:

— Она ничего такого не хотела сказать, мистер Уорд.

— А может, мне не нравится, когда меня называют дураком?

— Вы хотите меня застрелить? — насмешливо спросила Матти, внезапно осмелев.

В глазах у Кортни потемнело, а колени подкосились.

— Неплохая идея, — злобно ответил Уорд.

— Эй-эй! — воскликнул Ларе Хэндли. — Мне не нужны неприятности в магазине!

— Тогда стой где стоишь, старик, — сурово приказал Уорд, и Ларе замолчал. — Я сам разберусь с мисс Длинный Язык. — Ларе бросил взгляд на винтовку, которую держал под прилавком, но не потянулся за ней.

Все замерли, в магазине воцарилась мертвая тишина. Чарли и Снаб пришли сразу же после Уорда и теперь сидели в углу парикмахера, наслаждаясь спектаклем.

Гектор, побрив клиента, заметил, что у него дрожат руки. Его посетитель вытер с лица мыльную пену, но остался в кресле, молча следя за развитием событий.

Кортни едва сдерживала слезы. Боже, всего несколько минут назад она жалела этого человека, которого могли в любой момент пристрелить!

— Матти! — Она старалась говорить твердо. — Пойдем, Матти!

— Э, нет! — воскликнул Джим, ухватив Матти за косу и рванув ее на себя. — Длинный Язык никуда не пойдет, пока не попросит у меня прощения. А потом мы потолкуем с тобой, милашка. Ну? — обратился он к Матти.

Глаза девушки вспыхнули от гнева. У Кортни перехватило дыхание.

— Извините, — наконец тихо проговорила Матти.

— Громче!

— Извините! — сердито крикнула она. Посмеиваясь, Джим Уорд выпустил ее. Его близко посаженные глаза уставились теперь на Кортни.

— Послушай, милашка, почему бы тебе не пойти со мной куда-нибудь, где мы могли бы познакомиться поближе? Я положил на тебя глаз, как только...

— Нет! — выпалила Кортни.

— Нет? — Его глаза сузились. — Ты мне отказываешь?

— Мне... мне надо в гостиницу, мистер Уорд. Пальцы Уорда поползли по ее руке и крепко сомкнулись чуть выше локтя.

— Похоже, ты плохо поняла меня, милашка. Я сказал, что нам надо поближе познакомиться, и значит, так оно и есть.

— Пожалуйста... не надо! — закричала Кортни, когда он поволок ее из магазина, не обращая внимания на ее крики.

— Отпусти ее, Уорд!

— Что?! — Джим, остановившись, обернулся: не ослышался ли он?

— Я не повторяю дважды. Джим, держа Кортни, оглядывался. Наконец он увидел говорившего.

— Выбирай одно из двух, Уорд, — небрежно заметил мужчина. — Ты уходишь или мы стреляемся. Решай быстрее — у меня мало времени!

Джим Уорд отпустил Кортни и потянулся за револьвером.

В следующую секунду он был мертв.

Глава 8

Кортни заставляла себя думать о приятных вещах. Она вспомнила, как впервые села на лошадь без дамского седла: как она испугалась и восхитилась, поняв, что ездить так намного легче. Как Матти учила ее плавать. Как она в первый раз сказала Саре, чтобы та заткнулась:

Кортни с удовольствием вспомнила выражение лица мачехи.

Нет, ничего не помогало! Все равно ей явственно представлялся мертвец. Кортни никогда еще не видела покойников. При ней в Рокли никого не убивали, а трупы Питера и Хайдена Сореля на ферме Брауэра в тот день, когда ее жизнь так страшно переменялась, Берни Бикслер предусмотрительно прикрыл.

В магазине она безудержно рыдала, пока Матти наконец не успокоила ее и не отвела в гостиницу. Теперь она лежала на своей кровати с холодным компрессом на лбу.

— Вот, выпей, пожалуйста.

— Ох, Матти, перестань меня обхаживать!

— Кто-то должен же тебя обхаживать, особенно после того, как Сара тебя разругала, — возразила Матти, возмущенно сверкнув голубыми глазами. — Ну и наглая же баба! Как только язык у нее повернулся обвинить во всем тебя? Уж если кого и упрекать, так только меня.

Кортни приподняла компресс и посмотрела на подругу. Да, из-за своей задиристости Матти вечно нарывалась на неприятности.

— Не знаю, что на меня нашло, — мягко сказала Матти, — но я горжусь тобой. Кортни. Два года назад ты бы просто хлопнулась в обморок от страха. А сейчас ты здорово держалась с этим подонком!

— Я перепугалась до смерти, Матти, — перебила ее Кортни. — А разве ты совсем не испугалась?

— Конечно, испугалась, — призналась девушка, — но когда мне страшно, я лезу на рожон. С этим уж ничего не поделаешь. Ну пей же! Это бальзам моей мамы — от всех болезней. Выпьешь — и все как рукой снимет.

— Но я не больна, Матти.

— Пей!

Кортни выпила густой отвар трав, закрыла глаза и опять легла.

— Сара не права, верно?

— Еще бы! Она бесится, что упустила его. Вот если бы она узнала этого бандита, то могла бы прокрасться к нему в комнату, пристрелить его и получить триста долларов.

— Чтобы Сара кого-то пристрелила?

— А что такого? — усмехнулась Матти. — Вполне могу себе представить, как она крадется ночью по коридору с винтовкой Гарри...

— Ой, перестань, Матти! — Кортни давилась от смеха.

— Вот так-то лучше! Ты уже смеешься! Но если посмотреть на дело иначе, то тебе повезло, Кортни, — остаток дня ты можешь не работать.

— Зачем смотреть на это так? — печально заметила Кортни.

— Да ладно, не кори себя! Ты же не виновата, что мужики теряют головы, как только тебя увидят. И этот мерзавец получил по заслугам. Ты же отлично знаешь, что бы он с тобой сделал, доведись ему затащить тебя в укромный уголок.

Кортни вздрогнула. Да, она знала. Она видела это в его глазах. Никакие мольбы не спасли бы ее.

— Он в самом деле дурак, если думал, что никто его не остановит, — продолжала Матти. — Хотя, может, и не такой уж дурак. Если бы не этот незнакомец, никто не остановил бы его. К тому же он дал Уорду шанс. Тот мог просто уйти, так нет же — схватился за револьвер. Сам нарвался. — Помолчав, Матти сказала:

— Ты в долгу перед этим парнем, Кортни. Интересно, кто он такой?

— Мистер Чандос, — тихо ответила Кортни.

— Че-ерт! — воскликнула Матти. — Как же я сама не догадалась? Боже, неудивительно, что он тебя так заинтересовал! Он очень симпатичный, правда?

— Наверное.

— Наверное? Этот человек спас тебя от позора, Кортни. Тебе надо хотя бы поблагодарить его, ведь завтра утром он уедет.

— Он уезжает? Матти кивнула:

— Я слышала, как Чарли со Снабом разговаривали о нем в вестибюле. Он повезет тело Уорда в Уичито, чтобы получить вознаграждение.

Кортни почувствовала слабость.

— Тебе не пора домой, Матти?

— Думаю, пора. Хотя Пирс поймет, почему я задержалась, когда я ему все расскажу. Только обещаю тебе, пожалуйста, что не будешь киснуть весь вечер.

— Не буду, Матти, — пообещала Кортни. — После сегодняшнего мне еще сильнее захотелось вернуться на Восток. Там не случается такое. Это не цивилизация, Матти.

Матти ласково улыбнулась:

— Твои попытки найти тетю окончились неудачей. Ведь ты узнала только то, что она умерла. Так что тебе не к кому ехать на Восток, Кортни.

— Да, но ведь я могу работать, пусть даже так, как последние четыре года, — мне все равно. Но мне здесь беспокойно, Матти. На Гарри надежды нет, он не защитит меня — я для него почти не существую. Мне нужно чувствовать себя в безопасности, и если с Гарри и Сарой этого нет, значит, я должна найти спокойное место для жизни.

— Ты поедешь одна?

— Нет, — уныло ответила Кортни, — одна я не могу. Но знаешь, Гектор Иване подумывает уехать отсюда. Может, после сегодняшнего он решит отправиться на Восток. Я могла бы заплатить ему, чтобы он взял меня с собой. У меня есть деньги, о которых не знает Сара.

— Конечно, ты можешь заплатить Гектору, но только зря потратишь деньги: он и себя-то не может защитить, не говоря уж о тебе. Ты знаешь, что в Миссури сейчас постоянно грабят поезда. Ты запросто можешь попасть в лапы банды Джеймса или кого-нибудь еще и распроститься со своими денежками.

— Матти!

— Но это правда!

— И все-таки это шанс, и нужно им воспользоваться.

— Ну ладно, если уж ты настроилась, то хотя бы выбери себе в попутчики какого-нибудь смелого мужчину. Рид, наверное, согласится поехать с тобой, если ты его хорошенько попросишь.

— Он потребует, чтобы я вышла за него замуж.

— Ну и выходи, — сказала Матти. — Почему бы и нет?

— Это не повод для шуток, Матти. — Кортни нахмурилась. — Ты же знаешь, что Рид мне не

нравится.

— Ну и что? Знаешь, я лучше пойду. Корт. Мы с тобой еще завтра поговорим об этом. Но не вздумай полагаться на Гектора! Он палец о палец не ударит, если на тебя нападет какой-нибудь негодяй. Вообще тебе нужен такой человек, как Чандос. Вот он-то не даст тебя в обиду. А что, если попросить его?

— Нет, я не могу, — сказала Кортни, передернувшись. — Он убийца.

— Бога ради, Кортни, ты хоть слышала, о чем я тебе говорила? Я же сказала, что это тот, кто нужен тебе в попутчики. Если ты хочешь быть в безопасности...

Матти ушла, и Кортни, лежа на кровати, обдумывала слова подруги. Нет, Матти не права. Если бы она ехала на север, на юг или даже на запад, тогда, конечно, с мистером Чандосом ей было бы спокойней. Но она собиралась на восток — назад, к нормальной цивилизации. К тому же железная дорога не так уж далеко отсюда. Добраться будет легко. Ей просто нужен попутчик, чтобы не чувствовать одиночества в дороге.

Но Матти права в одном: ей надо поблагодарить мистера Чандоса.

Целый час Кортни собиралась с духом, чтобы пойти на поиски своего спасителя.

Она надеялась, что не застанет его в номере. По вечерам Кортни разносила постояльцам свежую воду и полотенца, но сейчас было время обеда, и она полагала, что мистер Чандос в столовой. Если так, то она с чистой совестью скажет Матти, что хотела поблагодарить его, но не нашла. Нет, так нехорошо — Кортни уже почувствовала угрызения совести. Она знала, что необходимо поблагодарить его, но как встретиться лицом к лицу с этим страшным человеком? Ладно, если его не будет в номере, она оставит ему записку.

Затаив дыхание, Кортни два раза постучала в дверь. Внимательно прислушавшись, она подергала ручку — закрыто. Ну и ладно, она сделала все, что могла. Вторых ключей к номерам не было, ибо Гарри считал, что если гость запирает свою комнату, значит, у него есть на то основания. Это верно. Но так же верно и то, что с такими постояльцами, как у них, запросто можно нарваться на пулю, войдя в комнату без спроса.

Кортни облегченно вздохнула. Этот человек, несомненно, опасен, а таких она всегда старалась обходить стороной.

И все же то, что она не застала его, разочаровало Кортни. Услышав, как он приказал Джиму Уорду отпустить ее, она совершенно перестала бояться. В присутствии этого бандита ей было спокойно. С тех пор как умер отец, Кортни не чувствовала себя такой защищенной.

Она решила написать записку и оставить ее на столе регистрации, но вдруг услышала, как отпирают дверь. Кортни похолодела — у него в руке был револьвер.

— Простите. — Он заткнул револьвер за пояс брюк и, открыв дверь пошире, отступил в комнату. — Заходите.

— Нет, я... я не могу.

— А эта вода разве не для меня?

— О, ну да, для вас, конечно! Извините, я только поставлю кувшин на умывальник.

Кортни с пылающим лицом поспешно прошла к умывальнику и оставила там воду и полотенца. Ее охватило смятение. Господи, что он о ней подумает? Сначала истерика в магазине Хэндли, а теперь этот идиотский лепет!

Собрав все свое мужество, Кортни повернулась к нему. Он прислонился к косяку двери, скрестив на груди руки и преградив ей путь к отступлению.

В отличие от нее в нем не было ни тени напряженности. Напротив, он буквально источал беззаботную самоуверенность, отчего Кортни почувствовала себя еще глупее.

Он смотрел на нее небесно-голубыми глазами, которые, казалось, раздевали ее догола, делая ее абсолютно беспомощной. Конечно, он не показывал, что находит ее привлекательной: лицо его не выражало ни любопытства, ни интереса. Кортни, оправившись от смущения, ощутила злость.

«Быстрее благодари его, Кортни, и дуй отсюда пулей, пока он не растоптал твою гордость, которую ты вырабатывала годами!»

— Мистер Чандос...

— Не мистер — просто Чандос.

Она только сейчас заметила, какой у него глубокий, успокаивающий голос.

Растерявшись, Кортни лихорадочно думала, что ему сказать.

— Вы испуганы, — проговорил он. — Почему?

— Нет-нет, я не испугана, правда, нет! — «Не отклоняйся от темы, Кортни!» — Я, я хотела поблагодарить вас... за то, что вы сегодня сделали.

— За то, что я убил человека?

— Нет! Не за это! — «О Господи, как же это трудно!» — Я хотела сказать... вы спасли меня... то есть я к тому, что... он не послушал бы меня... а вы его остановили... и...

— Леди, вам лучше уйти отсюда, пока вы не упали в обморок.

Боже, он видел ее насквозь! Совершенно подавленная, Кортни смотрела, как он опустил руки и отошел от двери, освобождая проход. Она выскочила в коридор.

Ее захлестнул стыд, более глубокий, чем унижение. Кортни обернулась. Он по-прежнему смотрел на нее, но теперь выражение его глаз успокоило ее. Она обрадовалась, хотя и не понимала, в чем дело.

— Спасибо вам, — искренне проговорила Кортни.

— Не стоит благодарности. Мне заплатят за хлопоты.

— Но вы же не знали, что этот человек в розыске.

— Не знал?

Он был там, в магазине! Он мог слышать их с Матти разговор, а значит...

— Какие бы ни были у вас причины, мистер, вы помогли мне, — твердила Кортни. — Так что вам придется принять мою благодарность — Будь по-вашему. — Это прозвучало так, словно он сказал: «Можете идти!»

Кортни напряженно кивнула и пошла прочь, убыстряя шаг. Спиной она чувствовала его взгляд. Слава Богу, что завтра он уезжает! Этот человек напрочь лишает ее присутствия духа!

Глава 9

Когда в этот вечер Рид Тэйлор попросил Кортни встретиться с ним, она отказалась. Сара резко отчитала ее за это, но Кортни было все равно.

Саре нравился Рид, и Кортни понимала почему. Деспотичные и эгоистичные, они были похожи. И оба решили, что она должна выйти замуж за Рида. Но Кортни имела свое мнение на этот счет.

Да, Сара очень хотела, чтобы Кортни стала женой Рида. В последнее время каждая ее нравоучительная тирада заканчивалась коронной фразой:

— И когда только я сплавлю тебя замуж? Хватит уже сидеть на моей шее!

Это была шутка: Кортни зарабатывала более чем достаточно, чтобы содержать себя, и Сара предоставляла ей лишь комнату и питание. За работу в гостинице она ни разу не заплатила девушке ни цента. Кортни приходилось в свободное время подрабатывать шитьем для молодых сестер Кофман — она не хотела, чтобы Сара знала о пятистах долларах, спрятанных у нее в комнате.

Эти деньги остались от продажи кое-какой мебели, которая не понадобилась новым владельцам их дома, когда Кортни, отец и Сара уезжали из Чикаго. Сара не подозревала о том, что эти деньги получила Кортни и не успела отдать их отцу. Слишком озабоченный, Эдвард и не спросил про деньги, а Кортни в суматохе сборов просто забыла о них. Она сунула их на дно своего дорожного сундука, где они и лежали, уцелев даже после налета индейцев.

Она умолчала об этих долларах, когда Сара вопила, что у них нет ни цента и Эдварду не следовало держать все деньги при себе. Сейчас Кортни радовалась, что не выдала этой маленькой тайны.

Она предполагала отдать деньги в случае крайней нужды, но такого случая не было: Сара быстро нашла для них обеих работу в гостинице, а через три месяца вышла замуж за Гарри Аккермана, владельца этого заведения. Гарри был не столь хорошей добычей, как Эдвард, зато подавал надежды.

От этого брака Кортни не стало слаще. Она перестала получать деньги за работу, а Сара, быстро войдя в роль хозяйки, только отдавала приказы и бездельничала.

Девушка прекрасно понимала, почему мачеха так мечтала избавиться от нее: люди начали называть ее «старая Сара», думая, что Кортни — ее дочь. Сколько бы Сара ни говорила, что Кортни девятнадцать, а в конце года исполнится двадцать, их все равно воспринимали как мать с дочерью. Саре было всего тридцать четыре, и эти разговоры бесили ее.

Сара перестала настаивать на замужестве Кортни, уговорив Гарри переехать в быстро растущий Уичито, где строилась новая гостиница. В этом городе можно делать деньги — так

говорил Рид, который и сам готовился к переезду, полагая открыть в семьдесят третьем году до начала сезона перегона скота новый салун и игровой зал в Уичито.

Сару не интересовало, поедет ли Кортни в Уичито, поскольку там девушка жила бы уже отдельно.

Кортни с содроганием думала о переезде. Уичито будет намного хуже, чем Рокли, ибо привлекает еще больше всякого сброда. Она не хотела ни отправляться туда с Сарой, ни выходить замуж за Рида. Правда, ничего другого не оставалось, но сегодня у нее зародился новый план.

Кортни всегда мечтала вернуться на Восток. Теперь она больше не желала оставаться в Рокли, а жить в Уичито под сомнительной защитой Гарри просто боялась.

Ворочаясь с боку на бок, Кортни никак не могла заснуть. Наконец она зажгла свечу и пошла за газетой, спрятанной в комод. Она целый день предвкушала, с каким удовольствием почитает ее, но, увы, это оказалась не восточная газета, а техасский еженедельник «Форт-Уэрг», к тому же восьмимесячной давности.

Она разложила газетный лист на постели и прочитала несколько статей, пропустив одну — про перестрелку. Эта тема слишком живо напомнила ей о мистере Чандосе и убитом Джиме Уорде.

Отгнав мысли об Уорде, она невольно подумала о Чандосе. Кортни призналась себе, что он заинтересовал ее сразу, как только она увидела его. Чандос был не первым, кто ей понравился, но такого сильного впечатления на Кортни не производил ни один мужчина. Когда Рид Тэйлор приехал в их городок, Кортни сразу обратила на него внимание, но, узнав его ближе, быстро охладела к нему.

С Чандосом было иначе: понимая, кто он такой, она все равно находила его неотразимо привлекательным.

Поджарый и крепкий, с суровым, волевым лицом, сильным торсом и длинными мускулистыми ногами, он невольно обращал на себя внимание. Наверху его левой щеки виднелся маленький шрам. Но поистине неотразимы были его чувственный рот и светлые глаза, обрамленные густыми черными ресницами.

Рядом с ним Кортни чувствовала себя маленькой и хрупкой, оттого и вела себя так глупо.

Кортни вздохнула, снова сосредоточившись на газете. Пристальнее взглядевшись в одну из фотографий, она не поверила своим глазам. Неужели? Да нет, это невозможно! Нет... да!

Кортни быстро прочитала статью под фотографией. В ней говорилось об аресте некоего Генри Макгинниса, известного техасского угонщика скота в графстве Макленнан. Его поймал с поличным хозяин ранчо Флетчер Стратон, люди которого привезли Макгинниса в ближайший городок Уэйко. На снимке был запечатлен момент, когда угонщика скота вели по главной улице Уэйко, а прохожие глазели на него. Макгиннис был в фокусе, а лица людей на заднем плане вышли нечетко. Но один человек в этой толпе походил как две капли воды на Эдварда Хортс!

Кортни быстро накинула халат и, схватив свечу и газету, выскочила в коридор. Комната Сары и Гарри находилась поблизости. В ответ на ее стук из-за двери послышались проклятия, но Кортни, не обращая на это внимания, влетела в комнату. Гарри, увидев ее, застонал от раздражения. Сара пришла в ярость.

— Ты имеешь представление о том, который час...

— Сара! — вскричала Кортни. — Мой отец жив!

— Что-о? — вскричали оба. Гарри искоса взглянул на Сару:

— Значит ли это что ты за ним замужем, Сара?

— Это ничего такого не значит, — отрезала Сара. — Кортни, как ты посмела...

— Смотри, Сара! — оборвала ее Кортни и, присев на кровать, показала ей фотографию. — И не говори, что это не мой отец!

Сара долго вглядывалась в снимок, потом с облегчением сказала:

— Спи спокойно, Гарри. У девочки разыгралось воображение. Ты что, не могла подождать с этим бредом до утра, Кортни? Врываться к людям в столь поздний час просто неприлично...

— Это не бред! Это мой отец! Фотография сделана в Уэйко, а значит...

— Ничего это не значит, — презрительно усмехнулась Сара, — кроме того, что в Уэйко живет мужчина, отдаленно напоминающий Эдварда. Заметь, я сказала «отдаленно»! Снимок нечеткий, и черты лица этого человека размыты. Ну да, есть какое-то сходство. Что с того? Эдвард мертв, Кортни! Все говорят, что он не мог выжить в плену у индейцев.

— Все, но не я! — сердито воскликнула Кортни. Как смеет Сара отрицать очевидное? — Я никогда не верила в его смерть. Он мог бежать, он мог...

— Дура! И где же, по-твоему, он был целых четыре года? В Уэйко? Почему он не пытался нас найти? — Сара вздохнула. — Эдвард мертв, Кортни. Тут уж ничего не попишешь. Иди спать.

— Я еду в Уэйко!

— Что? — Сара засмеялась. — А-а, ну конечно! Если ты хочешь, чтобы тебя убили в дороге, отправляйся! — И затем резко добавила:

— Убирайся отсюда! Я хочу спать!

Кортни молча вышла из комнаты. Это вовсе не воображение, и пусть никто не убеждает ее, что здесь, на снимке, не отец! Он жив! Она всегда чувствовала это. Почему он в Уэйко, Кортни не знала. Почему не пытался разыскать ее, тоже не могла сказать. Но она сама найдет его!

Плвать на Сару! Ясно, отчего она взъерепенилась — просто ей не хочется, чтобы Эдвард был жив. Она нашла себе мужа, который устраивает ее больше, чем Эдвард. К тому же Сара надеется, что Гарри сделает ее богатой.

Со свечой в руке, зажав под мышкой драгоценную газету, Кортни поднялась на второй этаж, где были комнаты для гостей.

Кортни прекрасно сознавала, на что идет. Это был самый смелый поступок в ее жизни. Если она задумается о том, что делает, то никогда не решится на это. Поэтому, ни секунды не медля, Кортни тихо постучала в дверь. Правда, у нее хватило ума постучать тихо. Который час, она не знала, но не хотела будить никого, кроме Чандоса.

Вскоре дверь распахнулась и невидимая сильная рука втащила ее в комнату. Рот ее крепко зажала большая ладонь, а к спине тесно прижалась каменная грудь бандита. Кортни выронила свечу, и, как только дверь закрылась, комната погрузилась в кромешную тьму.

— Разве вы никогда не слышали о том, что опасно будить мужчину среди ночи? Спросонья не каждый разберет, что вы женщина.

Он отпустил ее, и Кортни чуть не рухнула на пол.

— Простите, — начала она, — мне было необходимо видеть вас. До утра я ждать не могла — боялась вас не застать. Ведь вы уезжаете утром?

Он молча поднял ее свечу — Господи, и как только он нашел ее в темноте? — и, чиркнув спичкой, зажег ее и поставил на низкий комод. Кортни увидела рядом с комодом его седельные сумки и седло. Интересно, распаковал ли он свои вещи? Вряд ли. Казалось, что этот человек всегда готов сорваться с места.

Она сотни раз убирала эту комнату, но сейчас, ночью, здесь все казалось другим. Большой тканый ковер лежал свернутым у стены. Почему? И почему прикроватный коврик торчал из-под кровати? Принесенными ею вечером полотенцами и водой он пользовался. Полотенца сохли над умывальником. Занавески были задернуты, окно закрыто, и Кортни решила, что оно заперто. Возле чугунной нетопленной печки в центре комнаты стоял стул; на его высокой спинке висели чистая голубая рубашка, черный жилет, шейный платок и ремень. Португепя висела возле кровати — кобура была пуста. На полу стояли черные сапоги.

Взглянув на его смятую постель, Кортни похолодела и попятилась к двери. Она разбудила мужчину! Да как только она решилась на это!

— Извините, — пробормотала она, — мне не следовало вас беспокоить.

— Однако вы это сделали. Поэтому я не отпущу вас, пока не узнаю причины.

Это прозвучало как угроза. Тут только Кортни заметила, что он стоял перед ней полуобнаженный, в одних только брюках. Широкая полоса темных волос покрывала пространство между сосками и, образуя букву Т, прямой дорожкой сбегала по центру живота, исчезая в брюках. Кортни заметила также короткий, зловещего вида нож, продетый в одну из петель на его ремне. Револьвер, вероятно, он заткнул сзади за пояс брюк.

Конечно, перед тем как открыть дверь, он все предусмотрел. На Западе у мужчин свои законы, а такие, как этот, всегда настороже.

— Леди?

Кортни поежилась. В его голосе не было нетерпеливого раздражения, но она понимала, что удивила его.

Наконец решившись, она встретилась с его взглядом — все таким же бесстрастным.

— Я... я надеялась, что вы мне поможете. Как она и думала, револьвер оказался при нем. Он вытащил его из-за пояса и, подойдя к кровати, убрал в кобуру. Затем сел на постель и задумчиво уставился на Кортни. Это было уже слишком — разобранная постель, полуодетый мужчина... Щеки ее вспыхнули.

— У вас какие-то трудности?

— Нет.

— Так что же?

— Вы возьмете меня в Техас? Она выпалила это разом, боясь, что передумает, и теперь была довольна собой. После короткой паузы он сказал:

— Вы свихнулись?

Кортни еще гуще покраснела.

— Нет, уверяю вас, я серьезно. Мне надо попасть в Техас. У меня есть основания думать, что мой отец в Уэйко.

— Я знаю Уэйко. Отсюда до него больше четырехсот миль, половина из них — по индейским землям. Вы этого не знали?

— Знала.

— Но вы же не хотите ехать этим путем?

— Это ближайшая дорога, верно? По этой дороге я поехала бы четыре года назад с отцом, если бы... Ладно, не важно. Я знаю, что это опасно. Поэтому и прошу вас сопровождать меня.

— Почему именно меня? Кортни на мгновение задумалась.

— Здесь мне больше некого просить. Ну, вообще-то есть один человек, но его цена была бы слишком высока. А вы сегодня доказали, что прекрасно можете защитить меня. Я совершенно уверена, что вы в целостности и сохранности доставите меня в Уэйко. — Она замолчала, раздумывая, стоит ли продолжать. — Есть и еще одна причина. Может, это покажется вам странным, но вы отчего-то кажетесь мне... знакомым.

— У меня плохая память на лица, леди.

— О, это вовсе не значит, что мы с вами встречались. Если бы так, я, конечно, помнила бы вас. По-моему, все дело в ваших глазах. — Если она скажет ему, как его глаза успокаивают ее, то он точно решит, что она безумная, и Кортни промолчала. — Может быть, в детстве я доверяла кому-то с такими глазами, как у вас, — не знаю. Но я почему-то уверена, что с вами буду в безопасности. Сказать по правде, я не чувствую себя надежно с тех самых пор, как... как меня разлучили с отцом.

Ни слова не говоря, он встал, подошел к двери и открыл ее.

— Я не повезу вас в Техас. Сердце Кортни упало. Она не ожидала отказа, больше всего на свете боясь попросить его.

— Но... я заплачу вам.

— Я не работаю за деньги.

— Но вы же повезете покойника в Уичито, чтобы получить деньги. Казалось, он удивился.

— Я еду в Ньютон, Уичито мне по пути.

— О, я не думала, что вы собираетесь остаться в Канзасе.

— Я и не собираюсь.

— Тогда...

— Я сказал — нет! Я вам не нянька!

— Я не такая уж беспомощная, — сердито начала Кортни, но осеклась, перехватив его ледяной взгляд. — Ладно, я найду себе другого попутчика, — с вызовом сказала она.

— Я бы вам не советовал. Вас убьют. Это напоминало слова Сары, и Кортни еще больше разозлилась.

— Простите, что побеспокоила вас, мистер Чандос, — резко проговорила она и, вскинув голову, решительно вышла из комнаты.

Глава 10

Ньютон, городок в двадцати пяти милях к северу от Уичито, постепенно отвоевывал у Абилина положение канзасского центра по перевозке скота. Построенный по тому же скверному образцу, городок успел пережить только один сезон, тогда как Уичито существовал уже два.

Все злчные места города — танцзалы, салуны и бордели — располагались к югу от железнодорожных путей, в районе под названием Гайд-Парк.

В сезон перегона скота в городке всегда околачивались ковбои-погонщики и притоны гудели круглые сутки. Перестрелки были таким же обычным делом, как и кулачные бои, возникавшие по малейшему поводу.

Ковбоям платили в конце тропы, и почти все они в считанные дни спускали заработанные деньги.

Чандос, проезжая через Гайд-Парк, отметил, что здешние ковбои ничуть не отличаются от других. Как только опустеют их карманы, одни вернутся в Техас, а другие отправятся бродяжничать. Возможно, кто-то из них поедет на Юг, остановится в Рокли, и Кортни Хортс уговорит его довезти ее до Техаса.

Чандос редко выказывал свои чувства, но сейчас ему чертовски трудно удавалось сохранить спокойное выражение лица. Мысль о юной Кортни Хортс, путешествующей по прерии наедине с ковбоем, изголодавшимся по женщинам, отравляла ему существование. Но собственная реакция на это раздражала еще больше. Глупая женщина с Востока! Ничему-то она не научилась за четыре года, прошедшие с того дня, как ее жизнь оказалась в его руках. Как и тогда, никакого инстинкта самосохранения!

Чандос остановился перед салуном Татла, но спешиваться не стал. Сунув руку в карман жилета, он извлек оттуда прядку волос, которую носил с собой все эти четыре года. Чандос обнаружил их в своем кулаке после того, как дернул Кортни за волосы.

Тогда он еще не знал, как ее зовут, но вскоре выяснил, вернувшись в Рокли разведать, что случилось с его Кошачьими Глазками. Именно так Чандос мысленно называл ее — Кошачьи

Глазки, даже когда узнал ее имя. А думал он о ней за эти годы часто.

Конечно, он представлял Кортни совсем не такой, какой она стала сейчас. Он помнил ее испуганной девочкой, чуть старше его погибшей сестры. Теперь несмышленная девчонка превратилась в красивую женщину — впрочем, все такую же глупую. Какое дурацкое решение ехать в Техас! Чандос мог легко предположить, что ее изнасилуют и убьют в дороге. Эти страшные фантазии были основаны на реальности.

Он спешил, привязал своего пегого мерина перед салуном Татла и еще несколько мгновений задумчиво смотрел на прядку волос, а потом с отвращением отшвырнул ее.

В салуне, несмотря на полуденное время, вокруг стойки и за столиками сидело по меньшей мере человек двадцать. Здесь была даже парочка дам полусвета. За одним из столиков резались в карты, игрой заправлял картежник-профессионал. На другом конце зала в компании шести приятелей гулял городской шериф, они так же шумели, как и другие посетители пивной. Три ковбоя мирно спорили, кому идти с двумя шлюхами. За столиком в углу двое тихо потягивали пиво — явно отпетые бандиты.

— Дэйр Траск еще не заходил? — спросил Чандос у бармена, заказав себе выпивку.

— Не слышал, про такого, мистер. Эй, Уилл, ты знаешь Дэйра Траска? — крикнул бармен одному из завсегдатаев.

— Да вроде бы нет, — ответил Уилл.

— Он обычно ездит в компании Уэйда Смита и Лероя Керли, — подсказал Чандос.

— Смит я знаю. Слышал, что он живет с какой-то бабой в техасском Парисе. А двое других?.. — Мужчина пожал плечами.

Чандос поставил виски на стойку. Ну что ж, уже кое-что, пусть это даже всего лишь слухи. Задавая невинные вопросы в салунах, он выяснил, что Траск едет в Ньютон. Но про Смита он ничего не слышал уже два года, с тех пор как узнал о том, что его разыскивает за убийство полиция Сан-Антонио. А вот за Лероем Керли Чандос проследил до маленького городка в Нью-Мехико, где ему даже не пришлось набиваться на драку. Керли, прирожденный забияка, чуть что хватался за револьвер. Он сам полез на рожон, и Чандос убил его.

Чандос знал Дэйра Траска лишь по краткому описанию: каштановые волосы, карие глаза, невысокий, около тридцати. Под это описание подходили два ковбоя и один из бандитов за столиком в углу. Но у Дэйра Траска была одна особая примета: на левой руке у него не хватало двух пальцев.

Чандос заказал вторую порцию виски.

— Если зайдет Траск, скажи ему, что его ищет Чандос.

— Чандос? Хорошо, мистер. Вы его друг?

— Нет.

Этим все было сказано. Ничто так не тревожило бандита, как сообщение о том, что его разыскивает кто-то ему неизвестный. Чандос таким же приемом подловил бродягу Цинциннати. Он надеялся, что это поможет ему найти и Траска, которому, как и Смигу, все

четыре года удавалось уходить от него.

Чтобы отбросить сомнения, Чандос внимательно оглядел тех троих, которые показались ему подозрительными, но у них все пальцы были на месте.

— Черт возьми, мистер, что это ты тут высматриваешь? — спросил ковбой, оставшийся за столиком один. Оба его дружка встали, собираясь уйти с девицами наверх.

Очевидно, он проиграл спор и теперь ждал, когда вернется одна из проституток. От этого у него заметно испортилось настроение.

Чандос пропустил его слова мимо ушей. Если мужчина нарывается на драку, успокоить его довольно просто.

Ковбой встал из-за столика и, схватив Чандоса за плечо, грубо развернул его.

— Сукин сын, я тебя спра...

Чандос двинул его ногой в пах, и парень, побледнев, повалился на колени. Чандос выхватил револьвер.

Кто-нибудь другой на его месте мог бы и выстрелить, но Чандос не убивал просто так. Он держал револьвер, чтобы выстрелить в случае необходимости.

Городской шериф Макласки встал из-за столика при первых признаках конфликта, но явно не собирался вмешиваться. Он отличался от своего предшественника, пытавшегося усмирить Ньютон. Незнакомец метнул на шерифа взгляд, и тот сразу понял: с этим человеком шутки плохи. К тому же если уж парень схватился за револьвер, не стоит стоять у него на пути.

Два других ковбоя осторожно сошли с лестницы, чтобы забрать своего дружка. Они широко развели руками, выражая миролюбие:

— Успокойтесь, мистер! У Баки пустой котелок, он туго соображает. Его не слишком сильно скрутило, но он больше не будет хулиганить.

— Черта с два я...

Ковбой, поднимая Баки с колен, ткнул его локтем в бок:

— Дерьмо! Заткни свою пасть, пока она еще цела! Тебе повезло, что он не продырявил твою башку.

— Я буду в городе еще несколько часов, — сказал им Чандос, — на случай, если ваш друг захочет подвести итоги.

— Нет, сэр. Мы сейчас отвезем Баки в лагерь, а если он и тогда не образумится, мы сами вправим ему мозги. Вы с ним больше не встретитесь.

Весьма сомнительно, подумал Чандос, но удовлетворился обещаниями ковбоя. Просто в Ньютоне ему придется держаться начеку.

Едва револьвер Чандоса водворился на место, пивная опять зашумела. Шериф со вздохом облегчения уселся на место, а картежники вернулись к игре. Такого рода разборки не заслуживали даже обсуждения. Взволновать Ньютон могло только кровопролитие.

Через несколько минут Чандос вышел из салуна Татла. В поисках Траска ему предстояло обойти другие салуны городка, а также танцзалы и бордели. На последнее, возможно, тоже уйдет время, ведь он не был с женщиной с тех пор, как уехал из Техаса, а неожиданная встреча с Кортни Хортс в ее проклятой ночной рубашке только раззадорила его.

Подумав о Кортни, Чандос увидел на земле комок темных волос. Вдруг ветерок погнал волосы прямо к его ногам. Чандос поднял их и положил в жилетный кармашек.

Глава 11

В воскресенье утром, когда все добропорядочные горожане отправились в церковь, Рид Тэйлор сидел в гостиной-кабинете, в одной из двух своих комнат на верхнем этаже салуна. Возле кресла, придвинутого к окну, лежала стопка дешевых бульварных романов.

Он обожал приключенческие романы. Некогда его любимым писателем был Нэд Бантлер, но в последнее время его увлекли истории о Буффало Билле, написанные другом Билла Прентисом Инграхэмом. Риду нравились романы и самого Буффало Билла, но его любимой книгой оставался «Сет Джонс, или Пленник границы» Эдварда Сильвестра Эллиса — первый бульварный роман о Диком Западе издательства «Бидл и Адаме».

Рид в пятый раз упоенно перечитывал «Бэн Охотничий Нож, маленький охотник с северо-запада» Олла Кумса, когда из спальни томно выплыла Элли Мэй и нарочито громко зевнула. Но отвлечь Рида ей не удалось — в это утро его не интересовало ее полуголоое тело, ибо он всласть попользовался им прошлой ночью.

— Тебе надо было разбудить меня, милый, — пропела Элли Мэй грудным голоском, встав за спиной у Рида и обвив руками его шею. — Я думала, мы проведем в постели целый день.

— Ты ошибалась, — рассеянно пробормотал Рид. — А теперь будь умницей, беги-ка к себе!

Он похлопал ее по руке, даже не взглянув на нее. Губки Элли Мэй скривились от досады. Хорошенькая девушка с прекрасной фигуркой, она любила мужчин, очень любила! Впрочем, Дора, девушка, работавшая вместе с ней в салуне у Рида, тоже любила их. Но Рид не разрешал им обслуживать клиентов. Он даже нанял одного заезжего бандита следить за тем, чтобы это его распоряжение выполнялось неукоснительно, и Гас Максвелл тщательно следил за этим.

Рид смотрел на этих девушек как на свою собственность и не желал ждать, когда его одолевало желание повозиться с одной из них в постели. Однако он не так уж часто приглашал их к себе в постель, ибо ему приходилось делить внимание между обеими. Элли Мэй и Дора, бывшие подруги, теперь враждовали из-за того, что Рид стал их единственным мужчиной.

Элли Мэй была не прочь, чтобы Кортни Хортс вышла замуж за Рида. Может, тогда он наконец отпустит ее и Дору. Он распорядился, чтобы они не смели уходить из салуна, и ни одна из них не осмеливалась его послушаться. Когда Рид заявил, что возьмет их с собой в Уичито, Элли Мэй обрадовалась, надеясь, что там все изменится. Ведь в Уичито хотя бы есть шериф, которому можно пожаловаться! Здесь, в Рокли, никто не поверил бы в такой неслыханный произвол, ибо Рид владел чистым, приличным салуном и горожане уважали его.

— Знаешь, в чем твоя беда, Рид? — сказала Элли Мэй, взбудораженная от неудовлетворенности. — Тебя в жизни интересуют только три вещи: деньги, дешевые романы и эта проститутка через дорогу. Удивляюсь, как это ты не повел мисс Ханжу в церковь. Ты мог бы потом пригласить ее на ленч. Конечно, священника твое появление в церкви поглотило бы в

шок. Не исключено, что бедняга хлопнулся бы в обморок от неожиданности.

Она зря точила яд: Рид даже не слышал ее. Элли сердито посмотрела в открытое окно и увидела, что по улице идет девушка, о которой она только что говорила. Элли Мэй улыбнулась, злорадно сверкнув глазами.

— Так-так, интересно, что это за парень провожает мисс Кортни из церкви? — смакуя слова, проговорила она.

Рид тотчас вскочил с кресла и уставился в окно. Затем, рывком задернув занавески, повернул к Элли разъяренное лицо.

— Тебя надо отшлепать, дура! — гневно сказал он. — Ты что, не узнала Пирса Кэйтса?

— А-а, так это Пирс? — притворно удивилась она.

— Убирайся!

— Ухожу, ухожу, сахарный мой!

Она удовлетворенно улыбнулась. Ладно, пусть злится, она таки заставила его понервничать, хотя бы и несколько мгновений. Он слишком привык получать все, что хочет. Если что-то не по нем. Рид выходит из себя от ярости. Кортни Хортс была мечтой Рида. Девушка не устремилась в его объятия, однако он ничуть не сомневался, что рано или поздно она это сделает. Он уже считал, что Кортни принадлежит ему. Но Элли Мэй надеялась, что маленькая леди не сдастся. Рида Тэйлора не мешает хоть раз прочить.

— Кортни!

Девушка остановилась, вскрикнув от досады, когда увидела Рида Тэйлора, спешившего к ней через дорогу. Как же ей не повезло! Еще несколько ярдов — и она уже была бы в гостинице.

Матти и Пирс тоже остановились, но Кортни, изобразив неподдельное страдание, попросила их взглядом идти дальше, а сама осталась ждать Рида. Это не заняло много времени. Должно быть, он выскочил из салуна сразу, как только ее увидел, поскольку на нем не было ни пальто, ни шляпы, что казалось весьма необычным для человека, всегда кичившегося безукоризненностью своей одежды.

Его светлые волосы были всклокочены, — а щеки заросли щетиной — значит, он еще не брился. Однако встрепанный вид Рида ничуть не портил его внешности. Темно-зеленые глаза, орлиный нос и ямочки на щеках делали его весьма обаятельным. Рид был крупным, высоким и крепким. Кортни всегда ощущала в нем силу. Он привык побеждать, и удача сопутствовала ему. Да, сильный человек.

Кортни порой удивлялась, почему видит в Риде одни недостатки, но ничего не могла с этим поделать. Он был упрям как бык, таких Кортни еще не встречала. Рид ей просто не нравился, вот и все. Однако когда она обернулась к нему, ее взгляд не выразил неприязни — Кортни была слишком озабочена своими проблемами.

— Доброе утро, Рид.

Он сразу приступил к делу:

— Ты не встречалась со мной после той переделки в магазине у Хэндли.

— Ну и что?

— Ты что, так сильно расстроилась?

— Конечно.

Она не лгала. Правдой было и то, что все последнее время она искала спутника до Техаса. Кортни даже собрала вещи в дорогу. Берни Бикслер как раз продавал фургон и крепкую лошадь. Ел не хватало только попутчика.

Благодаря переделке в магазине у Хэндли можно было не встречаться с Ридом. Объяснений вроде «я просто не хотела видеть тебя» он не принимал.

— Когда Гас рассказал мне, я сначала и не поверил. В тот день я только вечером вернулся из Уичито, — заметил Рид. — Чертовски повезло, что там оказался тот парень, Чандлер.

— Чандос, — мягко поправила Кортни.

— Что? А, ну да! Впрочем, какая разница? Я собирался поблагодарить его за то, что он пришел тебе на помощь, но он очень рано уехал. Может, это и к лучшему: слишком уж быстро он хватается за револьвер.

Кортни знала, что он имел в виду. В ту ночь она легла поздно и наутро проспала вторую перестрелку. Вроде бы дружок Джима Уорда вызвал Чандоса на драку перед гостиницей. По словам старого Чарли, парень не смог тягаться с Чандосом в быстроте. Тот молниеносным движением выхватил револьвер, но не убил парня, а только ранил в руку. Потом связал его и ускакал из Рокли с ним и трупом Джима Уорда.

— С какой стати тебе благодарить его, Рид? — спросила Кортни. — Я попыталась сама это сделать, но ему не нужна благодарность.

— Очень жаль, что меня там не было и я сам не смог помочь тебе, милая, — ласково проговорил Рид. — Но зато я удачно съездил. Застолбил отличный участок в Буффало-Сити. Тот парень, который сказал мне про него, оказался прав. Благодаря железной дороге еще один городок появился буквально в одночасье там, где раньше была стоянка бродячих торговцев. Его уже переименовали в Додж-Сити, в честь капитана ближайшего гарнизона.

— Еще один ковбойский городок? — сухо осведомилась Кортни. Ее уже не удивляла откровенная зацикленность Рида на собственных проблемах. — Значит, ты переезжаешь туда, а не в Уичито?

— Нет, я найду управляющего для моего салуна в Додж-Сити, а жить буду в Уичито, как и собирался.

— Весьма предприимчиво! Может, тебе не стоит сносить твой салун в Рокли? Ты мог бы оставить и его.

— Я уже думал об этом. Если тебе нравится эта идея...

— Нет, Рид, — перебила его Кортни. Слава Богу, он так туп, что ирония не доходит до него. — Что бы ты ни решил, ко мне это не имеет никакого отношения.

— Да нет же, конечно, имеет!

— Нет, не имеет! — упрямо повторила она. — Учти, что я решила уехать из Рокли.

— Уехать? Ты о чем? Конечно, ты хотела вернуться на Восток, и это понятно. Я осел в Рокли только из-за тебя. Но зачем тебе возвращаться на Восток, милая? Сара сказала мне...

— Мне плевать на то, что тебе сказала Сара. — Кортни повысила голос, возмущенная его покровительственным тоном. — И куда я еду — тоже не твое дело.

— Мое.

Боже, еще немного, и она закричит! И так всегда. Этот человек абсолютно не признавал слова «нет». Она твердо отказалась выйти за него замуж, но Рид словно не заметил этого. Что можно сделать с такой самоуверенностью?

— Рид, мне надо идти. Матти и Пирс ждут меня дома.

— Подождут, — ответил он, нахмурившись. — Слушай меня внимательно, Кортни. Насчет этой твоей идеи с отъездом. Я просто не разрешаю тебе...

— Ты мне не разрешаешь! — Кортни задохнулась от возмущения.

— Ну, может, я не так выразился, — попытался успокоить ее Рид. Господи, когда ее глаза вот так сверкали, она становилась такой соблазнительной! Это случалось нечасто, но в такие моменты она возбуждала его, как ни одна женщина. — Просто недели через две я сматываю отсюда и думал, что мы могли бы сначала пожениться.

— Нет!

— Милая, отсюда до Уичито чертовски долго ехать, я просто не успею поухаживать за тобой.

— Вот и хорошо.

Он еще больше нахмурился:

— Ты ни разу толком не объяснила мне, почему не хочешь выходить за меня замуж. А, ну да, я знаю, ты не любишь меня...

— О, неужто я так много сказала тебе?

— Милая, ты научишься любить меня, — обнадежил ее Рид, показав ямочки на щеках. — Я приучу тебя к себе.

— Рид, я не хочу, чтобы ты приучал меня к себе, я...

Пришлось вытерпеть его неожиданный поцелуй — вырваться на виду у всех Кортни не хотелось, да и противно ей не было. Рид умел целоваться. Но кроме раздражения, его поцелуй ничего в ней не вызвал. С каким удовольствием она ответила бы ему пощечиной! Но не стоило разыгрывать эту занимательную сцену на улице.

Он наконец отпустил ее, и Кортни отступила на шаг.

— Пока, Рид!

— А мы с тобой все-таки поженимся, Кортни, — твердо сказал Рид, глядя ей вслед.

Кортни не понравились эти слова: в них звучала угроза. Может, лучше отложить отъезд — подождать, пока Рид отправится в Уичито? Конечно, трудно поверить в то, что он попытается удержать ее, но кто его знает? Отстаивая свои интересы, Рид становился непредсказуемым.

Кортни так погрузилась в свои размышления, что чуть не налетела на Чандоса, который стоял в дверях гостиницы, загораживая проход. И как же она его не заметила? О Господи, видел ли он, как Рид целовал ее? Взгляд его, как обычно, был непроницаем.

Щеки Кортни смущенно заалели. Она обернулась: а вдруг Рид все еще смотрит на нее? Нет, он возвращался к своему салуну.

— Я... я не думала, что мы с вами увидимся... — начала было Кортни, но осеклась: он махнул у нее перед носом листком бумаги.

— Вы сможете приготовить это за час? Она развернула мятый листок и быстро пробежала его глазами. Сердце ее подпрыгнуло. Это был список вещей, необходимых в дороге, подробный список! Она подняла на него глаза:

— Значит ли это, что вы передумали? Несколько мгновений он молча смотрел на нее. В этих кошачьих глазках так легко читались надежда и радостное волнение.

— Один час, леди, или я уеду один. — Больше он не сказал ни слова.

Глава 12

Матти постучала в дверь только один раз и открыла ее.

— Значит, он вернулся? Кортни глянула через плечо:

— Что? Ой, Матти, я и забыла, что вы с Пирсом ждете меня! Прости. Но только не стой, пожалуйста, на пороге! Входи и помоги мне!

— Помочь в чем?

— Ты что, сама не видишь? — нетерпеливо бросила Кортни.

Глаза Матти расширились, когда она заметила царивший в комнате кавардак. Повсюду была раскидана одежда. Платья и нижние юбки валялись на кресле, кровати, комоде...

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе захлупить твою комнату?

. — Глупая! Я не могу взять сундук, потому что в списке не значится фургон, только лошадь со всем снаряжением. Вот, видишь? — Кортни протянула листок.

Матти округлила глаза:

— Он берет тебя в Техас? Но ведь ты, кажется, говорила...

— Он передумал. Он немногословен, Матти, — только протянул мне этот листок и спросил, смогу ли я собраться за час. Ох! Давай же, у меня так мало времени! Надо еще сходить к Хэндли за седельными сумками и продуктами, купить лошадь и...

— Кортни! Неужели ты хочешь ехать до самого Техаса без фургона? Тебе же негде будет уединиться. Тебе придется спать на земле!

— У меня будет походная постель, — с воодушевлением сказала Кортни. — Смотри, здесь в списке значится походная постель.

— Кортни!

— Ведь у меня не слишком большой выбор, верно? К тому же подумай, сколько времени мы сэкономим без фургона! Я попаду в Уэйко намного раньше, чем предполагала.

— Корт, ты никогда не скакала на лошади целый день.» а тут придется трястись в седле несколько недель. Тебе будет так больно...

— Матти, я выдержу, правда! И у меня нет времени на споры. Если я не буду готова, он уедет без меня.

— Пусть едет! Господи, Кортни, этот человек слишком торопится. Он заставит тебя скакать рысью по прериям. У тебя весь зад покроется волдырями. Через два дня ты будешь мечтать о смерти и умолять его отправить тебя назад. Подожди другого попутчика.

— Нет, — сказала Кортни, плотно сжав губы. — Другие проезжающие через Рокли, может, и согласятся, но смогу ли я доверять им? Я доверяю Чандосу. Ты же сама говорила, что он отлично подойдет мне в попутчики. Есть и еще кое-что, Матти. Подозреваю, что Рид может попытаться удержать меня.

— Он не посмеет! — возмутилась Матти.

— Еще как посмеет! А не каждый мужчина сможет дать Риду отпор.

— И ты думаешь, Чандос сможет? Да, пожалуй, ты права. Но...

— Матти, мне надо попасть в Уэйко. Чандос как нельзя лучше подходит мне в проводники. Все просто, и не надо ничего усложнять. Ну так ты поможешь мне? У меня истекает время.

— Хорошо. — Матти вздохнула. — Ну-ка, давай сюда свой список! Ого! Ты что, собираешься покупать брюки и рубашки? Он здесь перечислил все это.

Кортни, сосредоточенно отбравшая свои платья, только покачала головой:

— Уверена, он включил эти вещи в список, считая, что я не могу скакать на лошади в платье. Но у меня есть мохеровая юбка, которую я переделала для верховой езды, она подойдет.

— Думаешь, причина только в этом? А может, он хочет, чтобы ты походила на мужчину? Не забывай, через какие земли ты поедешь!

— Не пугай меня, Матти! Я и так боюсь.

— Может, на всякий случай все же купишь хоть пару брюк?

— Наверное, стоит. Но мистер Хэндли решит, что я спятила. К тому же на все это у меня не хватит денег.

Матти посмотрела на саквояж, в который Кортни закинула два платья.

— Я знаю. Корт, он велел взять минимум одежды, но почему бы тебе не положить туда еще одно платье? Тебе все равно понадобится мешок для продуктов, к тому же есть седельные сумки. Тебе будет тесновато на лошади среди всех этих вещей, но с этим уж ничего не поделаешь.

— Ой, Матти, кстати! Ты ведь лучше, чем я, разбираешься в лошадях. А он сказал, что мне нужна хорошая лошадь. Не могла бы ты купить мне ее?

— Здесь в конюшне небогатый выбор. Но если еще есть время, я могу сбежать к себе. У нас есть неплохая лошадка.

— Времени нет, Матти. Он сказал час, и это значит час.

— Ладно, посмотрим, что можно придумать, — пробормотала Матти. — Встретимся перед магазином Хэндли. А Сара уже знает?

Протянув подруге несколько купюр из своего тайного запаса, Кортни усмехнулась:

— Ты шутишь? Если б она знала, то сейчас была бы здесь и подробно расписывала подстерегающие меня опасности.

— А может, тебе лучше вообще не говорить ей о своем отъезде?

— Не могу, Матти. Все-таки она заботилась обо мне последние годы.

— Забегалась! — негодуяще воскликнула Матти. — Да она нещадно пахала на тебе!

Кортни улыбнулась. Матти обычно не стеснялась в выражениях. За эти годы она переняла у подруги несколько новых словечек, и они иной раз проскальзывали у нее в разговоре. Теперь она по крайней мере не краснела, как раньше, услышав от Матти крепкое словцо.

Кортни с грустью подумала о том, что ей придется надолго расстаться с подругой, и сказала:

— Я буду скучать по тебе, Матти. Возьми себе что-нибудь из вещей, которые я оставлю здесь.

Глаза девушки загорелись:

— Ты имеешь в виду... все эти чудесные платья?

— Я думаю, лучше оставить их тебе, чем Саре.

— О черт, не знаю, что и сказать! Я тоже буду скучать по тебе.

Она выбежала из комнаты, боясь расплакаться при Кортни. Что толку в слезах? Все равно Корт уедет — это ее твердое решение.

Слезы навернулись и на глаза Кортни, когда она, поспешно закончив сборы, одевалась для верховой езды.

Перед уходом она забежала к Саре. Кортни хотела попрощаться с ней в последнюю минуту, уже после того, как купит все необходимое в дорогу. Но времени оставалось в обрез.

— Значит, ты все-таки не рассталась со своей бредовой идеей ехать в Уэйко? — спросила Сара.

— Нет, Сара, — мягко сказала Кортни.

— Маленькая дурочка! Если ты погибнешь в прерии, клянусь, я не пролью по тебе ни слезинки.

— Я еду не одна, Сара.

— Что? С кем же?

— Его зовут Чандос, это тот человек, который...

— Я знаю, кто он, — перебила ее Сара и вдруг разразилась смехом. — Ох, теперь мне все ясно! Весь этот бред насчет твоего отца был просто предлогом. Ты все выдумала, чтобы сбежать с этим бандитом. Я всегда знала, что ты бродяга.

Глаза Кортни злобно блеснули.

— Ничего такого ты не знала, Сара. Но пожалуйста, думай все, что хочешь. В конце концов если, отец действительно жив, значит, твоя связь с Гарри — просто незаконное сожитительство. Согласна?

Пока онемевшая Сара пыталась что-то сказать, Кортни выскочила из гостиницы. Она боялась, что Сара погонится за ней, но этого не случилось.

Чандоса на улице не было, и у Кортни оставалось еще несколько минут до конца отведенного ей часа. Она быстро купила все необходимое и даже успела попрощаться с теми, кто всегда проявлял к ней доброту. Ей повезло — и Ларе Хэндли, и Чарли со Снабом, и сестры Кофман были в магазине.

Она расплачивалась за покупки, когда вошла Матти.

— Он ждет, Кортни.

Девушка выглянула в окно. Чандос уже сидел на лошади. Кортни почувствовала, как у нее по спине пробежала легкая дрожь. Она отправлялась в дальний и опасный путь с человеком, которого едва знала.

— Он привел вторую лошадь, — продолжала Матти, понизив голос, — оседланную и со сбруей. Наверное, он понял, что ты не найдешь здесь ничего подходящего. Правда, я купила тебе старую Нелли — по дешевке. — Матти протянула подруге оставшиеся деньги. — Она совершенно не годна для езды, зато это отличная вьючная лошадь, так что тебе не придется тесниться в седле вместе с вещами.

— Так почему же ты говоришь убитым голосом?

— Разве? — Матти изобразила удивление. — Ты уезжаешь... Ой, вот что еще я хотела. Прямо и не знаю. Этот Чандос... Он такой странный. Я сейчас отдала ему в конюшне старую Нелли, он промолчал. Ты права — он немногословен. И он... он пугает меня.

— Матти!

— Да, пугает! Почему ты так уверена, что ему можно доверять, Корт?

— Я просто доверяю ему, и все. Ты забываешь, что он уже однажды спас меня от этого ужасного Джима Уорда. Теперь он опять хочет мне помочь.

— Знаю-знаю, вот только никак не пойму почему.

— Это не важно. Он мне нужен, Матти. Пойдем, ты поможешь мне водрузить вещи на старую Нелли.

Когда девушки вышли из магазина, Чандос никак не отреагировал на их появление. Он даже не спешил, чтобы помочь им укрепить сумки Кортни на вьючной лошади. Кортни торопилась — не столько из-за него, сколько из-за Рида. Она не хотела, чтобы он увидел ее сейчас, а потому то и дело бросала тревожные взгляды на его салун, надеясь уехать с Чандосом раньше, чем Рид их заметит.

Когда обе подруги обнялись в последний раз и Кортни села на лошадь, Чандос спросил:

— Вы все собрали по списку?

— Да.

— Наверное, сейчас слишком поздно спрашивать, умеете ли вы ездить верхом.

Это было сказано таким тоном, что Кортни рассмеялась:

— Умею.

— Тогда поехали, леди.

Подхватив вожжи старой Нелли, он направился на юг. Кортни успела лишь помахать Матти и поспешила за ним.

Через мгновение они оказались на окраине Рокли, и Кортни, вздохнув, попрощалась с городком и с той частью своей жизни, которую оставляла позади.

Вскоре она привыкла к тому, что видит только спину Чандоса. Он избегал ехать с ней рядом. Несколько раз она пыталась догнать его, но безуспешно: ему удавалось все время держаться на приличном расстоянии впереди — не слишком далеко, но и не так близко, чтобы разговаривать. Он не оборачивался, но всякий раз, когда ее лошадь отставала, ехал медленнее, давая ей возможность подтянуться. Он постоянно держал между ними одну и ту же дистанцию. Это обнадежило Кортни.

Однако внезапно Чандос остановился, спрыгнул со своего мерина и решительно направился к девушке. Кортни удивленно смотрела на него. Чего он хочет? Солнце еще не село, и устраивать привал было слишком рано.

Вдруг ее охватила паника. На застывшем суровом лице Чандоса решительно и холодно сверкали голубые глаза.

Он молча стащил ее с лошади. Вскрикнув от страха, Кортни повалилась прямо на него. Одной рукой он крепко ухватил ее за талию, другой за ягодицы.

— Чандос, пожалуйста! — в ужасе вскрикнула она. — Что ты делаешь?

Он молчал, пристально глядя на нее. Этот взгляд сказал ей все.

— Почему?

— А почему бы и нет?

О Боже, она не могла поверить в происходящее.

— Я доверяла тебе.

— Не стоило, — холодно заметил он, крепко сжимая ее руками. Кортни заплакала:

— Пожалуйста, не надо! Мне больно.

— Тебе будет намного больней, если ты не выполнишь в точности все, что я скажу, леди. А теперь обхвати меня руками.

Он не выказывал ни малейших признаков гнева. Даже ничуть не повысил голос. Кортни предпочла бы ярость этой холодной решительности.

Глядя в его бесстрастные глаза, она сделала все, что он велел, боясь ослушаться. Господи, как же она могла так жестоко ошибиться в этом человеке?

— Вот так-то лучше, — сказал он ровным голосом и, убрав одну руку, резким движением разорвал спереди ее блузку.

Кортни закричала. Понимая, что это бесполезно, она не могла сдержаться. Однако крик ее все же возымел результат: Чандос с силой оттолкнул ее, и она упала на землю, растянувшись у его ног и поспешно собирая на груди разорванные лоскуты блузки.

Она доверилась Чандосу, надеясь на его защиту, а он так коварно воспользовался ее доверием! — Кортни взглянула на него снизу вверх, и в этом взгляде отразились все ее чувства.

Он стоял над ней, отставив ногу, — воплощение безжалостности. Такой сильный, красивый, но такой жестокий. Кортни задрожала.

— Видимо, ты еще не осознала своего положения, иначе не стала бы злить меня своими воплями.

— Я... я осознала.

— Тогда скажи мне, что ты осознала. Говори!

— Ты собираешься меня изнасиловать.

— И?

— И... и я не могу тебя остановить.

— И?

— Я... я не знаю, что ты еще хочешь от меня услышать.

— Я хочу услышать еще чертовски много, леди. Изнасилование — самое меньшее, о чем тебе следует беспокоиться. Ты полностью отдалась на мою милость. И это было глупо, поскольку теперь я могу делать с тобой все, что захочу, черт возьми! Ты меня понимаешь? Я могу перерезать тебе горло и бросить тебя там, где твои кости никогда не найдет ни одна живая душа.

Кортни трясло как в лихорадке. Ей следовало понять это раньше, а теперь было слишком поздно.

Видя, как ее трясет, Чандос, нагнувшись, похлопал ее по щекам. Кортни разразилась громкими рыданиями. Чандос выругался. Возможно, его урок слишком суров, но необходим.

Он приготовился, если понадобится, сделать больше, нежели просто напугать ее. Но хватило и этого.

Он накрыл ее рот ладонью.

— Перестань реветь. Я не трону тебя. Он видел, что она ему не верит, и подумал, вздохнув, что его урок был слишком жесток.

— Слушай меня внимательно, Кошачьи Глазки, — ласково сказал он. — Страх запоминается, вот почему я прибег к этому. Я не хочу, чтобы ты забыла сегодняшний урок. Другой на моем месте изнасиловал бы тебя, ограбил, а потом, возможно, и убил, чтобы замести следы. Ты не должна доверять жизнь незнакомому человеку — ни в этих местах, ни в других. Попытайся я объяснить тебе это словами, ты просто не стала бы слушать. А по этой тропе ездит слишком много опасных людей.

Она перестала плакать, и он, отняв руку от ее рта, смотрел, как она провела своим маленьким розовым язычком по губам, потом повернулся к ней спиной.

— Мы можем остановиться здесь на ночь, — сказал он, опять взглянув на нее. — Утром я отвезу тебя назад, в Рокли.

Глава 13

Кортни несколько часов лежала глядя на звезды, потом повернулась и уставилась на догоравший костер. Наверное, уже полночь — точно она не знала.

Она успокоилась и пришла в себя. Чандос больше не трогал ее. Он подошел близко только один раз, чтобы подать ей тарелку с едой. Кортни не услышала от него больше ни слова, но он, несомненно, полагал, что уже все сказал.

Негодяй! Да как он посмел учить ее! Как он посмел обнадежить ее, а потом разбить вдребезги все ее надежды? И все же Кортни не рискнула высказать ему все, что думала по поводу его «урока».

Она горько и беззвучно заплакала, но Чандос услышал.

Он тоже не спал. Ему мешали заснуть тяжелые мысли. Не те, что мучили Кортни, — нет, он не раскаивался в своем поступке. Намерения его были благими, а если урок оказался жестоким, так это ей только на пользу. Пусть лучше девушка сейчас поплачет от страха, чем потом кончит жизнь где-нибудь в безвестной могиле прерии.

Но ее боль неожиданно сильно подействовала на него. Почти так же, как в тот раз, когда он однажды уже держал ее жизнь в своих руках. В нем заговорил инстинкт защитника, ему хотелось приласкать, успокоить ее. Всклипывания Кортни бередили ему душу. Это было невыносимо.

Сначала он решил встать и уйти, подождать, пока она успокоится. Но Чандос чертовски хорошо понимал, что этим только еще больше напугает ее — она подумает, что он бросил ее. А ему вовсе не хотелось пугать девушку. Черт бы ее побрал! Никогда еще женские слезы не трогали его, так в чем же дело?

Он тихо поднялся и подошел к ней. Девушка вздрогнула, когда он неожиданно присел рядом, обнял ее и нежно привлек к себе, прижав спиной к своей груди.

— Успокойся, котенок. Расслабься. Я не обижу тебя.

Она напряглась. Нет, она не верила ему. Что ж, едва ли можно винить ее за это.

— Я только хочу обнять тебя, вот и все, — ласково сказал он. — Чтобы ты перестала плакать.

Она слегка повернулась, чтобы видеть его. Ее мокрое от слез лицо, глаза, похожие на две огромные раны, перевернули ему душу.

— Ты все разрушил, — жалобно проговорила она.

— Знаю, — сказал он, желая успокоить ее.

— Теперь я никогда не найду своего отца.

— Найдешь, непременно. Тебе только надо искать его как-то иначе.

— Как? Из-за тебя я потратила столько денег на сборы, что теперь поездка в Уэйко будет мне просто не по карману. Я купила одежду, которую никогда не стану носить, лошадь, такую старую, что мистер Сайбир ни за что не возьмет ее назад, и ненужный револьвер, который еще дороже, чем лошадь!

— Револьвер нужен всегда, — спокойно заметил Чандос. — Если бы сегодня он был при тебе, ты смогла бы остановить меня прежде, чем я подошел близко.

— Но я не знала, что ты собираешься напасть на меня! — негодуя возразила она.

— Да, конечно, не знала, — согласился он. — Но должна была знать. Здесь надо быть готовой ко всему.

— Теперь я готова.

Кортни взвела курок револьвера, который прятала под одеялом. Выражение его лица не изменилось.

— Отлично, леди! Кое-чему ты уже научилась. Но надо еще поработать над скоростью. — Его рука скользнула под одеяло, ухватилась за дуло револьвера и вырвала у нее оружие. — В следующий раз внимательно следи за целью, особенно когда она так близко от тебя.

— Какая разница? — она обреченно вздохнула. — Я все равно не смогла бы тебя застрелить.

— В критической ситуации можно застрелить кого угодно. Ну а теперь хватит плакать, ладно? Я верну тебе деньги.

— Большое спасибо, — сухо сказала она, ничуть не успокоенная его обещанием. — Но это не слишком поможет. Я все равно не смогу ехать в Техас одна. Ты доказал мне, что доверять

никому нельзя. Так как же я поеду?

— Тебе нельзя ехать к отцу. Он сам может к тебе приехать. Напиши ему.

— Да? А ты знаешь, сколько идут письма до Уэйко? Да я быстрее сама доеду!

— Я могу захватить твое письмо.

— Ты едешь в Уэйко?

— Я не собирался так далеко, но могу заехать.

— Да нет, не заедешь, — возразила Кортни. — С какой стати тебе беспокоиться?

— Я сказал, что заеду, значит, заеду, — А если моего отца там нет? — спросил, она. — Как я узнаю об этом?

Взгляд ее умолял, но Чандос не подавал виду что понимает эту мольбу.

— Может, я когда-нибудь вернусь в Рокли.

— Когда-нибудь? Ты предлагаешь мне ждать годы?

— Чего, черт возьми, ты хочешь, леди? У мен хватает своих забот, и я не нанимался ездить по твоим поручениям!

— Я хочу, чтобы ты отвез меня в Уэйко! Ты обещал сделать это.

— Я никогда не говорил ничего подобного. Я сказал только, чтобы ты приготовила вещи по списку, а ты сама все домыслила.

Чандос не повысил голоса, но Кортни знала, что он теряет терпение. Пусть! Она не отступится от неге — Не понимаю, почему ты не можешь взять меня с собой. Ты же все равно едешь в Техас.

— Ты так ничему и не научилась?

Теперь в голосе его послышалось раздражен"

— Я... я научилась, — испуганно сказала она — А я вижу, что нет. Иначе тебе расхотелось бы ехать со мной.

Кортни смущенно отвернулась. Конечно, о прав. Ей вообще не стоило разговаривать с ним.

— Я знаю, почему ты это сделал, — тихо за метила она. — Мне это, конечно, не понравилось! но думаю, ты не хотел обидеть меня.

— Ты не можешь знать этого, — отрезал он. Вдруг его руки крепче сжали ее, и Кортни напряглась. Задыхаясь от страха, она проговорила:

— Ты... ты действительно хотел?..

— Слушай меня внимательно, леди, — резко перебил ее Чандос. — Ты не знаешь, на что я способен. И даже не пытайся угадать.

— Ты решил опять напугать меня? Он выпрямился.

— Я хотел одного, — недовольно проговорил он, — чтобы ты перестала плакать. Ты перестала. А теперь давай попытаемся заснуть.

— Ну да, конечно, — обиженно согласилась она. — Мои дела тебя совсем не волнуют. Забуди мою просьбу о помощи! Вообще все забудь!

Чандос встал. Ее вызывающий тон не тронул его. Она женщина, а значит, можно ожидать, что ей полегчает от жалоб. Но следующие слова Кортни заставили его похолодеть.

— У меня остался последний шанс. Рид Тэйлор отвезет меня в Уэйко. Правда, для этого придется выйти за него замуж, но что мне еще остается? Я привыкла к тому, что все в жизни оборачивается не так, как мне хочется, так какая разница?

Она повернулась на другой бок. Проклятие! Чандос не знал, как реагировать на ее слова. Может, чуть-чуть вправить ей мозги?

— Леди?

— Что?

Чандос улыбнулся. Похоже, она все-таки осмелела.

— Тебе следовало сказать мне, что ты готова продать свое тело, чтобы попасть в Уэйко.

— Что? — Кортни так быстро повернулась, что с нее слетело одеяло. — Я никогда бы не...

— Значит, я ослышался? Ты только что сказала, что выйдешь замуж за этого парня.

— Это не имеет никакого отношения к... к тому, что ты имеешь в виду, — парировала она.

— Разве? Уж не думаешь ли ты, что сможешь выйти замуж и при этом не делить с мужем постель?

Щеки Кортни вспыхнули. Об этом она вообще не думала. Про замужество она заговорила просто так, чтобы немного успокоиться.

— Тебя не касается, что я буду делать после того, как ты вернешь меня в Рокли, — вызывающе проговорила она.

— Если ты продаешь свою девственность, мы можем сторговаться.

Она онемела. Интересно, он говорит серьезно или просто хочет унижить ее?

— Я сказала про замужество, — заметила она дрогнувшим голосом. — А ты?

— Нет.

— Тогда нам больше не о чем разговаривать, — твердо заявила она и отвернулась.

Чандос смотрел, как она потянулась за своим одеялом и накрылась им до самого подбородка.

На мгновение отвернувшись, он взглянул вверх, на черное звездное небо, и подумал о том,

что, наверное, спятил.

Но глубоко вдохнув, он все же добавил:

— Я отвезу тебя в Техас. Воцарилась тишина. Наконец, справившись с удивлением, Кортни проговорила:

— Твоя цена стала слишком высока.

— Никакой дополнительной оплаты, леди. Только то, что ты сама пожелаешь мне заплатить. Все-таки он передумал! Она взволнованно бросила:

— Нет, спасибо.

— Дело твое, — отозвался Чандос и отошел. Кортни похвалила себя за то, что отказалась. Да кем он себя возомнил, чтобы так играть ее жизнью? Довольно долго тишину ночи нарушало лишь потрескивание костра. Затем она шепнула:

— Чандос?

— Да?

— Я передумала. Я принимаю твое предложение.

— Тогда спи, леди. Завтра поедем рано.

Глава 14

Кортни разбудил сильный аромат кофе. Она чувствовала, как лучи солнца нежно касаются ее лица. Кортни никогда прежде не случалось спать под открытым небом, и ей казалось это очень приятным. Ее походная постель, разложенная на густой траве, была очень удобной. Может, она не пожалеет о путешествии без фургона?

Но, пошевелившись, она поняла, что это не так. Боже, все тело ее ныло от боли! Кортни вспомнила, о чем предупреждала ее Матти. Вчера они скакали около шести часов, не слишком торопясь, и покрыли не более пятнадцати — двадцати миль. Но Кортни не привыкла так долго сидеть в седле и теперь ощущала боль в мышцах.

Повернувшись, Кортни поморщилась. Это оказалось хуже, чем она думала. Но, взглянув на своего спутника, Кортни забыла об этом.

Чандос брился, стоя примерно в трех ярдах от нее — там, где были привязаны лошади. У ног он поставил кружку для бритья с кисточкой, а зеркало укрепил на седле своей лошади, уже подтянутом подпругами. Зеркало находилось ниже его лица, но он развернул его под углом вверх.

Кортни часто наблюдала, как брился ее отец. Но вид Чандоса вызывал в ней совсем другие эмоции. Он был без рубашки, в одних брюках и сапогах. Портупея съехала на правый бок — ее оттягивала висевшая на ремне кобура.

Когда он поднимал руку и счищал лезвием пену с лица, мускулы напрягались. Кортни заворуженно смотрела на этого сильного человека, невольно любуясь им.

— Стоять, Шуафут!

Мерин шагнул в сторону, и Кортни удивилась, каким мягким и ласковым был голос Чандоса. Он сказал что-то еще на непонятном ей языке, а потом Кортни услышала:

— Ты , бы лучше налила себе кофе, леди. Мы скоро едем.

Щеки ее заалели. Неужели он понял, что она его рассматривает? Да и вообще откуда он знал, что она проснулась?

Поднимаясь, Кортни опять почувствовала, как занули мышцы. Она чуть не застонала от боли, но сдержалась. Чандос не должен и подозревать об этом. Они провели в пути только один день. Заметив, что с ней, он решит, что ей не выдержать долго, и может изменить свои планы.

— Ты сейчас говорил по-испански? — спросила она.

— Нет.

— Матти подумала, что ты испанец. У тебя испанское имя?

— Нет.

Кортни поморщилась. Нечего сказать, приятный у нее попутчик! Неужели хоть раз нельзя проявить любезность? Она снова попыталась завязать беседу:

— Если ты не испанец, то кто же?

— Кофе стынет, леди.

Вот и весь светский разговор, подумала Кортни. Увидев кофе, она поняла, что зверски проголодалась.

— А еда у нас есть, Чандос?

Наконец он взглянул на нее. Ее распущенные волосы спадали через левое плечо, почти закрывая клетчатую рубашку. Чандос помнил, как наматывал эти волосы себе на кулак. Она смотрела на него опухшими глазами, которые сейчас косили чуть больше обычного. После вчерашних слез и почти бессонной ночи она не слишком хорошо выглядела, но и понятия не имела о том, как чертовски соблазнительна.

— Возле костра лежит сухое печенье, — ответил он.

— И это все?

— Я мало ем по утрам. Тебе следовало поесть вечером.

— Вчера я не могла проглотить ни кусочка. Я была так... — она осеклась. «Не надо о вчерашнем, Кортни!» — Пойдет и печенье, спасибо.

Чандос отвернулся, заканчивая бритье. Он и впрямь ненормальный! Как можно было взять эту женщину в такой дальний путь по диким прериям? Больше четырехсот миль — это не шутка. Проклятая девчонка! Не нашла ничего лучше, как уставиться на него, думая, что он не знает об этом. Не он сразу почувствовал ее взгляд, словно ее рук» прикоснулись к его телу.

Ему не нравилось, что она возбуждает в ней такие чувства. Но он все-таки отвезет ее в Уэйко ибо иначе ему никогда не забыть этого красивой заплаканного личика и кошачьих глазок, полные отчаяния. А зачем ему мучиться от этого всю жизнь? Ведь последние четыре года образ испуганной девочки, напоминавшей ему погибшую сестру, буквально преследовал его.

К несчастью, что-то связало их с того самого дня, как он впервые увидел ее. Связало теми мучительными узами, которые не давали ему покоя. Очень скоро и она потеряет покой. Когда он пощадил ее, она стала как бы частью его самого.

Кортни не знала этого, да и зачем ей было знать?

Его возвращение в Рокли было ошибкой. Чандос только хотел посмотреть, там ли она, а кончилось тем, что он опять бросился спасать девчонку от ее же собственной глупости. Это стало еще большей ошибкой. Какое ему, собственно, до нее дело? Он за нее не отвечает. Чандос хотел избавиться от странного наваждения, порвать связующую их нить, а вместо этого отправился с ней в Уэйко. Да, он определенно спятил.

— Чандос?

Он вытер с лица остатки мыльной пены, схватил рубашку с седла и, надевая ее, повернулся к Кортни. Она сидела у огня, такая женственная и похожая на настоящую леди. В одной руке она держала оловянную кружку, в другой — печенье. Ее щеки были залиты краской смущения, и, избегая его взгляда, она оглядывала бескрайнюю долину, лишенную всякой растительности. Чандос сразу же догадался о ее проблеме и ждал, что она будет делать.

Глаза ее на миг встретились с его глазами и стыдливо опустились.

— Я... кажется, мне надо... то есть... о, не важно! Ему стало смешно. Нет, это просто невозможно! Ведь будет терпеть, а не скажет того, что считает неприличным.

Он медленно подошел к костру и присел рядом с ней на корточки.

— Тебе надо что-то сделать с этим, — сказал он, приподняв прядь волос с ее плеча.

Кортни невольно уставилась на его бронзовую грудь, покрытую черными волосами. Вообще-то ему не следовало подходить к ней так близко, не застегнув рубашку. Кортни подумала, что ей придется привыкать к его бесцеремонности, раз уж она пустилась в путь с этим человеком, не имеющим понятия о правилах приличия.

— Хорошо, — сдержанно ответила она. Достав из кармана шпильки, Кортни быстро скрутила свои золотисто-каштановые волосы в узел, закрепив его на затылке. Чандос внимательно наблюдал за ней, но она все так же отводила глаза. Он решил, что надо оставить ее ненадолго одну.

— Я поеду сейчас, — бросил он и, поймав ее тревожный взгляд, добавил:

— Не задерживайся, а то потом не догонишь.

Взяв кофейник и свою оловянную кружку, он забросал костер и уехал. Кортни вздохнула с облегчением: у нее есть несколько минут, чтобы удовлетворить естественные потребности.

И вдруг она догадалась, что Чандос все понял. Какой стыд! Ну что ж, видно, придется забыть о щепетильности и приноровиться к путешествию с мужчиной.

Кортни не стала терять времени, опасаясь сильно отстать от Чандоса, и вскоре поспешила за ним.

Оказывается, она зря волновалась. Он отъехал всего на четверть мили и остановился, сидя лицом к западу и даже не обернувшись при ее приближении. Подъехав, она остановилась. Только тут Чандос взглянул на нее и протянул ей полоску вяленого мяса.

— Возьми! Это поможет тебе продержаться до полуденного привала.

Значит, он знал, что она голодна. Несколько кусочков сухого печенья не утолили голода, ведь она ничего не ела со вчерашнего утра.

— Спасибо, — поблагодарила она, не поднимая глаз.

Но Чандос, казалось, не спешил. Он уставился на нее, и Кортни все же пришлось встретиться с ним взглядом. Его голубые глаза были, как всегда, удивительно прекрасны.

— Это твой последний шанс повернуть назад, леди.

— Я не хочу этого.

— Ты поняла, на что себя обрекаешь? В дороге нет ничего даже отдаленно напоминающего о цивилизации. И я уже предупреждал тебя, что нянчиться с тобой не стану. Не жди, что я буду делать за тебя то, с чем ты можешь справиться.

Кортни кивнула:

— Я сама о себе позабочусь. Я прошу только, чтобы ты защитил меня в случае необходимости. Ты ведь сделаешь это?

— Сделаю все, что в моих силах.

Он отвернулся, чтобы убрать связку сухого вяленого мяса в седельную сумку, и Кортни вздохнула. Ладно, хоть об этом договорились! Если бы он еще не показывал ей постоянно, что она принудила его к этой поездке, они могли бы поладить. И зачем только он называет ее «леди». Ведь это не почтительность, а насмешка.

— У меня есть имя, Чандос, — решила она. — Меня зовут...

— Я знаю, как тебя зовут, — отрезал он и пустил лошадь в легкий галоп.

Кортни удивленно смотрела ему вслед.

Глава 15

В полдень, когда они собирались переходить вброд реку Арканзас, Кортни впервые увидела индейца. Все утро Чандос скакал на запад, к реке, а потом поехал вдоль берега на юг, подыскивая мелкое место для переправы.

Кортни слепила река, сверкавшая в лучах полуденного солнца, и она едва различала тени вдоль берега, заросшего деревьями. Поэтому, увидев, как что-то шевелится в кустах, она не придала этому значения, а мужчину с длинными черными косичками приняла за мираж.

Когда она сказала Чандосу, что ей померещился индеец на другом берегу реки, куда они собирались переправиться, он равнодушно пожал плечами:

— Если и так, ничего страшного. Не волнуйся.

Взяв ее лошадь и старую Нелли за поводья, он повел их к реке. Кортни сразу же забыла про индейца, думая лишь о том, как бы удержаться в седле. В ледяную воду погрузились сначала ее ноги, потом бедра и ягодицы. Пегая кобыла взбрыкивала и пригибалась, преодолевая бурное течение.

Наконец они выбрались на берег, и Кортни развесила на кустах свою мохеровую юбку, переодевшись в непривычные брюки. Она воспылала благодарностью к маленькой лошадке, которая в целости и сохранности переправила ее через реку. Ее кобыла и мерин Чандоса, Шуафут, были пегими.

Кортни знала, что таких пегих лошадей любили индейцы — наверное, из-за их терпения и выносливости.

У Кортни никогда еще не было своей лошади, и теперь, оглаживая ее холку, она решила дать ей имя.

Она еще возилась в кустах с лошадьми, стараясь подольше не появляться перед Чандосом в брюках.

В магазине она не успела примерить их, решив, что они ей подойдут. Но Кортни ошиблась — это были брюки для мальчиков, а не для мужчин. Сейчас только сильный голод заставил ее выйти из-за кустов.

Чандос ушел к реке набрать во фляги воды, но Кортни забыла о нем, увидев готовившуюся на костре еду. Котелок, висевший над слабым огнем, весело булькал, и над поляной плыл аромат тушеного мяса. Кортни нашла ложку и, сглатывая слюну, нагнулась над котелком.

— Проклятие!

Кортни, вскрикнув от удивления, выронила ложку и обернулась к Чандосу. Он стоял в нескольких шагах от нее. В одной руке он держал фляги, другую прижимал ко лбу, словно преодолевая боль. Но едва он опустил руку и сердито уставился на Кортни, она поняла, что у него ничего не болит.

— Чандос?

Он молчал, оглядывая брюки девушки, плотно облежавшие ее. Кортни знала, что они слишком тесные, но от взгляда Чандоса почувствовала себя раздетой.

Она вспыхнула:

— Не смотри на меня так! Я не хотела покупать их, это Матти уговорила меня, сказав, будто ты хочешь, чтобы я походила на мужчину — для маскировки. Откуда я могла знать, что они не подойдут мне? Я никогда не покупала себе мужскую одежду. А на примерку мне не хватило времени — ты же дал мне всего час на...

— Заткнись! — оборвал он. — Мне плевать, почему ты нацепила их. Сними сейчас же и надень свою юбку!

— Но ты сам велел мне купить их! — раздраженно возразила Кортни.

— Я велел тебе купить брюки и рубашку. Это не значит... Если ты будешь крутить передо мной своей маленькой задницей...

— Как ты смеешь... — задохнулась она.

— Не испытывай мое терпение, леди, — рявкнул он. — Надевай юбку!

— Она еще не высохла.

— Да если даже она промокла до нитки — надевай сейчас же!

— Прекрасно! — оскорбление вскричала Кортни. — Но только потом не злись, если я простужусь и тебе придется...

Ухватив ее за плечо, он так стремительно повернул ее, что Кортни, не удержав равновесия, упала в его объятия. Потом Кортни подумала, что он и сам очень удивился этому, иначе почему, вцепившись в ее ягодицы, не отпустил их и тогда, когда она вновь обрела равновесие? Не слишком ли много он себе позволяет?

— Ну? — сурово спросила Кортни. — Ты, кажется, хотел, чтобы я переделалась?

Он заговорил низким голосом, который успокаивал и странно волновал Кортни:

— Ты меня совсем не понимаешь, правда. Кошачьи Глазки?

Кортни испуганно спросила:

— Может... может, отпустишь меня? Но он не отпустил, и на какую-то долю секунды в глазах его промелькнуло смущение. Кортни затаила дыхание.

— Учти, леди, — буркнул он наконец, — постарайся больше так не удивлять меня. Можешь носить свои брюки, раз уж, как ты утверждаешь, я велел тебе их купить. А то, что мне они не по вкусу, так это в конце концов мои трудности.

Похоже, он так извиняется за свое странное поведение? Уж конечно, она постарается больше не удивлять его, ибо от этого он становится каким-то очень уж странным.

— Тогда, если не возражаешь, я сначала поем и подожду, пока моя юбка еще немножко подсохнет. Согласен?

Он кивнул, и Кортни пошла к вьючной лошади за тарелками.

Перекусив, они вновь двинулись в путь, по-прежнему держась поблизости от реки, но стараясь не въезжать в густые прибрежные заросли. Примерно через час Кортни опять увидела индейца. Тот самый он или нет? Откуда ей это знать? Но теперь она уже не сомневалась, что это действительно индеец, а не обман зрения. Он сидел верхом на пегой лошади и с невысокого холма к западу от них рассматривал ее и Чандоса. Она поравнялась с Чандосом.

— Ты видишь его?

— Да.

— Что ему надо?

— От нас ничего.

— Тогда почему он здесь и смотрит на нас? — спросила она.

Он повернулся к ней:

— Спокойно, леди. Это не последний индеец, которого ты увидишь в ближайшие несколько недель. Не волнуйся!

— Не волноваться?

— Нет, — твердо сказал он.

Кортни стиснула зубы. Господи, какая неслыханная словоохотливость! Но она все же перестала бояться индейца, видя спокойствие Чандоса.

Вскоре они отъехали от индейца на приличное расстояние, и, оглянувшись, Кортни увидела, что он не поехал за ними, а так и остался на том невысоком холме.

Кортни припомнила все, что когда-либо слышала или читала о нападениях индейцев, включая и ту переделку, в которую попала сама. Она догадывалась, что некоторые из этих нападений были справедливой мезтью за ту бойню, которую учинили Джордж Кастер и его седьмая конница против дружелюбно настроенного отряда чейеннов. Эта бойня произошла в том же году, когда она потеряла отца, но немного позднее. А недавно Кастера оправдали за недостатком улики.

Кортни вздохнула. Белые убивают индейцев. Индейцы им мстят. Потом белые мстят индейцам, и индейцы им. Да кончится ли это когда-нибудь?

Что-то не похоже. Во всяком случае, если и кончится, то не скоро. Индейские племена были повсюду — от Мексики до канадской границы, и кровь лилась по всей стране.

Год назад в Северном Техасе полтора десятка кайова и команчей напали на десять фургонов, которые перевозили зерно из Уэзерфорда в Форт-Гриффин. Хозяину фургонов удалось окружить индейцев и дать им отпор, так что кое-кто из его людей убежал, но оставшихся нашли мертвыми и изуродованными.

Говорили, что это нападение возглавил вождь кайова Сет-Тайн-Те, больше известный как Сатанта. Этого предводителя запомнили, поскольку он часто надевал медный шлем с плюмажем и мундир с эполетами генерала американской армии.

Матти веселилась над забавной выходкой индейского вождя после набега на Форт-Ларнед.

Украва большую часть полкового табуна, он послал командиру крепости записку, в которой сетовал, что лошади плохи, и требовал, чтобы к следующему его визиту приготовили табун поприличней.

Кортни успокаивало, что хотя бы этого индейца они точно не встретят на тропе, ибо в данный момент Сатанта находился в техасской тюрьме. Правда, поговаривали, что его могут освободить досрочно. Были и другие известные личности среди индейских вождей, например индеец-полукровка Квуанна Паркер, недавно возглавивший племя команчей. Даже индейцы

резервации, считавшиеся покоренными, собирались в отряды.

Да, эта поездка, без сомнения, очень опасна. Сможет ли один мужчина защитить ее?

Кортни решила, что остается уповать только на удачу и на своих надежных лошадей. Если думать об опасностях, не хватит духу ехать дальше. Нет, уж лучше послушаться Чандоса и не волноваться.

Только бы его спокойствие оправдалось!

Глава 16

Чандос дождался, пока Кортни заснет, потом встал, прихватив сапоги и револьвер, и тихо отошел от привала. Он направился в сторону реки. Ночь была темной, и прерия тонула в тенях.

Вскоре к нему присоединился Прыгающий Волк, и они молча двинулись дальше. Когда они отошли от стоянки, индеец спросил:

— Это твоя женщина?

Чандос остановился, уставившись в темноту. Его женщина? Это звучало неплохо. Но у него никогда не было женщины, которую он мог бы и хотел назвать своей. На это у него просто не хватало времени. Была одна женщина, к которой он иногда возвращался, — пылкая Калида Альварес, но она принадлежала многим мужчинам.

— Нет, это не моя женщина. От Прыгающего Волка не укрылось прозвучавшее в его голосе сожаление.

— Почему?

На то было много причин, но Чандос назвал самую очевидную:

— Она не из тех, кто пойдет за мной. А я не собираюсь бросать начатое.

— Но она же с тобой!

Чандос усмехнулся, сверкнув белыми зубами:

— Ты сегодня слишком любопытен, мой друг. Пожалуй, ты сочтешь меня безумным, если я скажу тебе, что она сильнее меня, вернее — упорнее?

— И в чем же ее сила?

— В слезах — в проклятых слезах.

— А, силу слез я прекрасно знаю! Чандос понял, что Прыгающий Волк подумал о своей погибшей жене. Это всегда срабатывало безотказно. Одно слово или взгляд Прыгающего Волка мгновенно оживляли в памяти Чандоса все до мельчайших подробностей.

Хоти теперь его жизненный путь был связан с кровью тех, кого он любил, Чандос все же пытался забыть случившееся. Но Прыгающий Волк не хотел забывать. Мысли об этом никогда не покидали воина-команчи. Они давали ему силы и стимул жить.

Они оба знали, что кошмары будут преследовать их, пока не умрет последний из палачей. Лишь после этого Чандос перестанет слышать во сне крики и видеть, как его самый близкий друг. Прыгающий Волк, заливаясь слезами, бросается на землю перед своей мертвой женой, смотрит невидящими глазами на труп двухмесячного сынишки, лежащий в нескольких шагах от матери. Малютка с перерезанным горлом!

Когда его посещали эти образы, Чандос терял ощущение реальности, и снова сердце его кровоточило, как в тот день, когда, вернувшись в лагерь, он застал там эту страшную картину. Он не мог изливать свое горе в слезах, как Прыгающий Волк или его отчим, который накрыл ноги своей жены, залитые кровью после надругательства, а потом закрыл ее красивые голубые глаза. В них застыли боль и ужас смерти. Женщина с Небесными Глазами — так звали мать Чандоса.

Может, когда-нибудь он сможет плакать. Тогда он перестанет слышать ее крики. И может, тогда она наконец успокоится с миром. Но Чандос знал, что память о Белом Крыле — его маленькой сводной сестренке, которую он обожал и которая боготворила его, — не померкнет никогда. Страшное зрелище изуродованного тельца его милой ласковой девочки перевернуло его душу — сломанные руки, следы зубов, скрюченный окровавленный труп... То, что изнасиловали его мать, красивую женщину, хоть как-то укладывалось в голове, но надругательство над Белым Крылом висело над ним как проклятие.

Из тринадцати белых мужчин, повинных в том ужасе, остались в живых только двое. Прыгающий Волк и пять воинов-команчей, которые ездили с Чандосом, в первый же год нашли почти всех убийц и расправились с ними. Отчим Чандоса преследовал двух братьев Коттл и позже был найден мертвым возле их трупов. Подонки прятались в городках, где до них не могла добраться маленькая группа индейцев. Тогда Чандос постригся под белого и повесил на ремень револьверы. В таком виде он беспрепятственно въезжал в города и выкуривал оттуда своих врагов.

Ковбои, известные под именами Тэд и Карл, прослышав о том, что их ищет Чандос, покинули городок и попали прямо в руки Прыгающего Волка.

Позже, повстречав Цинциннати и Керли, Чандос прикончил их.

Но больше всего он жаждал добраться до Уэйда Смита, которому до сих пор удавалось уходить от возмездия. Так же, как и Траску.

Джон Хэндли перед смертью рассказал больше, чем толстяк фермер. Теперь команчи знали, что именно Траск убил молодую жену Прыгающего Волка, и воину не удастся спать спокойно, пока Дэйр ходит по земле. А Чандос не прекратит поиски, пока не отыщет Смита. Если Чандос не сможет передать Траска Прыгающему Волку, он убьет его сам — за друга. Но с Уэйдом Смитом Чандос должен расправиться собственноручно, ибо именно этот подонок жестоко надругался над Белым Крылом, а потом перерезал ей горло.

Друзья-индейцы старались держаться вместе. Они вместе уехали в Аризону, где Чандос нашел Керли. Не один раз они прочесали Техас, побывали в Нью-Мехико, забирались даже далеко на север, в Небраску. В этих поездках Чандос ничем не отличался от индейцев, но, оставляя их у въезда в городки, опять превращался в белого. На этот, раз по пути из Техаса друзья нагнали его, и он вернулся бы с ними, если бы не Кортни.

— В Ньютоне его нет, — тихо сказал Чандос.

— И что теперь?

— Ходят слухи, что Смит осел в тexasском Парисе.

— А женщина?

— Она тоже едет в Техас.

— Так. Не думаю, что ты захочешь взять нас с собой.

Чандос усмехнулся:

— Боюсь, она не поймет этого. Сегодня, увидев тебя, она сильно перепугалась. Если увидит других, мне угрожает женская истерика.

— Ладно. Знай, если что, мы рядом, — заверил Прыгающий Волк и исчез также бесшумно, как и появился.

Чандос долго стоял, глядя в черное ночное небо и чувствуя в душе такую же черную пустоту. Ему не избавиться от этого до тех пор, пока не умрет последний палач. Только тогда души любимых обретут покой, только тогда он перестанет слышать во сне их крики.

Вдруг ледяной холод пронизал его — он услышал, как его окликают по имени. И это был не сон! Страх сжал сердце Чандоса. Такого страха он не испытывал с трагического дня возвращения в лагерь индейцев.

Не помня себя он помчался быстрее ветра и через мгновение был уже возле Кортни.

— Что случилось? Что?

Кортни упала в объятия Чандоса, крепко прижавшись к его груди.

— Прости, — пробормотала она, спрятав лицо на его плече. — Я проснулась, а тебя нет. Я не хотела кричать — правда не хотела, — но мне показалось, что ты бросил меня. Я... я так испугалась, Чандос! Ты ведь не сделаешь этого, нет?

Схватив ее за волосы, он откинул ее голову назад и поцеловал — грубо поцеловал. Его губы, которые всегда казались ей такими мягкими и чувственными, больно впились в ее губы. В этом поцелуе и в том, как он держал ее, не было и тени нежности.

Через секунду ошеломленная Кортни ощутила какое-то странное чувство внизу живота.

Поняв, что она сама затягивает этот поцелуй, крепко обнимая Чандоса, Кортни подумала об отступлении, но даже не шевельнулась.

Но это все же кончилось. Чандос наконец отпустил Кортни и отошел от нее.

Взглянув в его голубые глаза, она поразилась 1 ой силе, которую они излучали. Его поведение удивило ее. Неосознанно Кортни подняла руку и коснулась пальцами его губ.

— Зачем... зачем ты отошел?

Чандос хотел сохранить между ними хоть небольшую дистанцию, а она еще спрашивает зачем! Ну что можно ждать от этой девчонки? Эти упругие нежные груди только что касались его, а обнаженные руки крепко обвивали его шею... Единственной преградой между ними была ее тонкая сорочка и нижняя юбка. О Боже всевышний!

— Чандос! — опять сказала она.

Неизвестно, что он сделал бы в это мгновение, если бы не заметил Прыгающего Волка. Тот стоял в отдалении позади Кортни. Очевидно, его друг услышал крик девушки и поспешил на помощь. Интересно, что он успел увидеть? Слишком много — об этом говорила понимающая улыбка, с которой он удалился.

Чандос глубоко вздохнул.

— Забудь об этом, — сказал он Кортни. — Это был единственный способ заставить тебя замолчать.

— О!

Она, похоже, разочарована? Черт бы ее побрал! Да знает ли она, от чего была на волосок? Понимает ли, что еще немного — и оказалась бы под ним? Нет, не знает и не понимает, сказал он себе. Она по своей невинности не ведает, что творит.

Чандос подошел к костру и сердито подбросил в огонь еще одно полено.

— Ложись спать, леди, — сказал он, не оборачиваясь.

— Где ты был?

— Я услышал какой-то шум и пошел посмотреть. Все в порядке. Но тебе следовало бы сначала проверить, на месте ли моя лошадь, прежде чем пугаться. Запомни это на будущее!

Кортни разозлилась на себя. Какая же она дура! Неудивительно, что он разговаривает с ней таким снисходительным тоном. Наверняка решил, что связался с истеричкой, с которой в пути хлопот не оберешься.

— Это больше не повторится... — начала Кортни, но запнулась, услышав одно из тех непонятных слов, которые Чандос часто употреблял в минуты раздражения. — Куда ты?

— Теперь мне все равно скоро не заснуть, пойду искупаюсь.

Он вытащил из седельной сумки полотенце и кусок мыла.

— Чандос, я...

— Ложись спать!

Он зашагал к реке, а Кортни опять залезла под одеяло, чувствуя, как в ней тоже вскипает раздражение. Она ведь только хотела извиниться! Зачем же он так? Тут взгляд Кортни упал на аккуратную стопку одежды, лежавшую рядом с ее походной постелью. Горячая краска залила ее щеки. Она даже не подумала... о нет! Она бросилась к нему на шею в одном нижнем белье! Да как же она могла?

Кортни не знала, плакать ли от стыда, или смеяться над нелепостью недавней сцены. Ну нет, смешного здесь не было ничего. Понятно, что он так странно повел себя с ней. Наверное, он смутился еще больше, чем она, если такое вообще возможно.

Кортни со вздохом повернулась к костру и посмотрела на реку. Она не слышала и не видела Чандоса, но знала, что он там. Если бы и у нее хватило смелости искупаться так же, как он,

голышом, а не полоскаться прямо в одежде, как раньше. Наверное, это облегчило бы боль в мышцах.

Когда Чандос вернулся, она еще не спала, но притворилась спящей, опасаясь, что он еще сердится и не захочет с ней разговаривать. Полуприкрыв глаза, она украдкой наблюдала за ним, нисколько не смущаясь своим любопытством.

Грацией и гибкостью своих движений он напоминал ей большого зверя. В нем и впрямь было что-то от хищника. Как и зверь, он не испытывал неуверенности, находясь в этих диких местах, готовый к любым трудностям и к встрече с врагом. Эта мысль успокаивала ее.

Чандос кинул полотенце на куст сушиться, подошел к лошади и убрал в сумку мыло, потом присел на корточки у костра и сунул в огонь сухую ветку. Интересно, почему он даже не взглянет в ее сторону, чтобы узнать, спит ли она? Наконец он повернулся к ней, и Кортни затаила дыхание — Чандос не отводил взгляда, такого же пристального, как и у нее, только он не знал, что она наблюдает за ним. А может, знал?

О чем он думает, глядя на нее? Уж не о том ли, что напрасно связался с ней? Нет, лучше не знать его мыслей.

Вскоре он направился к своей походной постели, и Кортни пожалела о том, что Чандос потерял к ней интерес, так сильно возбудив ее любопытство. Она заметила, что он еще не обсох после купания — темная кожа спины между лопатками блестела от влаги при свете костра. Ей вдруг неудержимо захотелось подойти и вытереть его тело ладонью.

"О Кортни, ради Бога, засыпай!"»

Глава 17

— Доброе утро! Кофе готов, и еда теплая. Чандос застонал, услышав ее бодрый голос. Что, черт возьми, она тут изображает? Потом, вспомнив, что почти не спал из-за нее всю ночь, угрюмо глянул на Кортни.

— Ты хочешь есть?

— Нет! — резко бросил он.

— Ради Бога, Чандос, не злись на меня!

— Ты что, забыла? Ведь я говорил тебе, что не ем по утрам.

— Нет, я все помню. Ты сказал, что мало ешь по утрам, поэтому я приготовила тебе две кукурузные лепешки. Очень легкий завтрак. Кстати, если бы ты ел по утрам основательнее, нам не пришлось бы тратить время на еду днем. И тогда наша поездка...

— Если ты на секунду умолкнешь, леди, я объясню тебе, что вчера в полдень мы делали остановку только из-за тебя. Без тебя я в два раза быстрее покрыл бы этот путь. Но если ты считаешь, что твой зад выдержит...

— О, перестань, пожалуйста! — смущенно воскликнула Кортни. — Прости, я просто думала... нет, кажется, я вообще не думала. Ты прав... мне пока трудно проводить в седле больше времени. — Она покраснела. — И я признательна тебе, что ты так снисходителен к моим... —

она запнулась, залившись ярко-пунцовым румянцем.

— Я поем твоих кукурузных лепешек, — ласково сказал он.

Кортни бросилась подавать ему завтрак. Опять она сморозила глупость! Конечно, он прав: она просто забыла, как болит у нее тело, и о том, что будет, если ей придется проводить больше времени в седле. Сейчас мучения не так дожимали ее, как пророчила ей Матти, но это лишь благодаря заботливости Чандоса.

Подавая ему кофе, Кортни спросила:

— Когда мы въедем на Индейскую Территорию?

Он небрежно ответил:

— Уже въехали вчера вечером, примерно за два часа до привала.

— Ой! — вскрикнула Кортни. — Уже? Вообще-то от того, что канзасская земля осталась позади, ничего не изменилось. Чего она ожидала? Индейских вигвамов? Насколько видел глаз, вокруг не было ни души, только бескрайняя равнина да деревья вдоль берегов реки. И все же эти земли принадлежат индейцам, а значит, они где-то поблизости.

— Не волнуйся, леди.

Она взглянула на него, через силу улыбнувшись. Неужели ее страх так заметен?

— Почему бы тебе не называть меня Кортни? — спросила она.

— Это имя не имеет ничего общего с этими местами.

Кортни ощутила раздражение.

— Надо полагать, Чандос не настоящее твое имя?

— Нет. — Если бы он не прибавил больше ни слова, она приняла бы это как должное, но на этот раз он удивил ее. — Так называла меня сестра, пока не научилась выговаривать мое имя.

"Какое же имя созвучно имени Чандос?" — подумала Кортни, радуясь тому, что хоть что-то узнала о нем. Значит, у него есть сестра?

Казалось, обращаясь не столько к ней, сколько к самому себе, он пояснил:

— Это имя я буду носить до тех пор, пока не сделаю все для того, чтобы моя сестра уснула с миром. Кортни похолодела:

— Это звучит загадочно. Но ты вряд ли что-нибудь добавишь.

Он словно очнулся и долго молча смотрел на Кортни. Наконец Чандос сказал:

— Ты не пожелала бы этого слышать.

Кортни хотела сказать ему, что он не прав и ей очень интересно знать не только это, но и вообще все о нем, но она промолчала.

Пока Чандос допивал кофе, она пошла седлать свою лошадь, понимая, что это займет у нее вдвое больше времени, чем у Чандоса.

Скатывая походную постель, Кортни спросила:

— У этой кобылы есть имя, Чандос?

Он собирался бриться и не взглянул на нее.

— Нет.

— Можно мне...

— Назови ее, как хочешь, Кошачьи Глазки.

Кортни пошла к своей лошади, обиженная его иронией. Назвать кобылу, как она хочет? Но ведь и Чандос называл Кортни, как хотел! Он знал, что ей не нравится обращение «леди», но «Кошачьи Глазки»? Вообще-то «Кошачьи Глазки» ей нравились гораздо больше, чем «леди», особенно в его устах.

Кортни вернулась к костру, чтобы убрать посуду. Время от времени она поглядывала на бредущего Чандоса. Он стоял спиной к ней, и она ласкала взглядом его сильное тело.

Как он отлично сложен! «О Господи, Кортни, это слишком слабо сказано! Великолепное — да, именно великолепное тело! Чандос мог бы стать безупречной моделью для скульптора», — подумала она.

Собрав посуду, Кортни вздохнула. Вот она и призналась себе в очевидном и не слишком удивилась своему открытию: Чандос вызывает в ней восхищение.

— Пожалуй, даже не восхищение; а желание, — пробормотала она себе под нос, спускаясь по склону.

Кортни вспыхнула. Так ли это? Этим ли объясняется "странное чувство, охватывающее ее при взгляде на Чандоса? Это же чувство возбуждали в ней его прикосновения, а особенно поцелуи. Что она знает о желании? Матти часто рассказывала ей о своих чувствах к мужу, а потому Кортни все же кое-что знала.

"Я не могу оторваться от него», — говорила ей Матти, и Кортни поняла, что испытывала к Чандосу то же самое. Зачем отрицать, что ее непреодолимо тянет дотронуться до него, провести пальцами по его гладкой, упругой коже.

Как же ей справиться с этим? Здесь ведь ей никуда не деться от Чандоса. Но сам-то он не выказывал к ней никакого интереса. Значит, Чандос совершенно не хочет ее как женщину. Она ему даже ничуть не нравится. Да, фантазировать можно сколько угодно, но ее чувства останутся неразделенными.

Тут Кортни вспомнила вчерашний ночной поцелуй. Это был не первый поцелуй в ее жизни.

Ухажеры из Рокли целовали ее, по-хозяйски целовал Рид, но она не могла припомнить, чтобы хоть один из этих поцелуев доставил ей столько наслаждения. А что, если бы Чандос поцеловал ее по-настоящему, а не для того, чтобы закрыть ей рот? Пораженная этими мыслями. Кортни, сама того не желая, представила себе, как Чандос занимается любовью. Примитивно, грубо,

как дикарь? А может, в такие моменты он становится нежен?

— Сколько же нужно времени, чтобы вымыть один котелок?

Кортни вздрогнула от неожиданности и уронила котелок в речку. Его тут же подхватило быстрым течением, и ей пришлось прыгнуть за ним в воду. Выйдя на берег, она обернулась, собираясь выругать Чандоса за его внезапное появление, но, увидев его чувственные губы, поспешно отвернулась.

— Кажется, я... замечталась, — виновато сказала Кортни, моля Бога, чтобы Чандос не догадался, о чем она думала.

— Помечтаешь в дороге, ладно? Мы теряем время.

Он ушел, а Кортни осталась на берегу. «Вот она, реальность, — мрачно сказала она себе. — Он бандит — жестокий, грубый, дикий. Совершенно невыносимый. Какой из него любовник? Не стоит и мечтать!»

Глава 18

Когда они отклонились от берега извилистого Арканзаса, все сразу изменилось. Прекратился прохладный ветерок, так хорошо отгонявший докучливых насекомых. Не было больше тени деревьев. Но река повернула на юго-восток, а Чандос направился на юго-запад. Он сказал, что в этот же день они опять увидят Арканзас в том месте, где его русло поворачивает к западу. Вечером им предстоит перейти вброд развилку этой реки.

Кортни страдала от жары. Шла уже первая неделя сентября, но было по-летнему жарко. Влажность казалась невыносимой. Пот заливал лицо и тело Кортни, впитываясь в плотную ткань юбки. Ее организм обезвоживался, поэтому Чандос стал добавлять в воду соль, чем окончательно раздосадовал девушку.

В конце дня они въехали на холмистую территорию. Низкие плоские холмы из песчаника тянулись вдоль восточной части Индейской Территории, плавно переходя на южной границе в Арбукские горы. Холмы, высота которых кое-где достигала четырехсот футов, были покрыты густыми дубовыми лесами, богатыми дичью.

Когда Кортни выжимала юбку после их второй переправы через реку, Чандос сказал, что пойдет пострелять дичь к обеду, и велел к его возвращению подготовить стоянку. Не успела Кортни возразить, как он уехал. Усевшись на землю, она сердито смотрела ему вслед.

Зная, что это проверка, она возмущалась. Но ничего не оставалось, как приняться за работу. Она распрягла и накормила свою лошадь и Нелли, набрала хвороста и начала разжигать костер, вспоминая, как это делал Чандос. Древесина была сыровата, и костер сильно дымил. Готовя бобы, жестянки с которыми наполняли ее дорожный мешок, она с отвращением думала, что после этого путешествия никогда не возьмет их в рот.

Приготовив все, Кортни испытала удовлетворение. На все у нее ушло немногим больше часа, а ведь почти все это время она потратила на лошадей. Присев в ожидании Чандоса, Кортни вдруг вспомнила про свою юбку и решила, что сейчас самое время постирать. А раз уж Чандоса нет, можно как следует, не торопясь, искупаться.

Настроение Кортни улучшилось, теперь она уже не сердилась на Чандоса за то, что он бросил

ее одну. Было еще вполне светло — предзакатное небо розовело над головой. К тому же у нее есть кольт, хоть она и не слишком ловко умеет с ним обращаться.

Кортни быстро собрала мыло, полотенце и смену одежды. Берег был покрыт камнями и валунами. Один валун лежал поперек течения, образовав что-то вроде запруды. Это позволяло Кортни искупаться в спокойной воде.

Сев на мелководье, она постирала одежду, бросила ее на камни, вымыла свои спутанные волосы, а потом прямо на себе намылила белье — снимать его ей не хотелось. Кортни принялась яростно скрести тело, смывая пыль и пот. После поездки верхом по жаре прохладная вода Восхитительно бодрила. Сидя в этом укромном месте, Кортни была счастлива. За уступами каменистого берега она ничего не видела и чувствовала себя в приятном уединении.

Небо начинали окрашивать вечерние багряно-сиреневые тона, когда Кортни вылезла из воды и хотела пойти за своей мокрой одеждой. Но она дошла лишь до кромки воды. Четыре лошади стояли вдоль берега, преграждая ей путь к стоянке. Четыре лошади с четырьмя всадниками.

"Это не индейцы», — сразу подумала она. Но от этого тревога не утихла. От взглядов всадников по коже Кортни побежали мурашки. Ноги мужчин были мокрыми, значит, они только что переправились через реку. Если бы только она видела, как они переправлялись, или слышала, как они подъехали!

— Где твой мужчина?

Говоривший был весь каким-то коричневым: волосы и глаза, куртка, брюки, сапоги, шляпа, даже рубашка. На вид ему было около тридцати, другим не больше, и Кортни вспомнила слова о том, что бандиты умирают молодыми. А что это бандиты, она не сомневалась. Вид их свидетельствовал о том, что живут они по особым законам и носят оружие, отстаивая эти законы.

— Я задал тебе вопрос, — резко сказал он. Кортни не могла пошевелиться, охваченная страхом. Надо взять себя в руки, решила она.

— Мой попутчик придет с минуты на минуту. Двое засмеялись. Почему? Коричневый не смеялся. Лицо его было бесстрастным.

— Это не ответ. Где он? — повторил он.

— Ушел охотиться.

— Давно?

— Больше часа назад.

— Что-то я не слышал ни одного выстрела, Дэйр, — заметил рыжеволосый парень. — Похоже, нам долго придется ждать.

— Прекрасно, меня это устраивает, — сказал здоровенный черноволосый детина с жидкой бородкой. — У меня есть неплохая мысль, как скоротать время.

Бандиты опять засмеялись.

— Этого не будет, во всяком случае сейчас, — сказал коричневый. — Отведи ее к их стоянке, Ромиро!

Мужчина слез с лошади и пошел к Кортни. Внешность его, как и имя, была мексиканской, если не считать зеленых глаз. Ростом немногим выше Кортни, он был крепкого сложения и одет во все черное. Только серебряный медальон поблескивал кроваво-красным светом в лучах заката. На его смуглом лице застыло такое же мрачно-серьезное выражение, как у Чандоса. Кортни подумала, что этот парень, вероятно, опаснее остальных.

Он подошел и взял ее за руку, но Кортни ее отдернула.

— Минутку...

— Не надо, bella! — резко предупредил он. — Не нарывайся на неприятности, rog favor!

— Но я не...

— Callate! **[1]** — процедил он сквозь зубы. Кортни догадалась, что он просит ее говорить тише. Неужели он хочет защитить ее? Его спутники уже поднимались на холм. Кортни задрожала — ветерок с реки обдувал ее мокрое тело, но такой же холод источали зеленые глаза мужчины.

Он снова взял ее за руку, и снова Кортни вырвалась.

— Может, ты позволишь мне хотя бы вытереться и переодеться?

— В эту мокрую одежду?

— Нет, в эту.

Она указала на куст на берегу, где она оставила свежую одежду.

— Si, только быстрее, rog favor. Кортни трясущимися пальцами нащупала револьвер, спрятанный под полотенцем, но от волнения не удержала его. Выскользнув из ее руки, кольт с громким стуком упал на камни. Мексиканец, вздохнув, нагнулся за ним. Кортни застонала, когда он сунул револьвер за свой ремень.

Со стыдом представляя, что сказал бы Чандос о ее глупости, Кортни торопливо взбиралась на холм.

Ромиро поднялся следом за ней и встал рядом. Не могла же она у него на глазах снимать нижнее белье и переодеваться; поэтому Кортни натянула сухое платье поверх мокрой нижней одежды.

— Ты простудишься, bella, — заметил Ромиро, когда она вышла из-за кустов.

В этом был виноват он, и Кортни сердито бросила:

— А разве у меня есть выбор?

— Si, выбор у тебя есть всегда. Уж не думает ли Ромиро, что она станет при нем раздеваться? Хорошенькое дело!

— Нет, не всегда, — возразила Кортни. Ромиро пожал плечами:

— Ладно, идем!

Он больше не пытался взять ее за руку, а просто махнул в сторону привала, показывая, чтобы она шла впереди. Кортни быстро собрала свои вещи, и через несколько мгновений они вступили на небольшую поляну, где она разбила стоянку.

Трое других были уже там. Они сидели у ее костра, ели ее бобы с хлебом и пили ее кофе. Их наглость возмутила Кортни, но еще больше напугала, ибо она поняла, что все это значит.

— О, скоро же вы! — ухмыльнулся черноволосый. — Не говорил ли я тебе. Рыжий Джонни, как он быстро выхватывает свою «пушку»?

Кортни оскорбление пропустила мимо ушей, но мексиканец разозлился:

— Imbecil! [2] Это же леди!

— Ах, я дерьмо! Это же леди! — презрительно передразнил его черноволосый. — А ну-ка, веди ко мне эту леди и сажай ее прямо сюда!

Кортни побагровела, увидев, как он похлопал себя между ног. Поспешно отвернувшись, она умоляюще взглянула на мексиканца, но тот лишь пожал плечами:

вернуться

1

Замолчи! (исп.).

вернуться

2

Дурак! (исп.).

— Там для тебя все готово, bella.

— Нет!

Ромиро опять пожал плечами:

— Видишь, Ханчет? Она не хочет знакомиться с тобой ближе.

— Черт, да мне плевать на то, что она хочет, Ромиро! — прорычал Ханчет, вставая.

Мексиканец выступил вперед, заслонив собой Кортни, и обратился к Дэйру:

— Может, ты объяснишь своему amigo, что женщина — единственная твоя приманка для Чандоса и лучше ее не трогать? Лошадь при нем, так какой смысл ему возвращаться на стоянку? Что до меня, я бы не стал забирать свою женщину, если ею уже кто-то попользовался, пусть даже насильно. Я бы просто поехал своей дорогой.

Такая безжалостность потрясла Кортни. Она смотрела на Дэйра, со страхом ожидая его ответа,

ибо он, несомненно, был у них главным.

— Ромиро прав, Ханчет, — наконец сказал Дэйр, и Кортни издала вздох облегчения, но, увы, преждевременно. — Подожди. Сначала я заполучу этого мерзавца, узнаю, что за игру он затеял, а тогда уж развлекайся с его бабой.

— Ты... ты знаешь Чандоса? — шепотом спросила Кортни у мексиканца.

— Нет.

— Так, значит, они его знают?

— Нет, — повторил он и пояснил:

— Чандос искал Дэйра, а потом уехал. Дэйру это не понравилось.

— Ты хочешь сказать, что вы преследовали нас?

— Si, — ответил он. — Мы ехали за вами больше суток, не надеясь догнать так быстро. Но его медлительность удивила нас.

Это из-за нее он ехал так медленно, из-за нее эти люди догнали Чандоса, мучилась Кортни.

Она решила осторожно прояснить ситуацию:

— Когда он придет и твой друг задаст ему свои вопросы, что будет?

Ромиро и глазом не моргнул:

— Дэйр убьет его.

— Но за что? — У Кортни перехватило дыхание.

— Дэйр злится — он потерял много времени на преследование. То, что Чандос разыскивал Дэйра в Ньютоне, — это вызов, который нельзя не принять. Мы ехали в Абилин, но пришлось свернуть с пути, когда твой мужчина уехал из города.

— Чандос вовсе не мой мужчина. Он только взялся доставить меня в Техас, вот и все. Я его почти не знаю, но...

Он отмахнулся от ее объяснений:

— Какая разница, bella, почему ты едешь с ним.

— Но, — настойчиво продолжала она, — как можешь ты так спокойно говорить о том, что твой друг собирается убить его? Нельзя же убить человека из-за такой ерунды, про которую ты сказал.

— Дэйр может.

— И ты не остановишь его?

— Это не мое дело. Но если ты волнуешься за себя, то напрасно. Тебя здесь не оставят. Мы вернемся в Канзас и захватим тебя с собой.

— Это меня не слишком радует, сэр.

— А должно бы радовать, bella. Иначе ты умрешь вместе с ним. — Кортни смертельно побледнела, но тут мексиканец добил ее:

— У тебя есть время подумать, стоит ли сопротивляться. Но знай, что в любом случае они попользуются тобой. Так не все ли равно, один или четверо?

— Четверо? Ты тоже?

— Ты bella, а я мужчина, — просто рассудил он. Кортни тряхнула головой, отказываясь этому верить.

— Но ты... ты же остановил Ханчета, когда он хотел...

— Ханчет — estúpido [3]. Если бы он взял тебя сейчас, то подвел бы всех нас, дав Чандосу преимущество.

— Преимущество и сейчас на его стороне, — заметила Кортни, надеясь поколебать его уверенность. — Он будет незаметен в темноте, а вы собрались в кружок на свету.

— Si, но у нас есть ты.

Напускная храбрость Кортни сразу улетучилась. Она стала лихорадочно думать, как помочь Чандосу, и наконец сказала:

— Я надоела Чандосу и не сомневаюсь, что он решил от меня отделаться. Так что вы напрасно теряете здесь время.

— Неплохая уловка, мисс, но на это меня не купишь, — вмешался Дэйр, услышавший ее слова.

Кортни уставилась на огонь. А вдруг так оно и есть и Чандос просто ушел, почуяв опасность? Зачем ему появляться здесь и встречаться с этими людьми? Все-таки четверо против одного — станет ли он рисковать ради нее жизнью?

Она не хотела, чтобы Чандос погиб. Но, Боже, она так боялась, что ее изнасилуют.

— Мы слышали, что он полукровка. Это правда? Кортни не сразу поняла, о чем Ханчет спрашивает ее. Значит, они и впрямь ничего не знают о Чандосе? Она знает не больше, но им и это неизвестно.

, Кортни в упор посмотрела на гиганта с редкой бородкой и бесстрастно ответила:

— Если вас интересует, наполовину ли он индеец, то нет. Он команчи на три четверти. Это как-нибудь называется?

Удивительно, но ее ложь подействовала на великана. Он начал тревожно вглядываться в темноту. Тут одна из лошадей наступила на ветку, и он вздрогнул.

— А ты не из робких, леди, если спишь с полукровкой, — съязвил Рыжий Джонни. Глаза Кортни сверкнули негодованием.

— Повторяю еще раз: Чандос не... он мне не любовник! Он дикарь, злой и жестокий. Но увидев, как он убил Джима Уорда, мерзкого бандита и преступника, я поняла, что именно он нужен

мне в попутчики до Техаса.

— Черт! Так старина Джим мертв? — воскликнул Ханчет.

Кортни вздохнула. Значит, они знают преступника Уорда. Что ж, ничего удивительного — они и сами такие же преступники.

— Да, Чандос убил его, — ответила она. — Он охотится за бандитами. Может, поэтому он и заинтересовался вами? — спросила она Дэйра.

Тот невозмутимо покачал головой.:

— Я не в розыске, мисс, ибо не оставляю свидетелей своих преступлений.

Ханчет с Рыжим Джонни захохотали. Потеряв свое преимущество, Кортни стала размышлять, что бы еще придумать.

— Да, я уверена, что вы безжалостные, жестокие бандиты и, значит, у вас много общего с Чандосом. В нем нет ничего хорошего! Он даже запугивал меня рассказами о том, сколько скальпов снял. Я не скажу вам сколько. Я ему не поверила, а значит, и вы не поверите. А еще он рассказывал мне, что несколько лет ездил с бандой этого мстительного Сатанты. И представляете, ему удалось убить целых семнадцать разыскиваемых преступников! В его-то возрасте! Как он умудрился совершить столько убийств за такой короткий срок? Это невозможно, я так ему и сказала.

— Заткнись, женщина! — злобно рявкнул Дэйр.

— Почему? Вы что-то услышали? — простодушно спросила Кортни. — Это, наверное, Чандос. Ему уже давно пора вернуться. Но он, конечно, не хочет выходить на свет. Зачем? Когда можно прекрасно взять вас всех на мушку...

— Рыжий Джонни, заткни ее чем-нибудь! — заорал Дэйр.

Парень направился к ней, и в этот момент прогремел выстрел. Пуля попала Рыжему Джонни в левое плечо, он метнулся назад. Другие мгновенно вскочили.

Рыжий Джонни корчился на земле и кричал, что ему раздробило кость. Кортни почти не слышала его из-за сильного звона в ушах, но знала, что надо предупредить Чандоса.

— Они хотят убить тебя, Чандос! Дэйр размахнулся, собираясь ударить ее по лицу, но не успел — пуля пробила ему локоть. Он выронил револьвер. Ханчет, увидев это, выхватил револьвер и направил его на Кортни. В ту же секунду послышался еще один выстрел, и он выронил оружие. У Кортни в ушах по-прежнему звенело, и она в изумлении оглядывалась по сторонам.

— Идиоты! — закричал Ромиро. — Он защищает женщину! Отойдите от нее! — Потом он обратился к Чандосу:

— Сеньор, не надо больше стрелять, rog favor. Видите, я бросаю револьвер!

С этими словами он широко развел руки, надеясь, что Чандос не станет стрелять в безоружного.

Это, кажется, сработало — Чандос больше не стрелял. За пределами освещенного огнем круга воцарилась мертвая тишина. У костра стонал Рыжий Джонни и громко, прерывисто дышал

Ханчет, поддерживавший свою окровавленную кисть.

Первый испуг Кортни прошел, но руки и ноги еще дрожали. Чандос сделал это! Он одержал над ними верх!

Но почему он не скажет им, чтобы они садились на лошадей и убирались? Почему он молчит?

Ромиро, медленно обойдя костер, подошел к Дэйру, чтобы помочь ему перевязать рану.

— Прояви благоразумие, amigo, — услышала Кортни шепот мексиканца. — Он мог перестрелять всех в считанные секунды, но вместо этого ранил нас. Спроси его, о чем хотел, и едем! Перевес не на твоей стороне.

вернуться

3

глупый (исп.).

— У меня еще есть она, — процедил Дэйр, указав глазами на Кортни.

Она с вызовом посмотрела на него:

— А я так не думаю, мистер. Я могу сейчас уйти отсюда, и вы не посмеете остановить меня. Где бы он ни прятался, вы все у него на мушке.

Она с удовольствием увидела, как вспыхнули гневом глаза Траска. Он знал, что она права. Снова прозвучал выстрел. Раненный в бедро Дэйр с криком повалился на землю.

Ромиро, схватив Дэйра за плечи, закричал:

— Хватит! Он всех нас изрешетит, если ты не уберешься!

— Дельный совет.

— Чандос! — радостно вскрикнула Кортни, поворачиваясь на звук его голоса.

Постепенно глаза Кортни различили во тьме, окружавшей поляну, знакомый силуэт, и ей отчаянно захотелось броситься к Чандосу. Но она сдержалась: нельзя отвлекать его. Он, стоял на краю поляны, направив револьвер на бандитов. Сейчас невозможно было понять, на кого он смотрит, но весь его облик выражал непреклонную решимость. Сердце Кортни замерло от восхищения.

— Вы Чандос? — Ромиро выступил вперед, держа руки на расстоянии от тела. — Вы делаете из мухи слона, сеньор. Вы искали моего друга. Он облегчил вашу задачу и сам пришел к вам. Он только хотел узнать, почему вы охотились за ним.

— Он врет! — воскликнула Кортни, ткнув пальцем в Дэйра. — Он хотел убить тебя после того, как ты ответишь на его вопросы. Этот сказал мне. — Она кивнула на Ромиро. — И еще он объяснил, что было бы после твоей смерти. Они хотели... хотели...

— Ты все еще с трудом подбираешь слова, леди? — спросил Чандос. Как он мог шутить в такой

момент?

— Ну, в общем, они хотели! — выпалила она.

— О, я не сомневаюсь в этом, любимая, — отозвался Чандос. — И раз уж ты так негодуешь, почему бы тебе не собрать их револьверы и не отдать их мне?

Кортни не сразу очнулась от удивления — он назвал ее любимой! Но, нагнувшись за первым револьвером, она поняла: он сказал это для них — Чандос давал им понять, что она его женщина.

Осторожно, чтобы случайно не помешать Чандосу, Кортни подняла с земли оружие Дэйра и Ханчета. Револьвер Рыжего Джонни оставался у него в кобуре, Ромиро протянул ей свой. Кортни вытащила из-под его ремня свой кольт и торжествующе взглянула на мексиканца.

— Не будь мстительной, bella, — мягко сказал он ей. — Ты ведь помнишь, что я помог тебе?

— А как же! — ответила она. — Я даже понимаю, почему ты это сделал. Хочешь, я расскажу об этом Чандосу? Пусть-ка он сам рассудит, можно ли считать это помощью.

Она отошла, не слушая его. Ромиро был ей особенно противен: он сыграл на ее страхе — сначала напугал, потом подал надежду и тут же ее разрушил. Они все мерзавцы, но он — самый жестокий.

Кортни пошла по краю поляны и вскоре оказалась рядом с Чандосом. Она положила перед ним все оружие, оставив только свой револьвер.

— Знаю, тебе сейчас не до моей благодарности, — ласково сказала она, крепко прижимаясь к его спине, — но я так рада, что ты вернулся и к тому же вовремя!

— Ты вся мокрая, — пробормотал Чандос.

— Я купалась, когда они появились.

— В одежде?

— В нижней, конечно.

— Конечно, — усмехнулся он. И тут он удивил Кортни, так же, как и бандитов, тихо сказав:

— Убирайтесь... пока еще можете. Он их отпускал!

Глава 19

Луна, хоть и не полная, ярко освещала широкий приток Арканзаса, и Кортни ясно видела тех, кто переправлялся через реку.

Стоя на берегу рядом с Чандосом, она смотрела, как барахтаются в воде лошади. Из-за сильного течения Ханчет не удержался в седле. Кортни сомневалась, что он одолеет переправу со своей раненой рукой. Но, на удивление, и бандит, и его лошадь благополучно выбрались на другой берег вместе с другими. Кортни и Чандос наблюдали, как трое мужчин сели на своих лошадей и поскакали на север — назад, в Канзас. Они следили за ними, пока те не скрылись из виду.

Потом так, словно ничего особенного не произошло, хотя Дэйр Траск болтался на дереве, Чандос принялся сдирать шкурки с двух принесенных им белок. Видимо, он поймал их голыми руками, поскольку на тушках не было ни единой царапины, да и Чандос ни разу не выстрелил, пока охотился. Подвесив их над костром, он открыл жестянку с бобами и сварил кофе. Когда взгляд Кортни падал на Дэйра Траска, к горлу ее подступала тошнота.

Чандос объявил, что Траск не уйдет с остальными. Он назвал его полным именем, из чего Кортни заключила, что Чандос знал о нем. Потом он заставил Ромиро связать Траска по рукам и ногам рубашкой и брюками Дэйра, а Кортни послал к своей лошади за веревкой. Она чуть не заблудилась, разыскивая Шуафута.

Вернувшись к Чандосу с веревкой и пегим меринком, она слышала, как он велел Ромиро связать этой веревкой запястья Траска, предупредив, что если он свяжет их недостаточно крепко, то тот, падая, переломает себе ноги. Что он имел в виду, стало понятно, когда Чандос подтащил Траска к ближайшему дереву, пользуясь при этом только одной рукой — в другой он держал револьвер, — и, приподняв его на несколько футов, привязал к стволу дерева.

— Вы убьете его? — спросил Ромиро.

— Нет, — ответил Чандос, — но ему предстоит немного помучиться за то, что он натворил здесь.

— Он вам ничего не сделал, сеньор.

— Верно. Я наказываю его за то, что он собирался сделать с леди. Никто, кроме меня, не имеет права прикасаться к ней.

Ромиро подозрительно покосился на Кортни — значит, она лгала ему о своих отношениях с этим человеком? Потом вновь перевел взгляд на Чандоса.

— Похоже, дело не только в женщине, но и в том, почему вы искали моего *amigo, si?*

Чандос промолчал. Он вывел вперед их лошадей, достал из чехлов винтовки, висевшие на двух седлах, и швырнул в реку вместе с револьверами.

Теперь они уехали, а Дэйр Траск так и болтался на дереве со своим шейным платком во рту: он кричал своим людям, чтобы они вернулись, и Чандосу надоело слушать его крики. Кортни понимала, как больно Траску. Раны его еще кровоточили, даже та, которую наспех перевязал Ромиро.

Несомненно, он заслужил это и даже большее, но смотреть на его мучения было невыносимо, тем более что он не причинил зла ни ей, ни Чандосу.

Что чувствует Чандос, Кортни не знала. По лицу его, как всегда, она не могла ничего угадать. Он как ни в чем не бывало приготовил ужин и с равнодушным видом ел, не спуская, однако, глаз с Траска.

Кортни попыталась заговорить с Чандосом, но он велел ей молчать, внимательно прислушиваясь, не вернулись ли остальные. Кортни подчинилась ему.

Потом он велел ей собирать вещи и седлать своих лошадей. Кортни обрадовалась: значит, они уезжают! Но сделав все и выведя вперед лошадей, она поняла, что Чандос передумал. Костер не был потушен, и Траск все так же висел на дереве.

Чандос повернулся, и от его взгляда Кортни похолодела. Она сразу угадала его намерения:

— Ты хочешь, чтобы я уехала без тебя? Взяв Кортни за руку, он отвел ее в дальний конец поляны.

— Не расстраивайся понапрасну, леди. Возьми лошадей и медленно двигайся к югу. Я догоню тебя через несколько минут.

Опять он называет ее леди! А эта его жуткая мрачность? Нет, Кортни ему не верила.

— Ты убьешь его, да? — спросила она.

— Нет.

— Значит, ты будешь пытаться его!

— Женщина, — сказал он, — где то спокойствие, с которым ты заговаривала зубы четырем головорезам?

— Ты посылаешь меня одну туда, где индейцы, и еще ждешь от меня спокойствия! Твои выстрелы, возможно, слышали. Вокруг нас сейчас, наверное, дюжины... сотни дикарей.

— Ты что, и впрямь думаешь, что я могу подвергнуть тебя опасности?

Он сказал это с такой нежностью, что Кортни почувствовала угрызения совести.

— Прости, — смутилась она. — Просто я ужасная трусиха.

— Ты храбрее, чем думаешь, леди. А теперь поезжай! Я скоро догоню тебя. Мне нужно кое-что сказать Траску. Но ты этого не должна слышать.

Глава 20

Каштановые волосы и карие глаза могли быть у кого угодно, но отсутствие двух пальцев на руке неопровержимо свидетельствовало о том, что это именно Дэйр Траск. Чандос стоял перед своим врагом, стараясь отогнать воспоминания, пробуждавшие в нем ярость. Дэйр Траск изнасиловал его мать. Он не убил, но осквернил ее. Он один из двух оставшихся в живых участвовавших в этом.

Дэйр Траск был также одним из троих, насилующих жену Прыгающего Волка. И это его нож погрузился в живот молодой женщины после содеянного — не с целью убить одним ударом, а чтобы заставить ее страдать.

За одно только это Траск заслуживал смерти, а за все остальное он заслуживал медленной смерти. И он умрет — сегодня, завтра или даже послезавтра. Но Чандоса здесь не будет, и он этого не увидит. За четыре года жажда мщения заметно поутихла в нем. Теперь лишь Уэйд Смит возбуждал в нем прежнюю неукротимую ярость. Вот кто умрет от руки Чандоса. Но с Траском все иначе. Тут Чандос только хотел завершить то, что поклялся сделать. А остальное его не волновало.

Траск так и не узнает, за что обречен на смерть, если ему не втолковать этого. Нет, он должен узнать, за какие зверства его покарали.

Вытащив кляп изо рта Траска, Чандос отступил на несколько шагов и посмотрел на своего врага. В глазах Траска не было страха. Он даже плюнул, выразив этим свое презрение.

— Краснокожий, — проскрипел Дэйр, — я знаю, ты не убьешь меня. Я слышал, как ты сказал это своей женщине.

— Ты уверен, что не ослышался? Воинственный запал Траска несколько поубавился.

— Чего, черт возьми, тебе надо? Я не трогал эту чертову женщину! У тебя нет причин...

— Женщина здесь ни при чем, Траск.

— Значит, Ромиро был прав? Зачем же ты прикрывался ею?

— Твоим дружкам ни к чему знать о наших с тобой делах. Пусть думают, что я ревнивец, и только. Они удивятся, когда больше не увидят тебя в живых, но им никогда не узнать того, что здесь произошло.

— Черта с два! Они вернутся, и скоро! Они не оставят меня здесь!

Чандос медленно покачал головой.

— Хочешь, поспорим? Это будет последний спор в твоей жизни, Траск. Так вот, я утверждаю, что они уже поняли, что индейцы неподалеку, и в этот самый момент мчатся к границе во весь опор.

— Врешь! — взревел Траск. — Мы не видели никаких признаков индейцев. Может быть, ты их видел?

— Мне их не нужно видеть, я и так знаю, что они здесь. Мы обычно путешествуем вместе. Но на этот раз они держатся на расстоянии от меня — из-за женщины, ибо она боится их.

— И все-таки она едет с тобой, — заметил Траск.

Чандос кивнул.

— Я знаю, чего ты добиваешься, краснокожий! Но Дэйра Траска не так просто запугать. Отсюда до границы рукой подать, никаких индейцев здесь и в помине нет!

Чандос пожал плечами:

— Я не собираюсь тебя убеждать, Траск. Когда они найдут тебя, тогда и узнаешь. Я оставляю тебя им в подарок.

— В подарок? — в ужасе заорал Траск. — Если хочешь убить меня — убей! Или ты не мужчина?

Но Чандос не принял вызов. Разговор с подонком надоел ему.

— Не то чтобы я не хотел убивать тебя, Траск, — сказал Чандос, подходя ближе. — Посмотри на меня! Взгляни мне в глаза! Ты видел их раньше, Траск, хотя это были не мои глаза. Может, ты изнасиловал за свою жизнь столько женщин, что и не вспомнишь, о какой из них я говорю? — Траск тяжело задышал, а Чандос добавил:

— Вижу, ты вспомнил.

— Это было четыре года назад, черт возьми!

— И ты думал, что время уберезет тебя от мести команчей? Знаешь ли ты, что стало с теми, кто был с тобой в тот день?

Траск знал. Лицо его стало блее полотна. Значит, он ошибся, думая, что все кончено и дикари сполна выместили гнев на других.

Он рванулся изо всех сил, но веревки крепко держали его. Теперь Чандос видел его страх: глаза, смотревшие на него с безумной мольбой, выражали ужас перед близкой смертью.

Чандос отвернулся и неторопливо пошел к своему мерину. Вскочив на него, он ухватил за поводья чалую лошадь Траска и сказал:

— Теперь ты знаешь, почему я хочу твоей смерти, Траск. Но вспомни еще молодую женщину-команчи, которую ты сначала изнасиловал, а потом заставил умереть жестокой медленной смертью.

— Это была всего лишь чертова индианка! Вот теперь Чандос уже не испытывал ни малейших угрызений совести.

— Это была красивая, нежная женщина. Ее ребенок умер в тот же день, а муж до сих пор оплакивает ее. Она не причинила зла ни одной живой душе. Она была воплощением доброты. А ты убил ее. Поэтому я передаю тебя в руки ее мужа. Ему ты нужен, а мне нет.

С этими словами Чандос ускакал прочь. Траск отчаянно вопил, умоляя Чандоса вернуться и убить его. Но Чандос был глух к его крикам. Другие крики стояли у него в ушах. То кричали женщины и дети, которых насиловали, мучили, резали. Они были рядом, как и его друзья-воины. Чандос не видел их, но чувствовал, что они смотрят на него и все понимают.

Вскоре Чандос различил вдали силуэт Кортни, и призраки прошлого оставили его. Эта невинная девушка, одинокая в этом жестоком мире, была бальзамом для его израненной души.

Она остановилась в центре плоской равнины. Лунный свет окутывал серебряной дымкой Кортни и ее лошадь. Чандос поскакал быстрее.

Когда он подъехал, Кортни разрыдалась. Чандос улыбнулся. Сдерживать эмоции было не в ее характере, но сегодня вечером она превосходно справилась с этим. Когда того требовали обстоятельства, она была спокойна и смела, а теперь, почувствовав полную безопасность, дала волю слезам.

Он снял ее с седла и пересадил на свою лошадь, крепко ухватив сзади. Она прильнула к его груди, не переставая плакать. Чандос обнимал ее, радуясь этим слезам, — с ними проходил страх. Когда рыдания прекратились, он нежно повернул ее к себе и поцеловал.

Сейчас его поцелуй был совершенно другим, и Кортни сразу поняла это. Ее охватил такой неистовый жар, что Кортни испугалась и вырвалась из его объятий.

Чуть дыша, она взглянула на Чандоса. Его спокойствие разозлило ее.

— Не говори, что и на этот раз ты хотел закрыть мне рот.

— Тебе интересно, почему я тебя поцеловал? — со вздохом спросил он.

— Я...

— Не надо, котенок. Если я скажу тебе, то мы с тобой очень скоро окажемся на земле, а утром ты уже не будешь так невинна, как сейчас.

У Кортни перехватило дыхание.

— Я... я не думала, что ты находишь меня... привлекательной.

Он промолчал. Ни слов разуверения, ни объяснения в любви — одно молчание. Что, черт возьми, это значит?

— Лучше пересади меня на мою лошадь, Чандос, — неуверенно сказала она.

— По-твоему, так «приличнее»? Она всей душой желала остаться рядом с Чандосом, но его насмешка задела ее.

— Да, — холодно обронила она, — так будет приличнее.

В следующее мгновение Кортни уже сидела в своем седле, и едва она успела подхватить поводья, как ее кобылка поскакала следом за мерином Чандоса.

Всю дорогу Кортни была охвачена радостным возбуждением: Чандос хочет ее!

Глава 21

Чандос хочет ее! Об этом Кортни подумала, проснувшись на следующее утро, и ее снова охватило радостное возбуждение. Но очень скоро ее пыл охладила ужасная догадка. Она поняла, все поняла, и — ох, это было так очевидно! Господи, а она-то размечталась как дурочка! Конечно, он хотел ее. Она здесь единственная женщина, а ведь он мужчина. А как она знала, мужчины привыкли брать то, что под рукой. Да, он хотел ее, но его желание было примитивным. С самого начала он выказывал к ней полнейшее равнодушие, а сейчас его одолевала обыкновенная похоть, и ему все равно, с кем удовлетворить ее.

— Ты что, хочешь сжечь это одеяло? Кортни быстро обернулась:

— Что?

— Ты смотришь на него таким испепеляющим взглядом.

— Я... мне приснился плохой сон.

— После вчерашнего это неудивительно.

Чандос сидел на корточках у костра, держа в руке оловянную кружку с кофе. Он уже побрился и оделся, нацепил даже свою широкополую шляпу для верховой езды. Он приготовился к отъезду, но, очевидно, решил дать ей выспаться. Сон и в самом деле был необходим Кортни.

— Если ты не слишком торопишься, может, нальешь мне кофе? — спросила Кортни, поднимаясь и складывая постель. Тут только она поняла, что легла вчера спать не раздевшись. — Господи, я, наверное, рехнулась, — пробормотала она, ощупывая все еще непросохшую одежду.

— Возможно, это была запоздалая реакция, — предположил Чандос.

— Реакция? — Кортни стрельнула в него глазами. — Но ты-то знал! Почему же не напомнил мне?

— Я напомнил. Ты сказала мне «большое спасибо», легла и заснула.

Кортни отвернулась, представив, какой дурой она ему показалась, когда улеглась спать в мокрой одежде. А все из-за того, что Чандос вдруг захотел ее! Конечно, дура.

— Мне... надо переодеться, — сказала она и поспешно ушла.

Но на этом ее неприятности не закончились. Вчера вечером она так быстро собиралась, что, не подумав, сунула мокрую одежду в саквояж, и теперь все вещи отсырели.

Кортни глянула через плечо на Чандоса, потом опять в саквояж.

— Чандос, я... я...

— Что там еще стряслось. Кошачьи Глазки? Она опять посмотрела на него и выпалила:

— Мне нечего надеть.

— Нечего?

— Нечего. Я... положила в саквояж мокрые вещи и... забыла их оттуда вытащить и просушить.

— С просушкой придется подождать до вечера. А твои брюки тоже мокрые?

Он подошел к ней и заглянул в саквояж.

— Нет, сухие. Я убрала их в седельную сумку.

— Ну что ж, тогда надевай их.

— Но я думала...

— Ничего не поделаешь. погоди, я дам тебе одну из своих рубашек.

Удивительно, но Чандос, казалось, совсем не рассердился. Через секунду он бросил ей кремовую рубашку из мягчайшей оленьей кожи. Вся беда заключалась в том, что рубашка была не на пуговицах, а на шнуровке, а у Кортни не было сухой сорочки, чтобы надеть под нее.

— Не хмурься, Кошачьи Глазки, все равно ничего другого нет: все остальные мои вещи надо стирать.

— Да нет, ничего... Я с удовольствием постираю тебе.

— Нет, — резко бросил Чандос. — Это делаю я сам.

Вот теперь он рассердился. О Боже! Вытащив из сумки брюки, Кортни пошла в кусты. Что за ужасный человек! Она только хотела помочь, а он так вскинулся, словно она в жены ему набивалась.

Через пять минут Кортни вышла на поляну. Лицо ее пылало от злости на Чандоса и от

смущения за свой костюм. Рубашка Чандоса оказалась ей слишком длинна — намного ниже бедер, и она не могла заправить ее в брюки. А треугольный вырез на шнуровке, который ему доходил только до середины груди, у нее достигал пупка. Но хуже всего были шнурки из грубой сыромятной кожи. Она никак не могла затянуть их туго. Кортни старалась изо всех сил, но так и не справилась с этим.

Кортни поворачивалась спиной к Чандосу, а подойдя к костру за кофе, прикрыла грудь шляпой. Только раз она взглянула на него, и этот взгляд предупреждал: «Только посмей что-нибудь сказать!» Но Чандос не только молчал, но и вообще не смотрел на нее.

Чтобы справиться со смущением, Кортни начала подыскивать безопасную тему для разговора, и тут взгляд ее упал на чужую кобылу, которая паслась вместе с их тремя лошадьми.

— Не слишком ли ты сурово обошелся с этим Траском, заставив его возвращаться в Канзас пешком?

Эти слова вызвали непредвиденную реакцию. Чандос уставился на нее голубыми, холодными как лед глазами, и Кортни сочувствовала, что он на грани бешенства.

— Ты не знаешь, в чем он виноват, леди. Как же ты можешь судить о том, чего он заслуживает?

— А ты точно знаешь, что он виноват?

— Да.

— В чем?

— В изнасилованиях и в зверских убийствах мужчин, женщин и детей.

— Боже мой! — Кортни побледнела. — Если ты знал все это, почему же сразу не убил его?

Ничего не ответив, Чандос встал и пошел к лошадям.

— Прости, — бросила Кортни ему вдогонку. Услышал ли он?

"Господи, вечно мне приходится за что-то перед ним извиняться! Не лучше ли сразу попридержать язык?" — подумала она.

Зачем думать об этом Дэйре Траске? Его надо вздернуть на виселицу и четвертовать, как поступают в цивилизованных странах с теми, кто совершил тяжкие преступления. Ладно, хватит об этом!

Кортни выплеснула остатки кофе в огонь и пошла к своей лошади, которую Чандос оседлал для нее. Достав из сумки расческу, она быстро прошла по волосам — спутанным, но чистым.

Когда она раздирала особенно трудный узел, Чандос подошел к ней сзади.

— Я мог бы отрезать тебе этот клочок, раз уж ты признаешь мой талант к этому делу, — насмешливо сказал он. — Так сколько же скальпов я снял, а? Что-то память меня подводит.

Кортни быстро обернулась. Он весело смотрел на нее. Быстро же он избавился от плохого настроения!

Она вспомнила все, что говорила о нем вчера вечером, и краска залила ее щеки.

— И долго ты слушал?

— Достаточно долго.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я говорила это всерьез? — поспешно спросила Кортни. — Просто они интересовались, есть ли в тебе индейская кровь, и я решила, что лучше сказать да. Я хотела немного попугать их. Они утверждали, что никогда не видели тебя, так откуда им было знать, что ты совсем не похож на индейца?

— Не похож? — лукаво спросил Чандос, удивив ее этим вопросом. — Разве ты повидала на своем веку столько индейцев, что сразу узнаешь их?

Кортни побледнела. Он, конечно, просто дразнил ее, но она не находила в этом ничего забавного.

Постепенно до нее дошло, что он говорил вполне серьезно.

— Но в тебе же нет индейской крови, правда? — прошептала она и тут же пожалела о своем вопросе.

Зачем спрашивать о том, что и так очевидно? Но Чандос промолчал, глядя на нее в упор. От этого взгляда ей стало не по себе.

Кортни опустила глаза:

— Забудь о моем вопросе. Если ты готов ехать... Взяв ее руку, он вложил в нее кусок мяса, оставшийся после вчерашнего ужина:

— Это поможет тебе продержаться до обеда.

— Спасибо. Чандос, ты не знаешь, что значит «bella»?

Он очень внимательно посмотрел на нее:

— Это мексиканец тебя так называл?

— Да.

— Это значит «красивая».

— А-а. — протянула Кортни и снова вспыхнула от смущения.

Глава 22

— Если у тебя есть что постирать, лучше сделай это сейчас, — сказал Чандос, когда они остановились вечером на ночлег. — Завтра мы отъедем от Арканзаса, и по крайней мере три дня на нашем пути не будет воды.

Стирки у Кортни осталось не слишком много, но следовало проветрить и просушить всю одежду. Чандос быстро управился с двумя лошадьми — своей и Траска — и пошел к реке стирать свои вещи. С этим он тоже вскоре покончил, хотя Кортни только собиралась приняться за стирку. Когда она тоже все сделала, их привал напоминал задний двор гостиницы. На всех кустах, ветках деревьев и камнях висела и лежала одежда.

Кортни показалось забавным, что их дикий привал в самом сердце Индейской Территории выглядит так по-домашнему. Но здесь, на полянке, и в самом деле стало уютно, и она удивилась тому теплому чувству спокойной гармонии, которое охватило ее душу. Отчасти это объяснялось присутствием Чандоса. Рядом с ним ей всегда было спокойно и надежно. Сегодня вечером он не ушел на охоту. Кортни не сомневалась, что он остался из-за нее. Чандос понимал, что она боится остаться одна, и Кортни была благодарна ему за чуткость.

Чтобы выразить ему благодарность, Кортни с усердием взялась за стряпню. Она решила приготовить что-нибудь вкусное из вяленого мяса и сухих овощей, приправила рагу специями, которые взяла в дорогу, и слепила жирные клецки. В этом блюде не было ни одного боба!

Пока Кортни готовила, Чандос полулежал на земле с закрытыми глазами, привалившись к седлу.

Когда она начала что-то тихонько мурлыкать себе под нос, по телу его пробежали теплые волны, и он, пытаясь перебороть себя, плотнее закрыл глаза. Она все напевала, невольно разжигая его чувства в тот момент, когда он меньше всего ожидал этого. Когда дело касалось Кортни Хортс, он, казалось, напрочь утрачивал способность сопротивляться.

Интересно, сколько еще он выдержит эту пытку желанием? Для Чандоса было вновь бороться со своим естеством, к тому же он никогда еще не желал женщину столь неистово. Чандос почти не мог думать ни о чем другом. Кортни безумно возбуждала его, и некуда было деваться от нее и от этого наваждения!

Но он не тронет ее. Даже если она предложит себя, он не возьмет... Э, минуточку, достанет ли у него благородства отказаться? Нет, требовать от себя такой жертвы он решительно не мог.

К чему лукавить? Она уже предлагала себя, и он страдал от этого. Чандос вбил себе в голову, что должен защищать ее даже от себя самого, и вот теперь страдает. Она зажигала его своими страстными взглядами, мягкими, податливыми губами. Она хотела его, и понимание этого растравляло ему душу.

Но знала ли она сама о том, как искушает его? Нет, откуда ей это знать! Он прилагал все усилия, чтобы она ничего не поняла, — до вчерашней ночи. А если она что-то и подозревала, то, очевидно, не придавала этому никакого значения, поскольку даже не пыталась отвести глаза, взгляд которых опалял его.

— Чандос, как же по этим холмам перегоняют такие большие стада коров? Они ведут их в обход?

— Нет, здесь не перегоняют стада. — Он сам удивился резкости своего тона и поспешил смягчить его:

— Коровья тропа отсюда милях в пятидесяти к западу.

— А я думала, что кратчайший путь до Уэйко — коровья тропа.

— Это так.

— А мы едем другим путем?

— У меня есть дело в Парисе, городке на северо-востоке Техаса. Поэтому мы свернули с прямого пути. Это задержит нас дней на пять, но тут уж ничего не поделаешь. Я сразу

направлялся туда и вовсе не обязан терять неделю на то, чтобы сначала взять тебя в Уэйко, а потом возвращаться, проделав двойной путь. Есть возражения?

Это было сказано так решительно, что Кортни не осмелилась возразить.

— Нет, я не стала бы просить тебя менять из-за меня планы. Еще несколько дней пути ничего не решат. — Она еще раз помешала рагу. — Ужин готов, Чандос.

Они уселись у костра и стали есть. Кортни, радуясь, что проведет с Чандосом больше времени, чем предполагала, злилась на него за то, что он утаил от нее свои планы. Она украдкой посматривала на Чандоса, но он перехватил ее взгляд. Смутившись, она торопливо доела рагу и побежала проверить, высохла ли ее одежда.

Кое-что подсохло, и она уже могла переодеться в свои вещи. Спустившись к реке, она стянула с себя брюки, рубашку и, поддавшись мгновенному порыву, окунулась в воду. Солнце зашло, Чандос еще ужинал. Теперь несколько дней они проведут вдаль от реки, и ей очень хотелось искупаться напоследок.

Вода мерцала лунным светом. Кортни встала на дно в тени нависшего над рекой дерева, и вокруг нее забурила вода. Запретное удовольствие доставляло ей особую радость.

Наконец она неохотно вылезла из воды. Вытереться было нечем — Кортни не взяла с собой полотенца. Пришлось кое-как обтереться руками. О Господи, не так ли она хотела обтереть спину Чандоса? «Не думай об этом, Кортни!» Быстро одевшись, она пошла к привалу.

К ее удивлению. Чандос уже прибрал после ужина, раскатал свою походную постель и уже подбросил хвороста в огонь. Кортни вздохнула. После бодрящего купания ей совсем не хотелось спать, а Чандос уже готовился ко сну.

При ее появлении он встал и быстро окинул взглядом ее зеленое шелковое платье. Кортни вдруг поняла, что шелк местами прилип к ее мокрому телу и волосы тоже намокли, хоть она и собрала их наверх. Он, конечно, понял, что Кортни купалась, и, вспомнив о том, как стояла обнаженная в воде, девушка внезапно смутилась.

— Знай я, что мне не придется мыть посуду, — начала она, — не стала бы так спешить. — О, почему это прозвучало так ужасно? — Я только хотела сказать... а, не важно! Вот, возьми. — Кортни протянула Чандосу его рубашку. — И еще раз спасибо.

Она отвернулась, но Чандос вдруг ухватил ее за запястье.

— В следующий раз предупреждай, куда ты уходишь. Тебя может укусить речная змея, ударить плывущее бревно и унести по течению, тебя могут похитить индейцы, или случится еще что-нибудь похуже.

— А что же хуже индейцев? — беспечно спросила она, поскольку все это просто не приходило ей в голову.

— Бывает и хуже.

— Но ты же недалеко, — возразила она, — ты услышал бы мои крики о помощи.

— Если бы ты успела крикнуть. Не всегда есть такая возможность.

— Если ты предлагаешь мне больше не купаться...

— Нет, я этого не предлагаю.

Она округлила глаза, догадавшись, на что он намекал.

— Если ты хочешь, чтобы... чтобы...

— Черт, нет! — рывкнул он, смущенный догадкой Кортни. — Мне совсем не обязательно на тебя смотреть. Я просто должен быть поблизости, чтобы защитить тебя. — Он понял, что запутался. — Ладно, забудь, — оборвал он.

— Забыть что? Что мне надо предупреждать тебя, куда я...

— Забудь про купание, просто забудь и все!

— Чандос!

— Дамам не обязательно купаться на коровьей тропе.

— Ты прекрасно знаешь, что это не довод! — воскликнула она. — Я же не снимаю с себя всю одежду. Сегодня да, сняла, но я...

Дальше она не могла продолжать. Картина, которая возникла при этих словах в воображении Чандоса, сразила его наповал. Глухо застонав, он схватил Кортни, дав наконец волю своей неистовой страсти.

С первым прикосновением его губ Кортни охватило волнение: оно потрясло ее до самых глубин и отняло силы. Почувствовав, что ноги не держат ее, она крепко вцепилась в Чандоса, обвив его шею руками.

Одной рукой он сильно прижимал Кортни к себе, так что ее груди расплющивались о его торс, а второй поддерживал затылок девушки, и она никак не могла увернуться от его настойчивых губ. Было что-то очень дикое в этом поцелуе. Он по-звериному яростно мял ее губы, заставляя их раскрыться, и, как только добился своего, тут же проник в ее рот своим горячим языком.

Неверно истолковав это, Кортни решила, что он опять хочет причинить ей боль, и испугалась. Она попыталась вырваться, но он не выпустил ее. Кортни оттолкнула его, но он лишь сильнее прижал, ее к себе. Она выворачивалась и извивалась — все бесполезно.

Чандос смутно сознавал, что Кортни борется с ним. Он знал, что битву с собой уже проиграл, но еще не понял, что сила его желания может напугать ее. Между тем Кортни продолжала вырываться, и вскоре это отрезвило его.

Он оторвался от ее губ, и она наконец глотнула воздуха. Когда он ослабил объятия, Кортни слегка отстранилась от него.

— Это что, очередной урок? — спросила она, тяжело дыша.

— Нет.

— Но ты опять сделал мне больно! Чандос похлопал ее по щеке:

— Вот этого я совсем не хотел, котенок. Теперь он был очень нежен — совсем другой голос,

взгляд, и эта его рука у нее на лице... Но Кортни не позволила себе расслабиться, все еще боясь его.

— Почему ты напал на меня, Чандос? Эти слова задели его.

— Напал?

— А как бы ты это назвал?

— Штурмовал баррикады? — криво усмехнулся он.

— Как ты смеешь смеяться! — вскричала она. — Ты гадкий, отвратительный и... и...

— Ш-ш-ш, Кошачьи Глазки. Слушай меня внимательно. Прости, если я напугал тебя. Но когда мужчина хочет женщину так сильно, как я, не так просто сдержаться, понимаешь?

Придя в себя после первого замешательства, Кортни удивленно спросила:

— Ты... ты хочешь меня?

— А ты еще сомневаешься? — ласково спросил он.

Кортни опустила глаза, чтобы он не заметил ее радости и смущения.

— Но раньше ты не хотел меня, — тихо проговорила она. — Не играй со мной, Чандос. Думаешь, я не понимаю? Тебе просто... нужна женщина, а я здесь — единственная женщина.

Чандос приподнял ее подбородок, заставив посмотреть себе в глаза.

— Вот, значит, к чему привели мои глупые героические усилия противостоять тебе? — Он с досадой вздохнул. — Пойми: я хочу тебя с того самого момента, как ты вошла в тот магазин в Рокли. Неужели ты думаешь, что я стал бы терять время на этого идиота Джима Уорда, если бы не ты?

— Нет... не говори так.

— Знаешь, а ведь я чуть не убил твоего дружка Рида за то, что ты позволила ему поцеловать себя.

— Чандос, пожалуйста...

Он притянул ее ближе, на этот раз очень нежно. Кортни сопротивлялась, но уже не так орошно, и Чандос не обращал на это внимания.

— Я не могу справиться со своими чувствами, как, впрочем, и ты, Кошачьи Глазки. Я старался отделаться от тебя, забыть, но не смог. Я делал все, чтобы не прикасаться к тебе. Но у меня больше нет сил бороться с этим, особенно сейчас, когда я знаю, что ты тоже хочешь меня.

— Нет, я...

Он не позволил ей возразить, опровергнув все доводы Кортни еще одним поцелуем. Но никакие поцелуи не окрыляли ее так, как его признание. Значит, он хотел ее — всегда хотел! О Боже, это так волновало ее!

Кортни растаяла в объятиях Чандоса, самозабвенно отвечая на его поцелуи. Наконец-то сбывались ее самые заветные мечты, и ей хотелось, чтобы упоению счастьем не было конца. Чандос, казалось, понял это и осыпал ее градом поцелуев.

Она не думала о том, что последует за этим, даже тогда, когда Чандос понес ее к своей постели и осторожно уложил на нее.

Поцелуи его становились все более страстными, он начал раздевать ее. Кортни попыталась остановить его, но он отвел ее руки и провел губами вдоль ее шеи. Господи, это было так восхитительно!

Надо на что-то решиться, сказала она себе. Он, наверное, рассердится, если она позволит ему зайти далеко, а потом остановит. И сможет ли она остановить его?

Страх зашевелился где-то внутри, и Кортни пробормотала:

— Чандос, я... я не...

— Молчи, котенок, — глухо прошептал он. — Теперь это выше моей воли — я должен прикасаться к тебе. Вот так... и так.

Его рука стянула с нее платье, нашла сначала одну грудь, потом другую. Сквозь тонкую сорочку она ощущала жар его ладоней. А когда наслаждение стало нестерпимым, он принялся покусывать ей ухо.

Этот яростный напор страсти мешал ей думать, отнимал волю. Стянув с нее сорочку, Чандос придавил ее, раздетую до пояса, своим телом.

Он поймал губами ее грудь, и Кортни, объятая огнем, ухватила его голову, запустив пальцы в его волосы. Она застонала, когда его язык принялся играть с ее соском, то слегка задевая его, то обходя по кругу. Она услышала, как застонал и Чандос.

Кортни никогда и не подозревала о таких волшебных ощущениях, но Чандосу не терпелось подарить ей целый мир наслаждений.

Как он развязал ее нижнюю юбку, Кортни даже не почувствовала, но когда рука его скользнула ниже, мышцы ее живота напряглись. Эти ласкающие пальцы спускались все ниже и ниже, и тут она поняла, как далеко они зашли. Удастся ли ей остановить его? Кортни вцепилась в его руку, но это не было настоящим сопротивлением.

Его палец погрузился в нее, и она закричала:

— Нет!

Его губы проворно закрыли ей рот, но пальца он не убрал. Она крикнула только из-за того, что этот палец проник в нее, а вовсе не от того чувства, которое это в ней вызвало, конечно же, не от этого. Бурный взрыв страсти потряс до основания все ее существо, она извивалась и содрогалась, не в силах сопротивляться этому наваждению.

Когда она наконец успокоилась, а ее пальцы уже не цеплялись за его руку, а медленно двигались вверх, чтобы обнять его за шею, Чандос посмотрел на Кортни. Огонь его глаз завораживал ее, и Кортни поняла, чего ему стоило так долго обуздывать страсть. Это открытие потрясло ее.

Он не отрываясь смотрел на нее, тогда как рука его ласкала твердую шишечку на вершине ее лона.

Кортни, задохнувшись, вспыхнула от смущения: он смотрел на нее!

— Не надо...

— Ш-ш-ш, котенок, — шепнул он. — Представь, что я внутри тебя. Ты увлажнилась, чтобы принять меня. Понимаешь ли ты, что это значит для меня?

Он целовал и целовал ее, а потом взглянул на Кортни помутневшими глазами.

— Позволь мне любить тебя, котенок. Дай мне услышать, как ты застонешь, когда я буду в тебе — глубоко.

Он не дал ей ответить, опять закрыв ей рот поцелуем, а потом приподнялся, и в ту же секунду оставшаяся на ней одежда полетела в сторону.

— Не закрывайся, — сказал он, когда она попыталась прикрыть наготу, и нежно добавил:

— Ты красивее всех женщин, которых я видел. Не прячь от меня свою красоту.

Кортни, преодолевая смущение, послушалась — он так просил! Встав рядом с ней на колени, он стянул рубашку, и, увидев его обнаженное тело, она забыла про свой стыд.

И тут он опять поразил ее:

— Потрогай меня, котенок. Твои глаза много раз говорили мне, что ты хочешь это сделать.

— Не правда! — выдохнула она.

— Врунишка, — ласково проговорил он. Сейчас было не самое подходящее время для споров, и Кортни молча смотрела, как он расстегивал брюки. Увидев его нагим, она онемела: о нет, она не сможет принять его в себя!

Страх вернулся, но то был сладостный страх восторженного возбуждения.

Чандос знал, что она боится. Сбросив с себя одежду, он раздвинул ей ноги и накрыл ее мощным телом, дав ей почувствовать свое мужское естество. Со стоном он припал к ее губам и погрузился в нее, вобрав крик ее боли своим ртом, а содрогания ее тела — своим телом.

Он проник в нее глубоко, полностью, но боли больше не было. Кортни забылась от его волнующих поцелуев, отвечая на дразнящие ласки его языка, трепеща от той нежности, с которой он обхватил ладонями ее лицо и едва касался грудью ее груди.

Долгое время двигались лишь губы и руки Чандоса, а когда наконец задвигались его бедра, Кортни не сдержала стопа разочарования: ей безумно нравилось ощущать его внутри себя, и, почувствовав движение, она решила, что все закончилось. Не вскоре она поняла, что ошиблась и все, напротив, только начинается. Он осторожно двигался вверх и вниз, и она застонала от мучительного наслаждения.

— О да, котенок, громче! — воскликнул он.

Кортни застонала громче, не в силах сдержать себя, крепко обхватив его руками и

приподнимая бедра навстречу ему. Она поднимала их выше и выше, пока не взорвалась от экстаза, и имя его сорвалось с ее уст.

Она не ведала, что в этот момент он смотрел на нее, упиваясь ее страстью, ибо только сейчас обрел власть над своим желанием, которое так долго терзало его.

Глава 23

Весь следующий день Кортни летала на крыльях любви, не замечая ни страшной жары, ни докучливых насекомых, ни монотонности езды.

Однако прошло два дня, и она уже усомнилась в своих чувствах. А через три дня она поняла, что ошиблась. Разве можно полюбить такого несносного человека, как Чандос? Она хотела его и презирала себя за это, но любить? Нет!

Кортни выводило из себя, что к нему вернулась обычная загадочная бесстрастность. Он овладел ею, показал ей вершины блаженства, а теперь обращается с ней все с тем же холодным равнодушием! Это сразило ее.

Значит, он просто использовал ее. Все, что он говорил ей в ту ночь, было ложью. Он удовлетворил свою похоть и теперь больше не нуждался в ней.

Вечером на седьмой день пути они, как и говорил Чандос, перешли вброд еще одну реку. Кортни решила тайком от него искупаться после ужина. Плескаясь в реке, она испытывала особое удовольствие, поскольку нарушила его запрет.

Но, уже вылезая из воды в прилипшем к телу белье и с мокрыми волосами, Кортни почувствовала, что она не одна. Сердце ее вдруг упало, но она увидела его: это был Чандос. Однако тревога не проходила. Он сидел на корточках в тени дерева и наблюдал за ней — давно ли, она не знала.

Поднявшись, он направился к ней.

— Иди ко мне. Кошачьи Глазки!

Вот уже три дня он не называл ее так и не говорил с Кортни таким глухим голосом. Он по-прежнему называл ее «леди», когда разговаривал с ней.

Ноздри Кортни затрепетали, а в глазах вспыхнули сердитые огоньки.

— Иди к черту! — крикнула она. — Я не позволю тебе опять попользоваться мной!

Он шагнул к ней, и Кортни отступила в воду. Она пошла бы и дальше, но он остановился. Кортни с вызовом смотрела на него, всем своим видом выражая негодование. Чандос, выругавшись на непонятном ей языке, отвернулся и пошел к привалу.

Кортни торжествовала. У нее хватило мужества устоять, и она гордилась собой.

Она решила пока не выходить из воды, хотя уже начинала дрожать от холода. Нет, она не боялась встретиться с Чандосом, но ей хотелось подождать, пока он остынет. Поэтому, услышав выстрел со стороны привала, она не двинулась с места. Ну да, так она и побежала! Пусть не считает ее дурой! Она отлично понимает, что если уж он прибег к такой уловке, значит, еще не остыл.

Минут через десять Кортни забеспокоилась. А вдруг она ошиблась и это вовсе не уловка? Может, он стрелял в какого-то дикого зверя? А что, если кто-то стрелял в него и... Чандос мертв!

Кортни выскочила из воды, быстро переоделась в сухое белье, нацепила полосатую юбку и белую шелковую блузку. Остальные вещи она понесла в руках, как и сапоги, еще мокрые после переправы. Моля Бога, чтобы не наступить на что-нибудь пресмыкающееся или ядовитое, она побежала к привалу.

Увидев свет от костра, Кортни сбавила темп и все-таки чуть не наступила на змею, лежавшую на дороге. Это была длинная желтовато-красная змея, смертельно ядовитая. Она оказалась мертвой, но Кортни закричала.

— Что? — резко отозвался Чандос, и она почувствовала невероятное облегчение.

Подбежав к костру, она увидела его. Слава Богу, он жив и один! Он сидел у огня и... Тут Кортни остановилась и смертельно побледнела. Сапог был снят с одной его ноги, штанина распорота до колена, по тыльной стороне голени текла кровь, которую он выдавливал пальцами из разреза. Его укусила змея!

— Почему ты не позвал меня? — воскликнула она, задохнувшись от ужаса: он сам пытался помочь себе!

— Ты слишком долго шла сюда после выстрела. Побежала бы ты, если бы я позвал?

— Если бы ты сказал, что случилось, конечно!

— И ты мне поверила бы?

Он знал, знал, о чем она думала! Как же он мог так спокойно сидеть? Но нет — он не должен двигаться, иначе яд сразу распространится по всему телу.

Бросив вещи, Кортни метнулась вперед, схватила походную постель Чандоса и раскатала ее рядом с ним. Сердце ее бешено колотилось.

— Ложись на живот!

— Не учи меня, что делать, женщина! Его тон неприятно поразил Кортни, но, поняв, что ему, наверное, очень больно, она не обиделась. Большая часть его икры стала багрово-фиолетовой. Он туго перетянул ремнем ногу на несколько дюймов выше места укуса в середине икры. Всего на дюйм-другой ниже — и змея укусила бы его в сапог. Какое чудовищное невезение!

— Ты отсосал яд?

Чандос метнул на нее быстрый взгляд. Его глаза сейчас блестели больше обычного.

— Посмотри получше, женщина! Неужели ты думаешь, что я могу дотянуться туда ртом? Кортни растерялась:

— Значит, ты даже не... Ты должен был позвать меня! То, что ты делаешь сейчас, — самое последнее средство!

— А ты об этом все знаешь, да? — огрызнулся Чандос.

— Да! — вскричала Кортни. — Я видела, как отец лечил укушенных змеями. Он врач и... Ты еще не ослаблял ремень? Это надо делать примерно каждые десять минут. О Чандос, ради Бога, ложись! Ну пожалуйста! Дай я отсосу яд, пока еще не поздно!

Чандос уставился на нее долгим взглядом. Она почти не сомневалась, что он откажется. Но нет, пожав плечами, он лег на постель.

— Я сделал хороший разрез, — сказал он слабеющим голосом. — Я видел, что делаю. Вот только ртом мне туда было никак не дотянуться.

— Ты чувствуешь что-нибудь, кроме боли? Слабость? Тошноту? Со зрением все в порядке?

— Ты, кажется, говорила, что врачом был твой отец?

У Кортни немного отлегло от сердца: если он подшучивает над ней, значит, все не так уж плохо!

— Я не просто так спрашиваю тебя, Чандос. Мне надо знать, попал ли яд в кровь.

— Кроме укуса, меня ничего не беспокоит, леди, — со вздохом сказал он.

— Ну ладно, это уже кое-что. Ведь прошло много времени.

Однако Кортни сомневалась в его правдивости. Разве такой человек, как он, признается в том, что чувствует слабость?

Устроившись рядом с его ногой, она взялась за дело. Кортни не испытывала никакого отвращения, но остро сознавала необходимость помочь ему. Ее пугало, что упущено время.

Чандос лежал тихо, только один раз сказал, чтобы она убрала руку с его «чертовой ноги». Кортни продолжала свое дело: отсасывала и сплевывала, отсасывала и сплевывала, но, услышав его просьбу, густо покраснела и старалась больше не касаться его ноги так высоко. Она решила повременить с негодованием. Подумать только, он не может обуздать свою похоть даже сейчас, когда ему больно!

Целый час она трудилась над ним, пока наконец не почувствовала, что больше не может. Губы ее онемели, щеки ныли от напряжения. Место укуса уже не кровоточило, но сильно распухло и покраснело. Хорошо бы наложить на ранку какое-нибудь вытягивающее средство, подумала Кортни. Знай она лекарственные растения, наверняка нашла бы на берегу реки или в лесу что-нибудь для снятия опухоли и вытягивания яда. Но Кортни этого не знала.

Она смочила тряпку холодной речной водой и приложила ее к ранке. Каждые десять минут она ослабляла ремень, а через минуту опять затягивала его.

Она работала не покладая рук, а когда наконец спросила Чандоса, как он себя чувствует, было уже поздно — он потерял сознание, и ее охватил панический страх.

Глава 24

— Если ты отрежешь мне волосы, старик, я убью тебя! — Кортни уже слышала от него эти слова, так же, как и многое другое. У нее сложилось невеселое впечатление о жизни Чандоса.

Всю ночь он бредил и метался в лихорадке. Один раз Кортни задремала, положив голову ему

на ноги, но вскоре она проснулась от его крика. Он кричал, что не может умереть, пока они еще не все мертвы. Она попыталась разбудить его, но Чандос оттолкнул ее.

— Черт возьми, Калида, оставь меня в покое, — рявкнул он, — иди в постель к Марио. Я устал.

После этого Кортни уже не трогала его. В очередной раз поменяв ему компресс, она слушала его горячечный бред. Кажется, он заново переживал все перестрелки, драки и спорил с каким-то «стариком». Он разговаривал и с женщинами: с Миарой — почтительно, а с Белым Крылом — ласково-наставительно. Тон его заметно менялся, когда он обращался к ним, и Кортни поняла, что эти женщины очень дороги ему.

Кроме Белого Крыла, он называл еще несколько индейских имен. Был один команчи, видимо, его друг, и он защищал его перед «стариком» так пылко, что Кортни вдруг вспомнила:

Чандос ведь так и не сказал ей, есть ли в нем индейская кровь.

Раньше она никогда серьезно не задумывалась над этим, но это было возможно! А тот странный язык, на котором он иногда разговаривал, вполне мог быть индейским диалектом.

Удивительно, но это совсем не встревожило ее. Индеец или нет — какая разница? Он просто Чандос.

Когда начало рассветать, Кортни уже сомневалась в том, что Чандос поправится. Она так вымоталась за ночь, что просто не знала, чем еще ему помочь. Его рана выглядела так же ужасно, как и вечером, опухоль почти не уменьшилась. Горячка продолжалась, а боль, казалось, усилилась. Однако метания и стоны становились все слабее, словно он терял последние силы.

— О Боже, он сломал ей руки, чтобы она не могла сопротивляться... Проклятый ублюдок... только ребенок. Господи, они все мертвы. — Он перешел на шепот:

— Порви связь... Кошачьи Глазки.

Кортни села, уставившись на него. Он в первый раз назвал ее имя.

— Чандос?

— Не могу забыть... не моя женщина. Его затрудненное дыхание больше всего напугало Кортни. Она встряхнула его, но он не пришел в себя, и Кортни разрыдалась:

— Чандос, пожалуйста...

— Чертова девственница... плохо. Кортни не желала слушать, что он о ней говорит, но то, что он уже сказал, было очень обидно, и она излила свою обиду в гнев:

— Очнись, черт возьми! Тогда ты услышишь, что я тебе скажу! Я тебя ненавижу и скажу тебе об этом, как только ты очнешься! Ты злой, бессердечный, и я вообще не понимаю, зачем потратила всю ночь, пытаясь спасти тебя! Очнись же!

Кортни заколотила его по спине, затем, потрясенная, отпрянула. Она была беспомощного человека, человека без сознания!

— О Господи, Чандос, прости! — Она заплакала, глядя ему спину в тех местах, по которым только что молотила кулаками. — Пожалуйста, не умирай! Я больше не буду на тебя злиться,

как бы ты ни заслуживал этого. И... и если ты поправишься, обещаю, что больше никогда не захочу тебя.

— Врешь!

Кортни вздрогнула от неожиданности. Глаза его по-прежнему были закрыты.

— Ты отвратителен! — бросила она, вставая. Чандос медленно повернулся на бок и поднял на нее глаза.

— Почему? — тихо спросил он.

— Почему? Ты знаешь почему! — воскликнула Кортни и вдруг невпопад добавила:

— И я вовсе не чертова девственница. Во всяком случае, теперь. Разве нет?

— А разве я так назвал тебя?

— Минут пять назад.

— Ч-черт! Я говорил во сне?

— И очень много, — сказала она с язвительной усмешкой и, отвернувшись, пошла прочь.

— Не надо принимать всерьез то, что говорит мужчина во сне. Кошачьи Глазки, — сказал он ей вслед. — И вот что еще: я уже не считаю тебя чертовой девственницей.

— Иди к черту! — не останавливаясь, крикнула она.

Но Кортни ушла недалеко, застыв как вкопанная перед дохлой змеей. На земле рядом с ней лежал кожаный кисет на шнурке, а она могла поклясться, что вчера вечером его здесь не было.

Холодок пробежал у нее по спине. Она украдкой огляделась, но вокруг было столько деревьев и кустов, что за ними мог прятаться кто угодно.

Кортни уставилась на кисет, боясь притронуться к нему. Это был прекрасно сработанный кисет из оленьей кожи размером в два ее кулака, и, судя по очертаниям, в нем что-то лежало.

Если кто-то подходил ночью к их привалу, пока Кортни ухаживала за больным Чандосом, почему же она никого не видела? Почему не ощутила присутствия постороннего? И почему этот человек не заявил о себе? Мог ли кто-то случайно обронить здесь этот кисет? Даже если и так, незнакомец должен был увидеть костер и показаться... если только хотел, чтобы его заметили.

Страх охватывал Кортни при мысли о том, что кто-то был здесь ночью и, вероятно, видел ее, тогда как она и не подозревала об этом. Но кто это был? И зачем оставил кисет?

Кортни осторожно подняла его, взявшись за шнурок, и, держа на вытянутой руке, понесла к привалу. Чандос по-прежнему лежал на боку, и она подумала, что, хоть он и очнулся, ему, должно быть, все так же плохо. Господи, и как же у нее повернулся язык наговорить кучу обидных вещей слабому и больному! Что за вожжа попала ей под хвост?

— Не похоже, чтобы он кусался.

— Кто? — спросила Кортни, медленно подходя к нему.

— Кисет. Ты так далеко его держишь от себя, — сказал он. — Но мне кажется, это напрасная предосторожность.

— Вот. — Кортни бросила кисет перед ним. — Я решила не открывать сама. Он лежал рядом с убитой змеей.

— Не говори мне про эту чертову гадину! — гневно сказал он. — С каким удовольствием я убил бы ее еще раз!

— Да уж, воображаю, — отозвалась она и потупила глаза. — Прости меня, Чандос, я наговорила вчера лишнего. Даже не знаю, что на меня нашло.

— Забудь, — рассеянно бросил Чандос, открывая кисет. — Благослови его Господь! — воскликнул он, извлекая на свет увядшее растение с корнями.

— Что это?

— Змеиная травка. Если бы она была у меня ночью! Но лучше поздно, чем никогда.

— Змеиная травка? — недоверчиво переспросила Кортни.

— Надо отжать ее, добавить в сок немного соли и приложить к ранке. Это одно из лучших средств при укусе змеи. Приготовишь?

Кортни взяла у него змеиную травку.

— Ты знаешь, кто это оставил, да?

— Да.

— Кто же?

Чандос долго, внимательно смотрел на нее, и Кортни уже думала, что он не ответит. Наконец он сказал:

— Один мой друг. Ее глаза округлились:

— Почему же твой друг не вышел ко мне и не дал это растение? Он мог бы и сам рассказать мне, что с ним делать.

Чандос вздохнул:

— Он не мог рассказать тебе сам. Он не говорит по-английски. И если бы он вышел к тебе, ты, вероятно, убежала бы от него.

— Он индеец? — спросила она, заведомо зная ответ, ибо почему-то не сомневалась, что их таинственный ночной гость был индейцем. — Прыгающий Волк — я угадала?

Чандос нахмурился:

— Я что, и правда много наболтал?

— Ты разговаривал с самыми разными людьми. Ты что, всегда разговариваешь во сне?

— Откуда я знаю, черт возьми?

Кортни, обидевшись на резкость его тона, отвернулась. Приготовив сок из змеиной травки, она подошла к Чандосу:

— Повернись на живот, пожалуйста.

— Нет. Дай сюда!

— Я сама! — Она увернулась от его руки. — Вчера вечером ты уже достаточно напортил, занимаясь самолечением, кстати, совершенно бесполезным.

— Я не просил твоей чертовой помощи!

— Надо думать, ты предпочел бы умереть, чем попросить меня о помощи, да? — набросилась на него Кортни.

Он промолчал.

Кортни была уязвлена. После всего, что она сделала для него, Чандос мог бы хоть поблагодарить ее! Так нет же — он еще заявляет, что не хотел ее помощи.

— Твой друг еще здесь, Чандос?

— Ты хочешь познакомиться с ним?

— Нет.

Чандос устало вздохнул:

— Сейчас его нет поблизости, если это тебя волнует. Но он, вероятно, еще появится, чтобы посмотреть, выздоровел ли я. Но ты не увидишь его. Кошачьи Глазки. Он знает, что тебя легко напугать.

— Вовсе нет, — холодно возразила она. — Откуда он знает про меня?

— Я ему рассказал.

— Когда?

— Какая разница, черт возьми?

— Никакой. — Закончив с ногой Чандоса, она посмотрела на него:

— Просто мне хотелось бы знать, зачем он преследует нас. Это ведь его я тогда видела, да? И сколько же ночей он шпионил... — Глаза Кортни расширились, когда она поняла, что это значит.

— В ту ночь его не было, Кошачьи Глазки, — нежно проговорил Чандос, угадав ее мысли. — И он вовсе не преследует нас. Мы... случайно едем одной дорогой.

— Но ты поехал бы с ним, если бы не я, правда? Ну да, конечно! Неудивительно, что ты не

хотел брать меня с собой.

Он нахмурился:

— Я объяснял тебе, почему не хотел брать тебя с собой.

— Да, объяснял, — холодно отозвалась Кортни. — Но учти: тому, что ты говорил мне другой ночью, я почти не верю!

Кортни надеялась, что Чандос возразит, но он не сказал ни слова. Ей так хотелось накричать на него, на худой конец просто разрыдаться, но она сдержалась и ушла, подняв голову.

— Я иду на речку мыть посуду. Если через десять минут не вернусь, знай, что я наткнулась на твоего друга и упала в обморок.

Глава 25

Чандос смотрел, как Кортни подогривала бульон, которым насильно поила его целый день. Предвечернее солнце играло в ее волосах, высвечивая золотые пряди. Казалось, он никогда не налюбуется ей.

Он намеренно грубо вел себя с Кошачьими Глазками, обижал ее и сам страдал от этого, но иначе не мог. Эта женщина не для него. Если бы она знала о нем все, то сама поняла бы это. Он говорил себе, что тогда она смотрела бы на него с ужасом.

А сейчас он видел в ее взгляде огонь и гнев обиженной женщины. Но, черт возьми, ее гнев лишь подпитывал его мужскую гордость, и никуда от этого не деться — это ему нравилось! Он был бы сильно уязвлен, если бы она спокойно восприняла его притворное равнодушие. Но нет — когда он не обращал на Кортни внимания, она выходила из себя от злости, и это приводило его в восторг.

Он не хотел лишать ее невинности, крепясь изо всех сил, чтобы удержаться от соблазна, но эту битву с самим собой все-таки проиграл. Сделав ее своей в ту незабываемую ночь, Чандос очень надеялся, что навсегда загасил огонь желания. Но не тут-то было! Стоило ему увидеть ее купающейся в реке, как все благие намерения тут же исчезли.

Он был почти благодарен змее, которая положила конец этому безумию. Не случись этого, он прошлой ночью, несомненно, опять дал бы волю своим желаниям, а это не сулило ничего хорошего. Чандос понимал, что расстаться с ней будет нелегко, и старался заранее отдалиться от Кортни, чтобы смягчить боль разлуки.

Она, конечно, этого не понимала, охваченная первой страстью, и очень сердилась на него, полагая, что в ту ночь он просто попользовался ею, утолив свою похоть. Чандос вздохнул. Вот и хорошо, пусть так и думает, а еще лучше, если она возненавидит его.

Вообрази Чандос хоть на минуту, что может сделать Кортни счастливой, он ни за что на свете не отпустил бы ее. Но что он мог ей предложить? Четыре года назад он принял решение уйти от белых и вернуться к команчам. Тринадцать жестоких негодяев навсегда изменили его жизнь, и, когда он с ними покончит, что останется ему? Он так долго скитался, что вряд ли теперь сможет осесть где-нибудь, даже с людьми команчи. Может ли белая женщина принять кочевую жизнь? Чандос знал, что не имеет права спрашивать об этом у Кошачьих Глазок.

В этот момент Кортни опустилась перед ним на колени, протягивая горячий бульон в оловянной кружке, и Чандос, вздрогнув от неожиданности, вернулся к реальности.

— Как ты себя чувствуешь?

— Так же паршиво, как и тогда, когда ты спрашивала меня об этом в последний раз. Она нахмурилась:

— Господи, Чандос, ну почему ты такой грубый?

— Грубый? Если хочешь, я покажу тебе, что такое настоящая грубость.

— Спасибо, не надо! — оборвала его Кортни. — Вчера ночью я досыта наслушалась твоих крепких словечек.

— Жаль, что я не видел твоего румянца, Кошачьи Глазки, — поддразнил ее Чандос. — Очень жаль! А мне так нравится, когда ты краснеешь. Если для этого нужно лишь несколько грубых слов...

— Чандос!

— Вот, уже лучше! Не много надо, чтобы твои щечки порозовели!

— Если уж ты так несносен, значит, смерть не грозит тебе, — строго сказала она и тут же застигла его врасплох:

— Скажи, в тебе есть индейская кровь?

После короткой паузы он заметил:

— А ты была неплохим доктором, пока не вообразила, что от этого слабого супчика у меня прибавятся силы.

Кортни вздохнула:

— Все, что мне нужно, — это только «да» или «нет». Но пожалуйста, если не хочешь, можешь не отвечать. Мне все равно, даже если в тебе и вправду есть индейская кровь.

— Как это великодушно!

— Но это нечестно, Чандос.

Она внимательно вглядывалась в него, и он пробормотал:

— Думаешь, я не знаю, что ты до смерти боишься индейцев?

Кортни вздернула подбородок:

— Что поделать, если я только раз в жизни имела дело с индейцами и это было ужасно. Но ты-то совсем не похож на них!

Чандос чуть не расхохотался, но сдержал улыбку:

— Я уже предупреждал тебя, женщина, чтобы ты не пыталась строить догадки на мой счет.

Если хочешь сделать из меня индейца, я запросто могу подыграть тебе в этом.

— Значит, на самом деле ты не...

— Нет, но дикарями бывают не только индейцы. Может, доказать тебе это?

Кортни вскочила на ноги и поспешно обошла костер, остановившись на безопасном расстоянии от Чандоса и вызывающе глядя на него:

— Тебе доставляет какое-то извращенное удовольствие пугать меня?

— А разве я тебя напугал? — невинно спросил он.

— Конечно, нет, — сердито бросила Кортни, — но ведь пытался?

— Конечно нет. — передразнил ее Чандос. Что делать, Чандосу доставляло удовольствие смотреть, как она злится. Она была так чертовски хороша, когда ее золотисто-карие глаза сверкали огнем, с таким достоинством откидывала назад волосы и расправляла плечи!

Он очень удачно назвал ее Кошачьи Глазки, ибо ласковая кошечка порой становилась тигром. Эта поездка пошла ей на пользу, чего не скажешь про него. Интересно, какие грани ее характера откроются ему, прежде чем они доберутся до Техаса? Всего неделю назад она была так застенчива, что без конца заикалась в его присутствии. А теперь Чандос чертовски хорошо знал, что Кортни не упадет в обморок, если увидит Прыгающего Волка.

— Любопытно, что ты собирался со мной сделать, Чандос, если едва поднимаешь голову, чтобы выпить бульон?

Это был удар ниже пояса.

— Поосторожней, леди! Ты и не представляешь, на что способен мужчина в гневе. Кортни пожалала плечами.

— Да я так просто спросила, — заверила она его.

— Тогда иди сюда, и я удовлетворю твое любопытство, — примирительно сказал Чандос, и ее глаза засверкали.

— Может, тебя не волнует твое состояние, но вот меня оно тревожит! Тебе сейчас надо копить силы, а не расходовать их в драке. Выпей, пожалуйста, свой бульон, Чандос, а потом отдохни, пока я приготовлю что-нибудь посущественнее тебе на обед.

Он кивнул. Зачем расстраивать ее?

Глава 26

Собирался дождь, и, судя по сгущавшимся темным тучам, даже с грозой.

Вот это и заметила Кортни, проснувшись. Увидев, что Чандос спит, она решила спуститься к реке за водой, а потом приготовить кофе.

Путь к реке был темней, чем обычно, так как тучи закрыли солнце. Ненастье угнетало, и Кортни не испытывала желания пускаться в путь по дождю, даже если Чандос сможет ехать.

Но и перспектива пережить дождь, сидя под непромокаемым плащом, тоже не радовала ее. И все же Кортни не позволяла себе расстраиваться. Что ж, это неприятно, но придется потерпеть.

Кортни недовольно взглянула на хмурое небо и нагнулась к воде, чтобы наполнить фляги. «Дождь — это еще не конец света, — сказала она себе. — Надо благодарить судьбу за то, что Чандос выздоравливает, и за многое-многое другое. Не стоит впадать в уныние из-за какого-то дождика».

— Ты Кортни Хортс?

Она так и замерла, согнувшись и держа флягу в воде. Тело ее застыло от напряжения, она затаила дыхание.

— Ты что, глухая, милочка? И тут глаза Кортни округлились от внезапной догадки.

— Он сказал, что вы не говорите по-английски, — пролепетала она.

— Кто? О чем ты, черт побери? Она резко обернулась, взглянув незнакомцу в лицо, и с облегчением вздохнула.

— Господи, я думала, что вы команчи! Здесь есть один неподалеку, — пробормотала она.

— Откуда ты знаешь? Ты его видела?

— Э-э... нет.

— Вот и я не видел. Значит, можно предположить, что его здесь нет. А теперь отвечай: ты Хортс?

Кортни не понимала, что происходит. Вид мужчины не напугал ее: приятное добродушное лицо, испещренное морщинками вокруг рта и глаз, — должно быть, он часто смеялся, — полные румяные щеки, светло-серые глаза, среднего роста, слегка приземист, лет двадцати пяти.

— Кто вы? — спросила она.

— Джим Эванс, охотник за преступниками.

— Но вы не похожи... то есть...

— Да, я знаю. — Он ухмыльнулся. — Видите ли, это мне на руку: я не соответствую общепринятому представлению. Ну, признаешься наконец, кто ты?

Кортни призналась бы, если бы не знала, кто он такой. Но, услышав, что он охотник за преступниками, она испугалась за Чандоса: ведь Эванс вполне мог разыскивать его. — Я не Кортни Хортс. Он опять ухмыльнулся:

— Может, не будем врать? Вероятность того, что в этих местах целых две женщины, похожих на данное мне описание, слишком мала. Готов поклясться жизнью, что нашел именно Кортни Хортс!

— К чему же тогда утруждать себя лишними вопросами? — недовольно спросила Кортни.

— Приходится: я не могу позволить себе ошибиться. За ошибки мне не заплатят. А за тебя назначена кругленькая сумма, уж ты мне поверь!

— За меня? Значит, вы ищете не... Погодите, что вы такое говорите? За меня — деньги? Имейте в виду, мистер Эванс, что я не нарушала закон, а потому не могу быть в розыске.

— А я этого и не говорил.

— Но вы же охотник за преступниками?

— Я работаю за вознаграждение, — объяснил он. — Мне платят не только за преступников. Если назначают хорошую цену, я охочусь за кем угодно и по какой угодно причине. Цена, назначенная за тебя, меня вполне устраивает. Твой мужчина очень хочет вернуть тебя, милочка.

— Мой мужчина? — Удивление сменилось гневом, как только Кортни поняла, о ком речь. — Да как он посмел! Вас нанял Рид Тэйлор, верно?

— Да, он назначил цену.

— Но он вовсе не мой мужчина! Он мне никто! Джим Эванс пожал плечами:

— Мне все равно, кто он. Он хочет, чтобы ты вернулась в Канзас, и я доставлю тебя к нему, потому что только в этом случае получу деньги.

— Жаль огорчать вас, мистер Эванс, но я не вернусь в Канзас ни по какой причине, а уж тем более из-за Рида Тэйлора. Боюсь, вы напрасно теряете время. Ради...

— А я боюсь, что ты не понимаешь меня, милочка, — сказал он так же миролюбиво, но лицо его помрачнело. — Я никогда не теряю времени зря. Ты поедешь в Канзас, а все свои возражения выскажешь мистеру Тэйлору. Меня они не интересуют.

— Но я отказываюсь...

Достав револьвер, он направил его на Кортни. Сердце ее отчаянно заколотилось, и не успела она вспомнить про свой револьвер за поясом юбки, как он вытащил его и забрал себе.

— Не надо так удивляться, милочка, — усмехнулся он. — Я работаю на совесть.

— Вижу. Но неужели вы и вправду решились бы застрелить меня? Сомневаюсь, что Рид заплатит вам за мой труп.

— Верно, — сказал он и добавил нарочито медленно:

— Но он ничего не сказал о том, в каком виде я должен тебя доставить.

Кортни поняла, что он имел в виду. Может, попытаться убежать, пока не поздно? Но он стоял на шаг впереди нее.

— Даже не думай о том, чтобы убежать или закричать. Если здесь появится твой спутник, я тут же «застрелю его».

Он медленно зашагал вдоль реки вверх по течению.

— Идем!

— А мои вещи? Не хотите же вы, чтобы я уехала без...

— Нет, этот номер со мной не пройдет! После того, что нам рассказал мексиканец об этом твоём краснокожем, у меня нет никакой охоты встречаться с ним. Мы сейчас просто уедем, и он не узнает, что с тобой случилось.

Кортни охватила паника. Он был прав: к тому времени, как Чандос хватится ее, пойдет дождь, который смоет все следы.

Она решила оттянуть время, надеясь, что Чандос проснется и скоро забеспокоится о ней.

— О каком это мексиканце вы говорили, не о Ромиро ли?

— О нем. Недавно мы встретились с ним и двумя его приятелями. Ну и страсти они порассказали о твоём дружке! Прямо целая армия в одном лице! Конечно, не стоит верить всему, что они плетут, желая оправдать свою слабость или прикрыть свои злодеяния. Мы уже думали, что они убили тебя и просто не хотят в этом сознаваться. Красавчик так и порывался пристрелить их всех и вернуться в Канзас, но мексиканец вызвался показать нам то место, где они видели тебя в последний раз. А потом мы легко нашли вас по следам.

— Кто такой Красавчик?

— Уж не думаешь ли ты, что я отправился один на Индейскую Территорию? Э, я не так уж глуп! Остальные с лошадьми ждут там, вверх по реке. Мы решили, что твой дружок не так встревожится, если я приду один, и у меня будет больше шансов всадить в него пулю.

— Но вы же видели, как я спускаюсь к реке одна?

— Да. Мне повезло, правда? — с усмешкой сказал он. — В самом деле, милочка, мне совсем не хочется встречаться с краснокожим.

Он потащил ее за собой, и Кортни поняла, что сейчас у нее последний шанс крикнуть. Но она решила не кричать. Если бы Чандос был здоров, она не стала бы колебаться. Но он сильно ослабел после укуса змеи и, придя к ней на помощь, подверг бы себя смертельной опасности. Тогда как для нее опасности как будто не было никакой. Просто ее силой увозили в Канзас, только и всего.

— Однако очень скоро она пожалела о своем решении.

Глава 27

Красавчик Ривис оправдывал свое прозвище: светлый блондин с густыми вьющимися волосами, темно-васильковыми глазами и на удивление симпатичным, даже интересным лицом, стройный, высокий, под шесть футов, и молодой — двадцать два года, он был живым воплощением самых буйных девичьих грез.

Кортни так поразила, увидев его, что даже не заметила двоих мужчин рядом с ним. Красавчик тоже нашел Кортни весьма привлекательной.

— Тэйлор говорил, что ты красивая, лапочка, но он умалил твои достоинства: красивая — это слабо сказано!

Кортни решила, что он, должно быть, давно не видел женщин, ведь она стояла перед ним в своей грязной юбке для верховой езды и белой шелковой блузке, мятой после стирки. Растрепанные волосы спадали до пояса, и она не умывалась с позавчерашнего вечера, когда Чандоса укусила змея.

— Ты поедешь со мной, — сказал Красавчик, выходя вперед, чтобы забрать ее у Эванса.

— Красавчик...

— Она поедет со мной, Эванс, — твердо отрезал он.

Такой тон вовсе не шел парню по кличке Красавчик.

Джим Эванс внял недвусмысленно прозвучавшей угрозе и отпустил ее руку.

Кортни размышляла, кто же у них главный, но тут Эванс велел садиться на лошадей, и все трое повиновались. Значит, Эванс главный. И тем не менее Красавчик добился своего без разговоров?

Красавчик пугал Кортни. По тому, как быстро уступил ему Эванс, она поняла, что с этим парнем шутки плохи. Он производил впечатление не обычного бандита, а убийцы по призванию.

Красавчик подбросил ее на свою лошадь, затем уселся в седло сзади. Только сейчас Кортни заметила мексиканца. Ее испуганные глаза встретились с его мрачно-серьезным взглядом. Этот взгляд мгновенно приводил ее в бешенство.

— Похоже, ты так и не сделал выводов из своих ошибок, Ромиро? — съязвила она. Он нагло ухмыльнулся:

— А ты все так же полна огня, bella? Но sí, я сделал выводы. — Он глянул на Джима. — Мы не слышали ни одного выстрела, сеньор. Что вы сделали с Чандосом?

— Ровным счетом ничего, — ответил тот. — Мне не пришлось с ним встретиться. Она была у реки.

— Так он и не знает, что она у нас? — спросил парень с длинным лицом и рыжими закрученными усами. — Вот здорово! Он будет слоняться там, ожидая ее возвращения, а она не придет! — Он захохотал. — Краснокожие тупы. Интересно, через сколько часов он поймет, что она пропала?

— Ты не прав, — тихо сказал Ромиро. — Мои amigos и я допустили оплошность, недооценив этого индейца. Что до меня, то я не усну спокойно, пока он не умрет. Если вы не прикончите его, это сделаю я.

Кортни чуть не разрыдалась, но поняла, что слезами мексиканца не пронять. Чандос одержал верх над Ромиро, и тот рвался свести с ним счеты. Никакие мольбы не помогут, они лишь подстегнут его.

Быстро обдумав ситуацию, она сказала:

— О, спасибо, Ромиро. А то я боялась, что Чандос решит, будто я упала в реку, и не станет искать меня.

— Это она серьезно? — спросил длиннолицый, а потом обратился к Кортни:

— Ты хочешь, чтобы краснокожий умер?

— Не говори глупостей! — В ее тоне прозвучала надменная снисходительность. — Чандос не умрет. Он слишком умен, и его не застать врасплох. Но как он узнает о том, что со мной, если не увидит никого из вас?

— Ты не слишком любишь Ромиро, верно, лапочка? — хмыкнул Красавчик и сказал остальным:

— Забудьте о нем. Если краснокожий погонится за нами, я возьму его на себя.

Очевидно, никто, включая Ромиро, не усомнился в его способностях, поскольку они двинулись в путь. Кортни с облегчением вздохнула: Чандос спасен!

А вот она нет. Вскоре после того, как они переправились через реку, Красавчик дал волю рукам, и, когда он подобрался к ее грудям, Кортни задохнулась от бешенства. Она с отвращением стряхнула наглую руку. Но он тут же заломил ее руки за спину. От боли на глазах у нее выступили слезы.

— Не шути со мной, лапочка, — зло прошептал Красавчик. — Ты ведь не станешь отрицать, что отдавалась команчи. Это делает тебя законной добычей.

Рука, державшая поводья, двинулась вверх по ее животу и грудям. Лошадь шагнула в сторону, тряхнув гривой. Кортни зажмурилась, преодолевая боль в плечах и руках.

— Считаю, тебе повезло, лапочка, что я положил на тебя глаз, — продолжал он. — Я не подпущу к тебе остальных, если ты будешь покладистой. Тэйлор хочет, чтобы ты вернулась к нему, но, пока мы здесь, я решил вознаградить себя за труды. Сама решай, устроит ли тебя такой вариант.

Он отпустил ее руки. Кортни молчала. Да и что могла сказать абсолютно беззащитная женщина?

И все же она не собиралась сдаваться без боя. Несмотря на смазливую физиономию Красавчика, она испытывала отвращение к его грубым прикосновениям. Едва боль в плече отпустила, Кортни, забыв о последствиях, дала ему понять, что думает о его жестокости.

С силой ткнув его локтем в живот, она попыталась соскочить с лошади. Завязалась борьба. Он ударил ее в ухо, но Кортни продолжала драться, пока его руки не обхватили ее стальным кольцом. Тут она уже не могла даже шевельнуться.

— Хорошо же, — злобно прорычал он. — Я понял тебя. Пока мы едем, я тебя не трону, но молись, чтобы я остыл к вечеру, когда мы устроим привал.

В этот момент, словно в подтверждение его угрозы, небеса прорезала яркая вспышка молнии, за ней последовал страшный раскат грома. Мощный ливень обрушился на них водопадом, и Красавчик, прервав свою грозную речь, выудил из сумки непромокаемый плащ и набросил на них обоих, а потом пришпорил лошадь, чтобы догнать остальных.

Глава 28

— Что стало с Дэйром Траском?

Кортни решила не отвечать Ромиро, да она и не знала ответа.

Она сидела у костра, держа в руках тарелку с бобами, к которым почти не притронулась: живот ее сводило от страха.

Ближе к вечеру дождь перестал, и они устроили привал в более густой части леса, высоко в Сэндстонских горах. Кортни ожидала, что Красавчик побьет ее, но он, сдернув ее с седла, занялся своей лошадью, а теперь о чем-то вполголоса переговаривался с длиннолицым, которого звали Фрэнком. Оба время от времени бросали на нее косые взгляды, и от этого она в конце концов взвилась.

— Что-то не так, bella?

— Этот убийца, похожий на ангела, собирается меня изнасиловать, а ты еще спрашиваешь, что не так? — ответила она Ромиро.

Глаза ее блестели от гнева, а волосы, подсвеченные огнем костра, отливали золотом. Но в этот момент Кортни не думала о своей внешности и не подозревала о том, как сильно хотел ее Ромиро.

— Не могу осуждать его за это, я и сам поразвлекся бы с тобой. Мои amigos поделили бы тебя, но не Красавчик.

— А ты не можешь остановить его?

— Ты шутишь, bella? — Удивленный, он отступил на шаг. — Никто не осмелится встать на дороге у этого парня. Он чокнутый. Ему все равно, кого убивать и за что.

— Чандос не струсил бы перед ним.

— Но его здесь нет.

— Он появится, Ромиро, — предупредила она. — Не сомневайся! Его глаза сузились.

— Когда мы виделись с тобой в прошлый раз, ты, помнится, уверяла, что ему на тебя наплевать.

— С тех пор многое изменилось. — Она посмотрела на огонь и добавила:

— Теперь я его женщина.

— Dios! — Ромиро выругался. — Думаю, мне было бы спокойнее путешествовать одному. Какого черта я связался с этими придурками? Твое общество небезопасно.

— Думаю, ты прав, — Кортни старалась говорить небрежно, — но сейчас это уже не имеет значения: вам все равно далеко не уйти, вот разве что ты уедешь один.

Кортни быстро соображала, удастся ли ей убедить их всех бросить ее. Нет, вряд ли. Красавчик не из тех, кого легко запугать: он слишком уверен в себе. И все же чем меньше их останется, тем больше у нее шансов на побег.

— Чандос наверняка нашел наши следы до дождя, — сказала она Ромиро. — Он скоро появится здесь.

— Утром ты сомневалась в этом, хотя у тебя была возможность послать меня на смерть. Но ты сказала, что он...

— Я сказала так, чтобы ты не нарвался на пулю. — Кортни пожала плечами. — Неужели ты думаешь, что я хочу чьей-то смерти? Но сейчас я, кажется, уже не смогу помочь никому из вас.

После долгого напряженного молчания Ромиро повторил свой первый вопрос:

— Что стало с Дэйром?

— Чандос мне этого не сказал.

— Но ты сама была там.

— Нет, меня там не было. Он велел мне ехать вперед, потому что хотел кое о чем поговорить с Траском, но считал, что мне незачем это слышать.

— Он послал тебя вперед одну, зная, что там индейцы? — спросил Ромиро с сомнением.

— Он был уверен в моей полной безопасности. — Она решила чуть-чуть преувеличить, ведь Ромиро не мог знать о том, что там был всего один индеец. — Я только вчера выяснила, что эти индейцы — его друзья, он всегда с ними путешествует. Они ехали с нами от самого Канзаса, но держались на расстоянии. Чандос знает, как я боюсь индейцев.

— Si. В ту ночь мы видели троих из них, иначе я бы вернулся и спас Траска.

— Троих? — Кортни быстро справилась с удивлением. Что ж, выходит, она не обманула его. — Я просто никогда... То есть я полагала... В общем, едва ли Траск вырвался оттуда живым. Чандос сказал, что не убивал его, но... но он также упомянул и о том, что Траск виновен в ужасных преступлениях, а потому и получил по заслугам. Может, Чандос заставил его идти в Канзас пешком, но не исключено, что он просто оставил его там...

Кортни судорожно сглотнула. Да, это было возможно, и это свидетельствовало о жестокости и хладнокровии Чандоса.

Если он оставил Траска индейцам, то чем тот заслужил такую казнь? Может, убил тех, с кем Чандос говорил в своем горячем сне?

— Эти команчи еще здесь? — спросил Ромиро, тревожно оглядывая деревья.

— Да. Когда утром Джим Эванс подстерег меня на речке, я сначала приняла его за одного из них.

— Значит, они могут поехать с Чандосом, чтобы вернуть тебя?

Кортни почувствовала прилив надежды. — Едва ли, — ответила она. — Зачем? Он и без них справится с вами. Разве он уже не доказал это однажды? Ромиро кивнул:

— Я думаю, bella, для меня лучше распрощаться с тобой, и как можно скорее. — С этими словами мексиканец удалился с поляны.

— Эй, ты что, уходишь? — окликнула его Кортни.

Ее услышали. Красавчик встал, преграждая Ромиро дорогу.

— В чем дело? — резко спросил он.

— Я помог вам найти женщину. Это было ошибкой. Вам не следовало трогать ее.

— Почему? — озадаченно спросил Джим.

— Сеньор, это женщина Чандоса, а значит, он придет за ней. У меня нет охоты встречаться с ним.

— Значит, ты решил, что лучше уехать сейчас — ночью, одному? — удивленно спросил Джим. — Сумасшедший!

В разговор вмешался Красавчик:

— Чем это, интересно, она тебя так запугала?

— Она женщина Чандоса.

— Думаешь, мы поверим, что краснокожему-полукровке не безразлична судьба белой женщины? — усмехнулся Фрэнк.

Кортни поразило то презрение, с которым Ромиро обвел взглядом мужчин и медленно произнес:

— Я видел, что этот полукровка сделал с моими amigos, а тогда она еще не была его женщиной — он только сопровождал ее. А сейчас у него есть на нее права. Знаете ли вы, что делает команчи с тем, кто похищает его женщину?

— Он команчи только наполовину, — заметил Джим.

— Однако, сеньор, это делает его вдвойне опаснее, ибо он может убивать и как белый, и как команчи. Мы углубились на Индейскую Территорию, и боюсь, он придет за своей женщиной не один.

Джим сурово глянул на Кортни.

— Тогда ты останешься, Ромиро, — распорядился он. — Нам понадобится каждый револьвер...

— Пусть убирается, — перебил его Красавчик с презрительной усмешкой. — Я не хочу, чтобы меня прикрывал трус. Мне вообще не нужно прикрытие. Я лучше их всех, Эванс, вот почему ты и взял меня с собой.

Услышав, что его называли трусом, Ромиро напрягся. Кортни поняла, что задета его гордость. В следующую секунду она закрыла уши, крикнув:

— Нет!

Ромиро потянулся за револьвером, и тут же прозвучал выстрел. Красавчик подтвердил свои слова делом. Кортни с ужасом смотрела, как кровь заливают грудь мексиканца. Он медленно повалился на землю и застыл.

Красавчик улыбался. От этой улыбки Кортни стало дурно.

— Вот и положили конец той панике, которую ты вызвала, лапочка.

Кортни согнулась, и ее вырвало. Красавчик подошел к ней.

— Я не знал, что ты такая нежная, лапочка, — сказал он со смехом, — а то предупредил бы, чтобы ты не смотрела.

— Ты... ты нарочно раззадорил его, — сказала она.

— Возможно.

— Не «возможно», а так и есть! — закричала она. — Ты хотел убить его. За что?

— На твоём месте я бы не стал так возмущаться, — холодно заметил он. — Ты сама вынудила его открыться. Я не люблю трусов, вот и все.

Кортни застонала. Неужели она виновата в смерти мексиканца? Нет, это ложь! Может, она и преувеличила грозящую ему опасность, но она же не заставляла Ромиро хвататься за револьвер. Это сделал Красавчик.

— Я считала дикарями команчей, но дикарь ты, — прошипела Кортни.

Красавчик приблизился к ней с самым злобным видом, и Кортни не сомневалась, что сейчас он ударит ее, но он только дернул ее, поднимая на ноги.

— Думаю, вся беда в том, что я слишком долго пренебрегал тобой, лапочка. — Кортни попыталась высвободить руку, но он крепко держал ее. — Фрэнк, убери мексиканца и не спеши назад. А ты, Джим, если так боишься индейцев, пойдёшь и разведёшь обстановку, — распорядился Красавчик.

Кортни побледнела.

— Нет! — закричала она. — Эванс, неужели ты посмеёшь оставить меня с этим чудовищем? Эванс!

Джим Эванс, даже не взглянув на нее, подхватил свою винтовку и ушел. Фрэнк, не обращая на нее никакого внимания, потащил труп Ромиро с поляны. Теперь Кортни осталась с Красавчиком. Он еще крепче сжал ее руку, и холодная злоба в его васильковых глазах ужаснула ее.

— Я вовсе не хотела... назвать тебя так, — со страхом начала она.

— Конечно, не хотела, лапочка.

Он не верил ей, и Кортни понимала, что от него нельзя ждать пощады. Однажды, очень давно, она просила Бога дать ей мужество встретить смерть без слез и стенаний. Это было во время налета индейцев, когда жизнь ее висела на волоске. С Красавчиком сложилась не менее угрожающая ситуация, и Кортни приказала себе не опускаться до бесполезных слез и просьб.

Гнев придал ей смелости.

— Ладно, я хотела сказать то, что сказала! Ты гнусный, жестокий...

Ее щеку обожгло огнем. Хлестнув Кортни по лицу, Красавчик тут же бросил ее на землю, навалившись сверху всем телом. Ошеломленная, охваченная ужасом, она почувствовала, как его рот впивается в ее губы, ей стало нечем дышать.

Теперь она видела, чем отличается страсть от животной похоти. Красавчик намеренно причинял ей боль, но Кортни знала, что настоящая, страшная боль еще впереди.

Его зубы прошлись по ее щеке, спустились на шею. Кортни кричала и, схватив Красавчика за волосы, тянула его голову назад. Но это не производило на него ни малейшего впечатления, он лишь гнусно усмехался, поглядывая на нее.

— Если ты позволишь себе больше, — задыхаясь, проговорила она, — Чандос убьет тебя.

— Ты еще не поняла, лапочка? Твой краснокожий-полукровка не пугает меня.

— Не бояться его может только дурак! Он схватил Кортни за горло и стал медленно, безжалостно сжимать его. Кортни ловила ртом воздух. Он заставил ее помучиться примерно с минуту, потом отпустил. В следующий момент Красавчик одним рывком разорвал ей блузку вместе с сорочкой и процарапал ногтем длинную красную черту вдоль ее груди.

— Советую попридержаться язык, — холодно сказал он. — Я уже наслушался от тебя столько вздора, сколько не слыхивал за всю жизнь.

— Значит, никто раньше не говорил тебе правду?

Кортни сама не поверила, что осмелилась сказать такое. Он опять наотмашь ударил ее по щеке. Слезы выступили у нее на глазах, но в Кортни словно вселился бес — она уже не могла остановиться.

— Ты не учел одного. Красавчик, — сказала она, тяжело дыша, — убив человека, который встретился с тобой один на один. Команчи так не воюют. Если ты им понадобишься, за тобой придут сразу пятеро или шестеро. Да, ты умеешь быстро выхватывать револьвер, но что тебе это даст тогда?

— Мексиканца ты запугала этим же? — спросил он, презрительно усмехнувшись.

— Нет, — она покачала головой; — я сказала ему, что Чандос скорее всего придет один. Ему не нужна помощь, чтобы справиться с такими подонками...

Пальцы его впились ей в грудь, и Кортни закричала. Другой рукой он быстро закрыл ей рот, но она укусила его, и Красавчик отдернул руку.

— Чандос! — крикнула Кортни, понимая, что это бесполезно, но ей так нужна была сейчас хоть мизерная надежда.

— Сука! — взревел Красавчик. — Я тебя...

Но он не закончил: жуткий крик огласил окрестности, заставив Красавчика замолчать. Оба похолодели, услышав этот крик смертельной боли. Затем раздался еще один, более ужасный. Кто-то продирался сквозь кусты, и вскоре они увидели Фрэнка, влетевшего на поляну.

— Черт побери! — задыхаясь, проговорил он — Они взяли Эванса!

Красавчик вскочил, выхватив револьвер:

— Может, это медведь или дикая кошка?

— Едва ли ты сам в это веришь, — сказал Фрэнк, — это старый трюк. Они будут мучить его всю

ночь напролет, чтобы мы слышали его крики. Тогда, по их мнению, к утру мы одуреем настолько, что нас можно будет взять голыми руками.

Красавчик направил револьвер на Кортни:

— Вставай! Будем сматывать удочки. Она медленно поднялась с земли.

— А я думала, ты хочешь встретиться с ним, — с издевкой проговорила она и получила за это еще одну затрещину.

Не удержав равновесия, Кортни упала, больно ударившись о землю. Она сидела, держась одной рукой за лицо, а другой прикрывая разорванную на груди блузку. Кортни посмотрела на Красавчика, и он увидел в ее глазах неприкрытую ненависть.

— Ты с ней полегче, — сказал Фрэнк, — кроме нее, нам нечем с ними торговаться.

— Мы уходим, — уверенно отвечал Красавчик. — Если нас здесь не будет, нам не придется и торговаться.

— Нам нельзя уходить. Наверняка один из них сейчас следит за нами и не даст нам уйти так просто. Нам придется сначала убрать его с дороги, но они услышат выстрелы.

Красавчик знал, что Фрэнк прав. Он огляделся, пытаясь определить, где засел команчи, и Кортни, хоть и напуганная, испытала злорадное удовольствие, заметив его страх. Всем им было чего бояться, но причины у всех были разные.

Фрэнк ошибся насчет Эванса. Прошло десять минут; не слыша криков, они решили, что Эванс мертв. Фрэнк и Красавчик полагали, что индейцы пришли за Кортни, но она сомневалась в этом. Поблизости могли проезжать индейцы, не имевшие никакого отношения к друзьям Чандоса, и тогда ей предстояло вскоре умереть вместе с Красавчиком и Фрэнком.

— Мне нужен револьвер, — сказала Кортни, поднявшись на ноги.

— Черта с два ты его получишь! — рявкнул Красавчик.

— Неужели у тебя совсем нет мозгов? — вспыхнула Кортни. — Может, я и не слишком умело обращаюсь с оружием, но могу застрелить того, кто окажется прямо передо мной.

— Ага, к примеру меня.

Фрэнк хихикнул, и Кортни стиснула зубы от злости.

— Неужели вы не понимаете, что там может быть кто угодно? — сердито спросила она. — Не исключено, что это вовсе не человек, а зверь — мы же больше не слышали криков. А вдруг с Эвансом произошел несчастный случай?

— При несчастном случае человек не будет так вопить, — заметил Фрэнк.

— Ну ладно, — согласилась Кортни. — Но мне надо кое-что вам сказать. Не похоже, что это Чандос. Он не успел бы так быстро добраться сюда. На днях его укусила змея, и он был еще не совсем здоров, когда Эванс захватил меня. Вот почему я не хотела, чтобы Ромиро встречался с Чандосом. Чандос еще слишком слаб, я боялась за него. Конечно, в округе есть и другие индейцы, но с чего они приедут спасать меня? Видели ли вы, чтобы команчи спасал белую женщину?

— Я вижу перед собой белую женщину, которая готова на что угодно, лишь бы заполучить револьвер, — отозвался Красавчик. — Можешь трещать до посинения, но ты его не получишь.

— Ты...

Красавчик расвирепел:

— Заткнись, я должен слышать, что там происходит!

Кортни, стиснув зубы, замолчала. И тут Фрэнк удивленно пробормотал:

— Не верю своим глазам! Мерзавец спятил — он идет один!

Красавчик и Кортни обернулись. Это был Чандос, и он направлялся к ним действительно один. Верхом на Шуафуте он медленно объезжал деревья, пока не оказался примерно в десяти футах от них. Сердце Кортни заняло тревожно и радостно. Он пришел за ней! Больной, он приехал ее спасать!

Выглядел он ужасно: двухдневная щетина и мятая одежда подчеркивали его изможденный вид. Он даже не переоделся.

Красавчик усмехнулся. Фрэнк крепко держал свой револьвер.

У Чандоса же в руках были только поводья, револьвер висел на поясе в кобуре. Взглянув на Кортни, он заметил ее разорванную одежду и напрягся.

— Вы один, мистер?

Чандос, не удостоив Фрэнка ответом, спешился и неторопливо выступил вперед. Кортни затаила дыхание; револьвера он так и не вынул, и Фрэнку не составляло никакого труда выстрелить. Но тут она увидела, что Фрэнк колеблется, напуганный и сбитый с толку храбростью Чандоса. Красавчик тоже не двигался. Видимо, оба решили, что на них из-за кустов нацелены стрелы. Они не могли поверить, что Чандос рискнул прийти на поляну один, без прикрытия друзей-команчей. Интересно, так ли это на самом деле?

— Вы Чандос? — спросил Фрэнк. Чандос кивнул:

— По следам видно, что вас четверо. Где четвертый?

Красавчик улыбнулся:

— Тебе лучше этого не знать.

— Мексиканец мертв, Чандос, — сказала Кортни.

— Я велел тебе заткнуться! — рявкнул Красавчик, повернувшись к ней и занеся руку для удара.

— Лучше помалкивай!

Суровый тон Чандоса остановил Красавчика. Он медленно опустил руку и с вызовом повернулся к нему. Кортни, охваченная тревогой, ждала, что он выхватит револьвер. Но тут заговорил Фрэнк:

— Вы не спрашиваете про Эванса. Значит, это вы убили его?

— Он жив, — сказал Чандос.

— Тогда что, черт возьми, вы с ним делали? Он орал как резаный.

— Мне не понравилось то, что он сказал, и я...

— Нет, я не хочу этого слышать, Чандос! — закричала Кортни.

— Да, это не важно, — согласился Фрэнк. — Но он жив?

— Я оставил рядом с ним его винтовку. Кортни не поняла смысла этих слов, но мужчины сразу поняли все. Теперь, когда намерения Чандоса не оставляли сомнений, разговоры прекратились и воздух наэлектризовался. Трое мужчин стояли в напряженном молчании, ожидая первого движения. Его сделал Фрэнк. Вскинув револьвер, он выстрелил.

Кортни закричала. Нервы подвели Фрэнка: рука его дрогнула, и пуля пролетела мимо цели. В то же мгновение в руке у Чандоса появился револьвер. Красавчик выхватил свой, но Чандос стремительно бросился на землю, сделав два выстрела. Первый поразил Фрэнка в грудь, он умер мгновенно. От второго Красавчик дернулся вперед, выпучив глаза от удивления: он не успел выстрелить ни разу. Он взвел курок, и револьвер вылетел из его руки при третьем выстреле Чандоса. Красавчик, падая на колени, повернулся лицом к Кортни:

— Наверное... мне следовало... поверить тебе, лапочка... этот мерзавец... убил меня.

Он был еще жив. Он умрет не сразу, но смерть неизбежна: с простреленными кишками долго не живут. Красавчик знал это. Его васильковые глаза были полны ужаса.

Чандос поднялся с земли и выступил вперед. Лицо его выражало непреклонную решимость. Он подобрал с земли револьвер Красавчика и, не сводя глаз с врага, убрал свой револьвер в кобуру. Несмотря на боль, Красавчик понял, что это значило.

— Ты оставил Эвансу его винтовку, — простонал он, — оставь мне мой револьвер.

— Нет.

— Чандос, ты не можешь так поступить! — крикнула Кортни.

Чандос даже не посмотрел на нее — взгляд его был прикован к Красавчику.

— Он причинил тебе боль и расплачивается за это.

— Это мне решать.

— Нет, не тебе. — Он быстро взглянул на Кортни, а потом снова уставился на Красавчика. — Садись на мою лошадь, леди. Мы уезжаем.

Кортни побежала к его лошади, но Чандос сразу понял, что она хочет уехать прочь от него, разозленная его жестоким самосудом. Чандос бросился за Кортни и поймал ее за руку.

— Он ведь причинил тебе боль, верно? — холодно спросил он.

— Да, но он не делал того, что ты думаешь. Его остановил крик Эванса.

— Но он все-таки причинил тебе боль, а значит, наказание неизбежно. Я мог бы заставить его мучиться намного дольше.

Он отпустил ее руку, и Кортни крикнула:

— Почему ты такой мстительный? Тебе же он ничего не сделал!

— Может, ты жалеешь, что я пришел за тобой, Кошачьи Глазки?

Кортни опустила глаза:

— Нет.

— Тогда садись на лошадь и не смей уезжать без меня. Я и без того на тебя сердит. Сегодня утром ты не дала мне знать, что попала в беду. Не заставляй меня опять гоняться за тобой, леди, я все равно тебя найду, даже в преисподней!

Кортни, коротко кивнув, направилась к Шуафуту. Она злилась на Чандоса, совершенно забыв о том, что ей следует быть ему благодарной. Он спас ее от Красавчика... но все, что она видела сейчас, — это его суровое лицо и холодный взгляд.

Глава 29

Уже во второй раз Кортни покидала в ночи кровавую сцену. Она сидела в седле перед Чандосом, ощущая его надежное тепло. Он опять убивал из-за нее. Тех, кто преследовал его, он лишь ранил, а тех, кто обидел ее, убил.

Но он был зол на нее. Едва они остановились, как Чандос не выдержал. Когда он снимал ее с лошади, лоскуты разорванной блузки разлетелись, обнажив тело Кортни. Может, от этого он и сорвался, а может, от пережитого волнения. Он же не только убивал, но и сам был на волосок от смерти и теперь черпал жизненную энергию в сидящей перед ним девушке.

Он так неистово набросился на нее, что Кортни, даже если бы и хотела, не смогла бы ему противиться. Но ее не испугал этот напор. Она ощущала дрожь возбуждения, вызванную его страстью. Что ж, если Чандос хочет именно так утвердить свое мужское начало, она с радостью пойдет ему навстречу. Кортни и сама желала освободиться от пережитых страхов и волнений, и только Чандос способен был избавить ее от них.

К тому же она с надеждой подумала о том, что если Чандос хочет любить ее, значит, не так уж и зол на нее.

Чандос опустил Кортни на землю и припал губами к ее соску. Трава и камни кололи ее через одежду, но она почти не замечала этого.

Кортни тихо вскрикнула. Чандос застонал, обхватив ее руками снизу и еще крепче прижав к себе. Он терся животом о ее пах. Кортни всем нутром ощущала наслаждение, которое проникало в нее все глубже и глубже.

Она не могла обуздать свою страсть: кусалась, царапалась, тянула его к себе. Он сдернул с нее юбки, и ее глаза встретились с его огненным взглядом. Опустившись на колени между ее ног, он отстегнул ремень и кобуру. Даже в темноте от его взора у нее перехватывало дыхание. Едва он разделся, Кортни притянула его к себе.

В то же мгновение он проник в нее, вскрикнув, как изголодавшийся зверь. Кортни, тяжело дыша, встретила его с жаром, упиваясь и торжествуя, пока не начались судороги экстаза.

Кортни лежала, распластавшись под тяжестью его тела. Сердце ее колотилось, дыхание еще не выровнялось. Мысли теснились в ее голове, и она вдруг подумала, что вела себя только что так же необузданно-дико, как и Чандос!

Он пошевелился. Пройдясь губами по ее шее, он присел и посмотрел на нее.

— Ты кричала.

— Разве? — спросила она, сама поразившись своему беспечному тону.

Он улыбнулся и принялся целовать Кортни, легко скользя губами по ее телу.

Кортни вздохнула:

— Вот теперь ты нежен.

— Ты не хотела нежности, котенок, — заметил он, и Кортни покраснела: он был прав. — Зато хочешь ее теперь, верно?

От смущения она молчала. Чандос опустился на землю и привлек Кортни к себе, прижав ее податливые груди к своему крепкому боку. Ветерок ласкал ее обнаженное тело, и Кортни слегка вздрогнула.

— Холодно?

— Чуть-чуть. Нет, нет, не вставай! Она обвила его руками, и Чандос заключил ее в теплые объятия.

— Чандос?

— Да, Кошачьи Глазки? Кортни помолчала.

— Ты не мог бы называть меня Кортни? — наконец спросила она.

— Ты не это хотела сказать.

— Да, не это. Как ты думаешь, он уже умер? — спросила она по-детски нерешительно.

— Да, — солгал Чандос.

Рассеянно поглаживая его грудь, Кортни долго молчала, не решаясь спросить, зачем было так жестоко убивать Красавчика. Но мысль о том, что Чандос пришел и отомстил за нее, доставляла Кортни какую-то примитивную радость.

— Чандос?

— Да?

— Ты что, правда пришел за мной один?

— А ты думала, я соберу целый полк? — сухо спросил он.

— Нет, конечно, нет. Но ведь твой друг Прыгающий Волк был рядом, я знаю. Вот уж не думала, что ты сможешь найти меня один!

Мышцы его груди затвердели у нее под пальцами, и Кортни поняла, что поставила под сомнение его мужскую честь — и это после того, как он так героически доказал ее!

— Значит, ты думала, что я не смогу защитить тебя? Так вот почему ты не позвала меня на помощь утром, когда они схватили тебя?

Кортни застонала.

— Прости, но ты же был болен, — начала оправдываться Кортни, — я боялась» что они убьют тебя.

— Ты не знаешь, на что способен мужчина, если задета его честь. Разве я не говорил тебе об этом вчера вечером?

— А при чем тут твоя честь, Чандос?

— Ты платишь мне за то, чтобы я тебя защищал, разве ты забыла?

Ком подступил к горлу от обиды и разочарования. Она ему платит! И в этом все дело? Кортни попыталась встать, но он удержал ее.

— Никогда не сомневайся во мне. Кошачьи Глазки.

Его рука ласково прошла по ее щеке, по мягким локонам у виска. Он вновь прижал ее голову к своей груди. От его теплого голоса Кортни начала оттаивать.

Она радовалась, что он не хочет отпускать ее из своих объятий. Но ей хотелось большего, много большего. Она мечтала, чтобы он волновался и тревожился о ней.

— Не сердись на меня, Чандос. В том, что ты найдешь меня, я не сомневалась ни секунды. Помолчав, она спросила:

— Значит, ты поправился после укуса?

— И ты еще спрашиваешь... сейчас? Она крепче прижалась лицом к его груди.

— Я хотела спросить... прошла ли боль.

— Нет, болит чертовски..

И все-таки он поехал спасать ее! Кортни улыбнулась, не догадываясь, что он почувствовал движение ее губ. Задумавшись, она водила пальцем вокруг его соска.

— Чандос?

— Что еще?

— А если я забеременею? Он вздохнул:

— Ты беременна?

— Не знаю. Пока рано судить. — Она запнулась. — Но если это случится?

— Значит, так тому и быть. Вот так ответ!

— Ты женишься на мне, если я беременна?

— Сможешь ли ты разделить мою жизнь? Я все время в пути, никогда не останавливаясь в одном месте больше чем на несколько дней.

— При такой жизни не стоит заводить семью, — сердито заметила Кортни.

— Вот именно, — согласился он, потом отстранил ее и встал.

Гнев и разочарование охватили Кортни. Сев, она долго смотрела на Чандоса, пока он одевался, расседывал Шуафута и скидывал на землю свою походную постель. Как он порой холоден и бесчувствен!

Глава 30

Они проезжали от двадцати пяти до тридцати миль в день, и все же у Кортни не появились те ужасные волдыри, которые ей предрекала Матти. Но сегодня она была уверена, что без волдырей не обошлось. Чандос ехал быстро, стараясь наверстать упущенное время, и Кортни подозревала, что отчасти он делает это ей назло.

Казалось, он старался изо всех сил создать ей как можно больше неудобств. Это началось с самого утра. Едва она проснулась, он велел ей быстро встать и сразу усадил в седло. Теперь впереди ехала она, и это было самым неудобным.

В конце дня они добрались до своего привала и увидели там трех своих лошадей, явно сытых, и пылающий костер. Не мог же он гореть здесь со вчерашнего утра! Чандос пронзительно свистнул, и десять минут спустя появился индеец.

Прыгающий Волк был не слишком высок, но команчи славились не ростом, а замечательным умением ездить верхом. На нем была старая военная рубашка, низко подпоясанная ремнем с карабинами. Мокасины доходили до начала икр, на ногах болтались короткие, до колен, широкие штаны. Блестящие черные волосы свободно спадали на плечи длинными прядями. На темном широком лице выделялись иссиня-черные глаза. Он был молод и широкоплеч. Прыгающий Волк держал в руках винтовку.

Когда он вышел на поляну, Кортни замерла. Мужчины приветствовали друг друга и уселись на корточки у огня для разговора. Говорили они на языке команчей.

Они подчеркнуто не обращали внимания на Кортни, но из-за них она не могла подойти к костру и заняться обедом. Поэтому она решила пока посмотреть, не пропало ли что-либо из ее вещей. Однако все было на месте.

Вскоре Прыгающий Волк ушел, окинув ее на прощание таким же оценивающим взглядом, долгим и внимательным, каким посмотрел на нее, выходя к привалу. Но теперь в его взгляде не было тревожной настороженности, и Кортни могла бы поклясться, что Прыгающий Волк почти улыбался.

Он сказал ей что-то, но не стал ждать, пока Чандос переведет его слова. Когда он ушел, Чандос

опять опустился на корточки у костра, пожевывая травинку и глядя на деревья, за которыми исчез его друг.

Решив, что Чандос не переведет ей слова Прыгающего Волка, Кортни пошла за продуктами для ужина.

Когда она принесла к огню все те же бобы, вяленую говядину и сухое печенье, Чандос наконец посмотрел на нее.

— Я хочу, чтобы ты сожгла эту блузку, — сказал он.

Кортни удивилась, но промолчала.

— Ты хочешь печенье или клецки?

— Сожги ее, Кошачьи Глазки.

Он смотрел на глубокий треугольный вырез, заканчивавшийся снизу узлом, которым она связала обрывки блузки. Под ней была рваная сорочка, надетая задом наперед, чтобы разорванное место пришлось на спину. Но все равно сорочка едва прикрывала груди.

— Твой друг сказал что-то насчет моей блузки?

— Это не имеет значения.

— Я сменю блузку, если тебе так уж этого хочется.

— Иди и смени, а потом принеси ее...

— Нет, не принесу! — Да что это с ним такое, в самом деле? — Зачем сжигать эту блузку, если ее можно просто зашить? Я же зашила ту, другую... — Кортни замолчала и прищурилась. — А-а, понимаю! Если ты порвал мне блузку, это нормально и ее можно носить, но когда другой сделал то же самое, ты хочешь, чтобы я ее сожгла. Я права, все дело в этом?

Глаза его загорелись, и гнев Кортни вдруг остыл. Его ярость убедила девушку в том, что он ревновал ее, желал обладать ею один. Значит, она небезразлична ему! Она решила исполнить его просьбу.

Достав из саквояжа кораллово-розовую блузку, Кортни зашла за дерево переодеться. Вернувшись через несколько минут, она бросила рваную белую блузку в костер. Пламя в считанные секунды слизнуло тонкий шелк. Пепел плавно взмыл над огнем и исчез, подхваченный ветром.

Чандос все так же хмуро смотрел в огонь.

— Что мне сказал твой друг? — наконец спросила Кортни.

— Он говорил не тебе.

— Но смотрел на меня.

— Он говорил о тебе.

— И что же он сказал?

В наступившей тишине было слышно лишь легкое потрескивание костра.

— Он похвалил твою смелость, — наконец ответил он.

Кортни, удивленно округлила глаза, но Чандос не заметил этого. Он встал и ушел с поляны, направившись к реке. Она вздохнула, не уверенная в том, что он сказал ей правду.

Чандос и в самом деле не совсем точно передал ей слова Прыгающего Волка, который сказал:

"Твоя женщина стала смелее. Хорошо, если ты решишь оставить ее себе».

Черт побери, он и сам знал, что она стала смелее, но от этого ничего не менялось. Она по-прежнему желала и заслуживала того, чего Чандос никогда не сможет ей дать, а значит, он не имеет права оставить ее себе. И все-таки, когда Прыгающий Волк назвал Кортни «его женщиной», Чандосу показалось, что друг прав. Нет, к черту ее, к черту эти Кошачьи Глазки!

Скорее бы закончилась их поездка! А еще лучше, если бы она вообще не начиналась. Ему предстоит вытерпеть еще две недели адских мук рядом с этой женщиной. Одно хорошо: она дала ему повод больше не притрагиваться к ней, упомянув про беременность. Конечно, это не значило, что он перестал хотеть ее...

Чандос боялся. С того дня, как он взял ее с собой в Техас, его не отпускал этот страх, которого Чандос не испытывал уже четыре года, — страх потерять близкого человека.

Мысли об этом еще больше огорчили Чандоса, и он стал думать об Уэйте Смите и о том, что сделает с ним, когда найдет его. Эти мысли тоже расстраивали его, но в этом не было ничего необычного: мерзавец слишком часто уходил из-под самого его носа. Может, в техасском Парисе удастся наконец поставить точку в этом многолетнем деле?

Чандос провел беспокойную ночь, размышляя о невеселых вещах.

Глава 31

За два дня до Париса Кортни растянула ногу. Все это было очень глупо. Она неловко наступила на большой камень, и если бы на ней не было сапог, все обстояло бы еще хуже.

Нога так быстро распухла, что она с трудом стянула сапог и больше не могла надеть его. Боль затихала, только когда нога была в покое. Но о том, чтобы отложить поездку, не могло быть и речи. Если бы Чандос и предложил такое, она отказалась бы.

Когда это случилось, Чандос переменялся. Теперь он проявлял невероятную заботливость, словно стараясь отплатить Кортни за то, что она выходила его после укуса змеи.

Как человек независимый, он, вероятно, тяготился ее помощью и сейчас с радостью отдавал долг: сам готовил еду, кормил четырех лошадей, сделал Кортни костыль из прочной палки, подсаживал на лошадь и снимал с нее. Мало того, он ехал гораздо медленнее, так что они успевали покрыть лишь треть того расстояния, которое проезжали прежде.

Раньше они скакали вдоль притока, придерживаясь юго-восточного направления, теперь же Чандос повернул на юго-запад. Кортни не знала, что он сменил направление из-за ее травмы. Они перебрались через Ред-Ривер и объехали какой-то городок — к сильному разочарованию Кортни. Вот уже несколько недель она не видела и следов цивилизации!

Через несколько часов на их пути показался еще один городок, на этот раз Чандос въехал в него и остановился перед рестораном под названием «У Мамы». Кортни до смерти хотелось поесть чего-нибудь без бобов, и она несказанно обрадовалась, когда он повел ее к двери ресторана, хотя и была в грязной одежде.

В большом светлом зале стояла дюжина столиков, накрытых клетчатыми скатертями. Лишь один из них оказался занят — была середина дня. Пара средних лет, сидевшая за столиком, подозрительно покосилась на них. Женщина, увидев Чандоса, встревожилась. Грязный дорожный костюм и впрямь придавал ему весьма зловещий вид. Черные брюки, темно-серая рубашка, расстегнутая до середины груди, черный платок, свободно повязанный вокруг шеи, — ни дать ни взять отъявленный бандит!

Чандос мельком взглянул на посетителей, сразу же потеряв к ним интерес. Усадив Кортни, он сказал, что вернется через минуту, и исчез в кухне. Она сидела, чувствуя на себе внимательные взгляды парочки и крайне смущенная своим видом.

Не прошло и минуты, как входная дверь открылась и в зал вошли двое мужчин, видевших, как они с Чандосом ехали по улице. Теперь они зашли посмотреть на незнакомцев поближе. Кортни смутилась еще больше. Она не любила быть в центре внимания, предпочитая держаться в тени, но с Чандосом это не получалось, ибо он, сам того не желая, вызывал любопытство.

Представив себе, что думают о ней эти люди, Кортни вдруг поняла, какими глазами посмотрит на нее отец. Женится же он на своей служанке из-за светских условностей. А Кортни путешествовала вдвоем с Чандосом! Господи, да отец вообразит самое худшее — и будет прав!

Вернувшись, Чандос заметил ее пылавшее лицо и напряженную позу. Она сидела, уставившись в стол. Что такое? Может, ее беспокоят эти два парня? Чандос так сурово глянул на них, что они немедленно ретировались. Вслед за ними засобиралась и парочка.

— Сейчас принесут поесть. Кошачьи Глазки, — сообщил Чандос.

В этот момент дверь кухни распахнулась и полная женщина подошла к их столику.

— Это Мама. Она будет присматривать за тобой несколько дней, — небрежно бросил Чандос.

Кортни внимательно посмотрела на мексиканку, которая заговорила с Чандосом по-испански. Женщина была маленького роста, добродушная, с пепельными волосами, собранными в тугий пучок, одетая в пеструю хлопчатобумажную юбку, белую блузку, передник и плетеные кожаные сандалии.

— Что значит присматривать за мной? — спросила Кортни. — А где будешь ты?

— Я тебе уже говорил — у меня есть дело в Парисе.

— Так это Парис! — раздраженно воскликнула она.

Он сел напротив Кортни, кивком отослав Маму. Девушка проводила ее глазами и сердито взглянула на Чандоса, ожидая объяснений.

— Что ты еще задумал? — негодуя спросила она. — Если ты решил, что можно...

— Успокойся. — Перегнувшись через столик, он поймал ее руку. — Это не Парис, а Аламеда. Я

решил, что тебе с твоей ногой лучше отдохнуть, пока я буду заниматься своими делами. Мне не хотелось оставлять тебя одну, поэтому я и привез тебя сюда.

— Зачем тебе оставлять меня одну? Что за дела у тебя в Парисе?

— А вот это, леди, тебя не касается. О, как она ненавидела такой тон!

— Ты ведь не вернешься? Ты просто хочешь бросить меня здесь, верно?

— Ты должна бы лучше знать меня, — заметил он. — Я завез тебя уже довольно далеко и теперь, когда осталось проехать всего несколько миль, не собираюсь бросать тебя.

От этого Кортни не полегчало. Она не хотела, чтобы Чандос уезжал, оставляя ее с незнакомыми людьми.

— Я думала, что ты возьмешь меня с собой в Парис, а оттуда мы поедem дальше.

— Я передумал.

— Из-за моей ноги?

— Послушай, я уезжаю всего дня на четыре, и лучше дать отдых твоей ноге.

— Но почему здесь? Почему не в Парисе? Он вздохнул:

— Я никого не знаю в Парисе, а в Аламеду я часто заезжаю по дороге на Индейскую Территорию. Я знаю Маму и могу доверить ей уход за тобой. Ты будешь в хороших руках. Кошачьи Глазки! Я бы не оставил тебя, если бы не...

— Но, Чандос...

— Черт побери! — взорвался он. — Не заставляй меня чувствовать...

Он замолчал, увидев Маму: она выходила из кухни с большим подносом, уставленным тарелками с едой.

Когда она приблизилась к их столику, Чандос встал:

— Ну, я поехал. Мама. Пусть она помоется после еды, а потом ляжет в постель.

Он направился к двери, но вдруг вернулся, поднял Кортни, обнял и поцеловал так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Я вернусь, котенок, — глухо пробормотал он. — Смотри никого здесь без меня не царапай!

Повернувшись, он вышел из ресторана. Мама смотрела на Кортни, но та уставилась на закрывшуюся дверь, едва сдерживая слезы.

Он уезжает всего на четыре дня, а она чувствует себя такой одинокой! Что же будет, когда он покинет ее навсегда, оставив в Уэйко?

Глава 32

Два дня Кортни просидела перед окном своей спальни, глядя на улицу. Когда Мама Альварес

ворчала, что ей следует лежать в постели, Кортни лишь рассеянно улыбалась, не желая спорить:

Мама хотела как лучше. Да Кортни и сама прекрасно понимала, как глупо сидеть часами у окна, когда Чандос, наверное, еще не добрался до Париса. Но она не могла валяться в постели.

Положив больную ногу на мягкий стул, она сидела в кресле и наблюдала за жизнью маленького, чуть больше Рокли, городка. Кортни о многом передумала в этой спальне. Теперь у нее не было сомнений — она любила Чандоса, и любила невероятно сильно.

Дело не только в том, что рядом с ним она чувствовала себя спокойно и надежно. Он возбуждал в ней желание, сильное и неистовое. Он становился нежным, когда она хотела нежности, и любящим, когда она хотела любви. А эта его неприступность волка-одиночки — лишь желание скрыть свою ранимость...

Но Кортни не обманывалась на его счет. Она знала, что Чандос никогда не будет принадлежать ей, как бы она ни мечтала об этом. Он не хотел постоянных отношений и ясно давал ей это понять. Если смотреть на вещи трезво, ей никогда не удастся стать его женой.

Кортни всегда сомневалась в том, что полюбит и будет любима. То, что ее сомнения подтвердились, не слишком утешало.

На второй день своего пребывания у Мама Кортни познакомилась с ее дочерью. Та вошла к ней и представилась. С первой же встречи девушки невзлюбили друг друга. Кортни — потому, что слышала, как Чандос произносил в бреду имя молодой мексиканки, а Калида Альварес знала, кто привел сюда Кортни.

Калида была красива и темпераментна. Ее черные волосы блестели, а карие глаза сверкали от злости. Четырьмя годами старше Кортни, эта страстная мексиканка источала самоуверенность, которой Кортни всегда не хватало.

Калида увидела перед собой соперницу, юную леди, светскую и сдержанную. Необычность черт ее лица, тронутого легким заггаром, поразила мексиканку. Кортни казалась рыжеватозолотистой: смуглая кожа, каштановые волосы со светлыми прядями, отливавшими бронзой, и чуть раскосые кошачьи глаза. Калида испытывала непреодолимое желание выцарапать их. Однако она решила для начала обойтись словами.

— Надеюсь, у вас есть веская причина для поездки с моим Чандосом.

— С вашим Чандосом?

— Si, с моим, — решительно подтвердила Калида.

— Значит, он живет здесь?

Мексиканка не ожидала такого вопроса и не сразу нашлась, что сказать.

— Он бывает здесь дольше, чем где-то еще.

— Это едва ли делает его вашим, — небрежно заметила Кортни. — Вот если бы вы сказали, что он ваш муж... — Она не договорила и торжествующе улыбнулась.

— Я сама отказалась выйти за него! Но стоит мне только щелкнуть пальцами, как он женится

на мне. — При этих словах она громко щелкнула пальцами.

Кортни видела, что Калида кипит от злости. Интересно, знает ли Чандос о том, как уверена в нем Калида Альварес? И есть ли у нее основания для такой уверенности?

— Прекрасно, мисс Альварес, но пока на вашем пальце нет обручального кольца, причина моей поездки с Чандосом вас не касается.

— Напротив! — громко крикнула Калида. Терпению Кортни пришел конец.

— Вы ошибаетесь, — спокойно произнесла она, несмотря на обуревавший ее гнев. — Если у вас есть и другие вопросы, вам следует обратиться с ними к Чандосу, а теперь убирайтесь отсюда!

— Puta! [4] — взвизгнула Калида. — Ладно, я с ним поговорю и позабочусь о том, чтобы он бросил тебя здесь, но только не в доме моей мамы!

Кортни с силой захлопнула за Калидой дверь и тут заметила, как у нее дрожат руки. Реальна ли угроза Калиды? Сможет ли она уговорить Чандоса оставить ее здесь? Кортни встревожилась. Калида знала Чандоса уже давно и близко. Кортни тоже знала его близко, но к Калиде он часто возвращался, а от нее явно старался отделаться.

Калида почти вбежала в салун Марио, где работала по вечерам. Хотя она и жила вместе с матерью, но была независима: делала что хотела, работала где хотела, не слушая никаких советов и не откликаясь на мольбы.

В салуне ей нравилась атмосфера всеобщего возбуждения. Там случались драки, перестрелки и скандалы, причем часто они вспыхивали из-за нее. Калида расцветала в такой атмосфере, а если уж ей удавалось стравить между собой двоих мужчин или увести мужчину у другой женщины, тогда она была просто счастлива и с упоением следила за дальнейшим развитием событий. Калида привыкла к тому, что исполнялись все ее желания.

Сейчас она была очень зла. Gringa [5] ответила на ее вопросу совсем не так, как ей хотелось. Мало того, она, похоже, ничуть не расстроилась, узнав о том, что у Чандоса есть другая женщина.

Может, между нею и Чандосом ничего и нет? Может, тот поцелуй, который видела Мама, ничего не значит? Нет, что-то все-таки есть между ними, в этом Калида не сомневалась. Чандос никогда раньше не брал женщин в поездки по прериям. Он был волком-одиночкой, потому и нравился Калиде. Кроме того, ее возбуждало ощущение опасности, которой он всегда подвергался.

Она знала, что Чандос бандит, а возможно, и преступник. Калида никогда не спрашивала его об этом, но у нее не было никаких сомнений на этот счет. К преступникам Калида питала особую слабость. Их положение вне закона, непредсказуемость, жизнь, полная опасностей, — все это возбуждало и притягивало ее. Через Аламеду проезжало много преступников. Обычно они направлялись на Индейскую Территорию, чтобы укрыться там от властей. Калида знала многих, со многими спала, но Чандос был особенным.

Он никогда не говорил, что любит ее, никогда не пытался заморочить ей голову лживыми словами, но и сам не терпел лжи. Если он говорил, что хочет ее, значит, так оно и было. Но обычные ее уловки с ним не проходили. Если Калида прибегала к хитростям, пытаясь разжечь его ревность, Чандос просто уходил.

Его холодное безразличие притягивало Калиду, и, когда он приезжал в городок, она всегда была к его услугам, даже если в это время с кем-то спала или флиртовала. И Чандос неизменно приходил к ней. Он останавливался в доме ее матери, что было очень удобно.

Чандос не любил гостиниц и, приехав в Аламеду в первый раз, уговорил Маму сдать ему комнату. Маме он сразу понравился в отличие от других мужчин Калиды. К тому же в доме пустовали комнаты братьев Калиды, которые выросли и покинули родительский кров. Мама знала, чем занимались по ночам Чандос и ее дочь. Калида водила к себе и других мужчин, даже Марио, и пожилая мексиканка давно оставила попытки образумить дочь. Калида всегда поступала только так, как ей нравилось.

И вот теперь мужчина, которого она считала только своим, привез в городок другую женщину, да еще попросил Маму приглядывать за ней. Какая неслыханная наглость!

— От чего так сверкают твои глазки, *chica* [6]?

— Это... это... — Калида умолкла, задумчиво посмотрев на Марио, и вдруг просияла. — Да нет, ничего. Плесни-ка мне виски, только не разбавляй, и я пойду обслуживать посетителей.

Калида наблюдала, как он наливает ей виски. Марио, ее дальний родственник, приехал в Аламеду девять лет назад вместе с ее семьей. До этого им пришлось сменить не один городок: местные жители крайне враждебно относились к приезжим мексиканцам, открывающим у них свой бизнес. Так они перебирались все дальше и дальше на север, пока не попали в Аламеду, где к ним отнеслись спокойно, ибо в этом городке они оказались первыми мексиканцами. Стряпня Мамы Альварес пришлась всем по душе, и никто не возражал, когда Марио открыл свой салун напротив ее ресторанчика. Салун процветал, потому что напитки Марио были хорошего качества и дешевле, чем у его конкурентов.

Иногда Калида снисходительно пускала Марио к себе в постель. Он, как и несколько других мужчин, готов был хоть сегодня вести ее под венец. Но Калида не хотела выходить замуж за Марио, хотя он был сильный, мускулистый, с бархатными карими глазами и тонкими усиками, делавшими его похожим на испанского гранда. Но она знала, что Марио труслив, он никогда не стал бы драться из-за нее.

Когда Марио протянул ей бокал виски, Калида одарила его улыбкой. В ее голове уже зрел план, который мог привести к самым разнообразным последствиям.

— Знаешь, а у мамы гостя, красавица *gringa*, — словно невзначай, сообщила она. — Вот только мама не знает, что она *puta*.

— А ты откуда знаешь?

— Девчонка сказала, что, как только заживет ее больная нога, она сразу переедет от нас к Берте и будет там работать.

Калида разожгла любопытство Марио. Он часто бывал в публичном доме Берты, хотя мог пользоваться там услугами лишь нескольких девиц. А новая проститутка, особенно красивая, конечно, будет нарасхват у Берты, и ему вряд ли удастся переспать с ней.

— Ты расскажешь матери? — поинтересовался он.

Калида пожала плечами и, сложив губки бантиком, ответила:

— А зачем? Она такая приветливая, разговорчивая, и... знаешь, мне даже жаль ее. Она в отчаянном положении. Просто не представляю, каково это: хотеть мужчину и не иметь ни одного под рукой. Бедняжке невтерпеж, понимаешь?

— Это она сама тебе сказала? Калида кивнула и, перегнувшись через стойку, прошептала:

— Она даже спрашивала меня, не знаю ли я кого-нибудь... кто мог бы ею заинтересоваться. А как ты? — Марио нахмурился, и она засмеялась, — Ну же, Марио! Я знаю, ты все равно когда-нибудь переспшишь с ней. Мне до этого нет никакого дела, querido [7]: я знаю, для тебя это просто баловство. Но согласись, лучше уж воспользоваться ею не откладывая, чем ждать, когда она попадет к Берте. Там она встретит тебя уже истасканной и усталой, а сейчас изнемогает от желания.

вернуться

4

Проститутка! (исп.)

вернуться

5

Презрительное прозвище белых американок.

вернуться

6

девочка (им.).

вернуться

7

любимый (исп.).

Сработало, она купила его! Калиду убедил в этом его взгляд. Марио возбудила одна мысль о том, что он первым в городке переспит с новой женщиной.

— А как же твоя мама? — спросил он.

— Подожди до завтрашнего вечера. Энн Харвел пригласила маму на день рождения, и она уйдет, как только ресторан покинет последний посетитель. Конечно, она не задержится допоздна, ведь утром мама собирается в церковь. Главное — не шуми, и тогда, уверена, gringa захочет, чтобы ты остался с ней на всю ночь. А уйдешь утром, когда мама будет в церкви.

— Ты скажешь девушке, что я приду?

— Нет, Марио, — Калида усмехнулась, — устроим ей сюрприз. Мне не хочется, чтобы она

чувствовала себя в долгу передо мной. Ты только постарайся объяснить ей причину своего визита до того, как она закричит.

"И, — продолжила Калида про себя, — если все пойдет как надо, то Чандос вернется как раз вовремя, чтобы порадоваться этому сюрпризу. Вот будет веселая сценка! Неплохо бы увидеть все это». Но даже мысль об этом согревала ее.

Глава 33

Квадрат желтого света падал на узкую грязную улочку перед маленьким домиком. В этот вечер здесь было тихо: по субботам народ собирался и шумел на главной улице городка, далеко отсюда.

Чандосу сказали, что на этой улочке живут в основном девушки-танцовщицы и одна из них, Лоретта, — женщина Уэйда Смита.

Чтобы найти ее, Чандос потратил чертову уйму времени, ведь Смит жил в Парисе под другим именем и, находясь в розыске, старался не привлекать к себе излишнего внимания. Здесь, в городке, мало кто знал человека по имени Уилл Грин.

Конечно, Уилл Грин мог оказаться вовсе не тем, за кем охотился Чандос, и все-таки, похоже, на этот раз удача улыбнулась ему. Он постоял в тени на другой стороне улочки, наблюдая за домиком, потом двинулся к крыльцу, прижав к боку револьвер. Сердце сильно билось от приятного возбуждения. Приближалась развязка, о которой Чандос так долго мечтал. Еще немного, и он встретится лицом к лицу с убийцей сестры.

Прокравшись к двери, Чандос осторожно повернул ручку — не заперто. Приложившись ухом, прислушался: ничего, только кровь стучала у него в висках.

Он опять медленно повернул ручку, затем быстро толкнул дверь ногой. От удара задрожала вся передняя стена домика. С полки посыпалась посуда, одна чашка выкатилась на середину грязного пола. Светловолосая девушка посмотрела с постели на дуло револьвера.

Под тонкой Простыней вырисовывались маленькие, едва сформировавшиеся груди. Чандос видел, что ей от силы тринадцать-четырнадцать лет. Может, он ошибся домом?

— Лоретта?

— Да?

Девочка съежилась от страха.

Чандос шумно вздохнул. Он не ошибся — это тот самый дом! Ему следовало бы помнить, что Смит питал пристрастие к юным девочкам.

Она была избита, и сильно. Одна сторона лица потемнела и распухла, на другой чернел заплывший глаз. От ключицы до левого плеча тянулся огромный страшный синяк, на обеих руках выше локтя вкруговую виднелись мелкие — следы жестокой хватки. О том, как выглядит ее тело, скрытое под простыней, Чандос не хотел даже думать.

— Где он?

— К... кто? — испуганно спросила она трогательным детским голоском, и Чандос вдруг понял,

каким страшным кажется он ей сейчас: заросший щетиной — он не брился с тех пор, как расстался с Кортни, — и с револьвером в руке, по-прежнему нацеленным на девушку.

Убрав револьвер в кобуру, он сказал:

— Я тебя не трону. Мне нужен Смит. Она напряглась. Страх сменился гневом, и в открытом глазу вспыхнул злобный огонек.

— Вы опоздали, мистер. Я сдала подонка. Он избил меня в последний раз.

— Он в тюрьме? Она кивнула:

— Да, черт возьми! Я знала, что в городок приехал рейнджер, иначе не стала бы его сдавать. Местной тюрьме я не доверяю — он оттуда запросто сбежал бы. Поэтому через своего друга Пеппера я попросила рейнджера зайти полюбоваться на меня и сообщила ему, кто такой Уэйд. Видите ли, Уэйд рассказывал мне о той девушке, которую убил в Сан-Антонио. Он пригрозил мне однажды, что точно так же убьет и меня, и я ему поверила.

— И рейнджер забрал его? — спросил Чандос, стараясь не выказывать своего нетерпения.

— Да. Он пришел сюда позже вместе с шерифом и схватил Уэйда со спущенными штанами. Мерзавец хотел меня даже в таком виде. Думаю, так я ему нравилась даже больше.

— И когда это было?

— Три дня назад, мистер.

Чандос застонал. Черт побери, всего три дня! Если бы его не укусила змея, если бы за Кортни не погнались наемные охотники за людьми, он не опоздал бы на встречу с подонком.

— Если вы хотите увидеться с ним, мистер, — продолжала Лоретта, — вам надо поторопиться. Этот рейнджер все знает об Уэйде. Он сказал, что в Сан-Антонио против него достаточно улик и его повесят сразу после скорого суда.

Чандос не сомневался в этом. Он был в Сан-Антонио вскоре после того убийства и все о нем слышал. Там он впервые потерял след Смита.

Чандос кивнул:

— Спасибо, малышка.

— Я не малышка, — сказала она. — Во всяком случае, накрашившись, я выгляжу старше. Вот уже год я работаю в танцзалах.

— Надо бы запретить это законом.

— Да что вы говорите? — язвительно спросила она. — Бандит-проповедник — неслыханно! — Увидев, что Чандос уходит, Лоретта окликнула:

— Эй, мистер! Вы не сказали, почему вы разыскиваете Уэйда.

Чандос оглянулся и посмотрел на нее. Девушка не понимает, как ей повезло, подумал он, ведь она могла стать очередной жертвой Смита.

— Я разыскиваю его за убийство, малышка.

Та девушка из Сан-Антонио не единственная, кого он убил.

Даже стоя у двери, он заметил, как руки ее покрылись мурашками.

— Но... вы же не думаете, что он сбежит от рейнджера?

— Нет.

— Может, мне лучше уехать отсюда, когда заживут ребра? — задумчиво проговорила она.

Чандос вышел и, закрыв глаза, привалился к двери маленького домика. Что теперь делать? Догонять рейнджера? Даже если это ему удастся, законник не отдаст Смита по доброй воле. Придется применить силу, а убивать его Чандосу не хотелось. За что? Человек только выполняет свой долг. Он никогда не убивал невинных людей и не собирался делать это сейчас.

И как же его Кошачьи Глазки? Если он не вернется в Аламеду через четыре дня, как обещал, она решит, что он обманул ее. Она может даже попытаться уехать в Уэйко одна.

Конечно, это было бы Чандосу только на руку, но такой вариант ему совсем не нравился. Как же, черт возьми, случилось, что эта девушка стала самой главной его заботой?

Чандос пошел к конюшне, раздраженный неудачей. Но нет, нельзя списывать Смита со счетов лишь потому, что он опять ускользнул от него. Ничего, он сначала отвезет Кортни в Уэйко, а оттуда двинется в Сан-Антонио. Он не отдаст Смита палачу-висельнику. Подонок должен умереть от его руки!

Глава 34

В субботу днем Кортни писала письмо Матти. Она уехала из Рокли три недели назад. Господи, неужели прошло всего три недели? А кажется, минуло уже несколько месяцев.

Ей хотелось сообщить подруге, что она не жалеет о своем решении. Мама Альварес заверила Кортни, что через Аламеду в Канзас проезжает много народу и нетрудно найти человека, который захватит ее письмецо.

Кортни подробно описала Матти свои дорожные приключения, но не упомянула о том, что влюбилась в своего спутника. В конце письма она выразила надежду, что найдет отца.

По словам Мама Альварес, отсюда до Уэйко было меньше недели езды, и значит, скоро Кортни выяснит, гоняется ли она за призраком, или интуиция не обманула ее. Кортни старалась не думать о дурном, чтобы не впадать в уныние. Ведь если она не найдет отца, ей придется мыкать горе в Уэйко одной и без денег — все, что у нее осталось, она должна отдать Чандосу. Кортни не представляла, что ее ждет в таком случае.

День прошел тихо. Кортни не сидела уже у окна в ожидании Чандоса. Она хотела было спуститься в ресторан пообедать, но Мама запретила ей это делать, напомнив, что Чандос велел лежать в постели и не напрягать ногу. С ногой уже было лучше, Кортни даже могла немного наступать на нее и передвигаться без костыля, но спорить с Мамой не стала. Мама Альварес искренне заботилась о ней и была сама доброта в отличие от своей злобной дочери.

Расспросив пожилую мексиканку, Кортни узнала, что Калида работает по ночам в салуне,

разносит напитки — только это, заверила ее Мама, но Кортни почувствовала, что та не одобряет занятий дочери. Она несколько раз повторила, что Калиде вообще незачем работать и все дело в ее капризе.

— Упрямица. Моя nifia **[8]** — упрямица. Но она уже взрослая, что я могу с ней поделаться?

Кортни понимала, что можно пойти работать, желая приносить пользу, ради лишних денег в конце концов, но работать в салуне при том, что в этом нет никакой необходимости?

Близился вечер, и Кортни, поздравив себя с тем, что этот день обошелся без неприятной встречи с Калидой, забыла о ней.

Спать она легла рано. В доме было тихо Мама ушла в гости, а Калида работала. Зато на улице шумели вовсю. В этот субботний вечер Аламеда ничем не отличалась от других пограничных городков. Мужчины гуляли всю ночь напролет, зная, что завтра воскресенье и можно отоспаться. Немногие жены тащили мужей с утра пораньше в церковь.

Кортни улыбнулась, вспомнив, как часто видела в церкви Рокли клюющих носом мужчин (заплывшими красными глазами. Наверное, здесь, в Аламеде, то же самое.

Наконец она заснула. Ей снился неприятный сон. Было больно, какая-то тяжесть давила на грудь. Она плакала, воздуха не хватало. А потом появился Чандос и велел ей перестать плакать, успокоив ее так, как умел только он один.

Он целовал ее, и Кортни, проснувшись, поняла, что все это происходит наяву. Значит, это он давил на нее во сне. Кортни не задумалась над тем, почему он не разбудил ее, полностью отдавшись упоительной радости — он опять хочет ее! Он так редко отдавался этому желанию!

Она обвила руками его шею, крепче притянув к себе. Усы защекотали ей лицо, и Кортни похолодела.

— Ты не Чандос! — крикнула она дрожащим от ужаса голосом, отчаянно пытаясь освободиться.

Рука мужчины закрыла ей рот, а бедра вдавились в ее живот. Кортни почувствовала твердую мужскую плоть. Да он голый! Кортни закричала, но его ладонь заглушила крик.

— Ш-ш-ш... Dios! — Она укусила его руку, он резко отдернул ее, но тут же опять закрыл ей рот. — Что с тобой, женщина? — раздраженно прошипел он.

Кортни пыталась заговорить, но мешала его рука.

— Нет, я не Чандос, — сердито сказал он. — А что ты хотела от него? Он muy violento **[9]**. И его здесь нет. Вместо него я, si?

Она с такой яростью потрясла головой, что почти сбросила его руку.

— Ты не любишь мексиканцев? — резко спросил он, и Кортни, испугавшись его грозного тона, застыла.

— Калида сказала мне, что тебе нужен мужчина, — продолжал он. — Она утверждала, что ты непривередлива. Вот я и пришел, чтобы услужить тебе, я не собираюсь брать тебя силой. Может, хочешь сначала взглянуть на меня? Поэтому ты так недовольна?

Потрясенная Кортни кивнула.

— Ты не будешь кричать, если я уберу руку? — спросил он, и Кортни снова кивнула.

Он слез с Кортни и, не спуская с нее глаз, осторожно поднялся с кровати. Она не издала ни звука, и он немного успокоился.

Кортни знала, что кричать бесполезно. В доме нет ни души, а на улице так шумно, что никто не услышит ее. Она осторожно сунула руку под подушку и нащупала револьвер. Эта привычка спать с оружием осталась после поездки по тропе — спасительная привычка! Конечно, она не собиралась пускать револьвер в ход, надеясь, что до этого не дойдет.

Он чиркнул спичкой и теперь осматривался в поисках лампы. Кортни в это время натянула на себя простыню и нацелила на него револьвер. Увидев оружие, он застыл на месте и затаил дыхание.

— Не бросайте спичку, мистер, — предупредила Кортни, — если свет погаснет, я выстрелю.

Кортни почувствовала, как кровь потеплела у нее в жилах. Власть, которую давало оружие, пьянила. Она никогда не выстрелит, но он-то этого не знал. Зато Кортни уже не боялась, твердой рукой держа револьвер.

— Зажгите лампу, только без резких движений... медленно, медленно, вот так, — потребовала она. — Теперь можете задуть спичку. Хорошо. Ну а теперь говорите, кто вы такой, черт возьми?

— Марио.

— Марио? — Кортни нахмурилась. — Где-то я уже слышала?..

Вспомнила! В ту ночь, в бреду, Чандос упоминал это имя. Что же он говорил? А, чтобы Калида шла в постель к Марио...

— Значит, ты дружок Калиды? — презрительно спросила она.

— Мы родственники.

— Ах, еще и родственники? Очень мило! Ее тон еще больше встревожил Марио.

— Моя одежда, сеньорита... Можно я оденусь? Кажется, я ошибся.

— Нет, Марио, ты не ошибся, это твоя родственница ошиблась. Да, конечно, одевайся! — Она почувствовала бешенство. — И поживее!

Он торопливо начал одеваться, и Кортни принялась разглядывать его. Это был крупный мужчина — не столько высокий, сколько мускулистый, с очень широкой грудью. Неудивительно, что она чуть не задохнулась под его тяжестью. Боже, да он мог переломить ее как тростинку. И уж конечно, запросто овладел бы ею, если бы захотел взять ее силой. Слава Богу, он оказался не таким уж негодяем.

— Ну, я пойду, — с надеждой в голосе проговорил он. — Если позволите, конечно.

Это было сказано в расчете на то, что Кортни опустит револьвер. Но она не сделала этого — Минуточку, Марио. Что именно сказала тебе Калида?

— Солгала, я думаю.

— Не сомневаюсь, но что именно? Марио решил не запереться:

— Она сказала, что вы проститутка, сеньорита, и приехали в Аламеду работать в заведении Берты.

Щеки Кортни запылали огнем.

— Что это за заведение? Публичный дом?

— Si, и очень хороший.

— А что же тогда я делаю здесь, если мне следует находиться там?

— Калида сказала, будто у вас что-то с ногой.

— Это правда.

— Она сказала, что вы поживете здесь с ее мамой, пока не поправитесь.

— А что еще она сказала тебе. Марио? Выкладывай!

— Боюсь, вам это не понравится.

— Говори! — решительно потребовала Кортни.

— Она сказала, что вам нужен мужчина, сеньорита, что вам... тяжело ждать, пока... пока вы переедете к Берте. Она говорила, что вы просили ее подыскать вам мужчину, что вам... невтерпеж.

— Боже, зачем все это вранье? — взорвалась Кортни. — Она так и сказала — «невтерпеж»?

Он энергично закивал, не сводя с нее испуганных глаз. Гнев исказил ее лицо, а дуло револьвера по-прежнему было направлено ему в самое сердце.

Но тут она удивила его.

— Можешь идти! Нет, не возись с сапогами! Возьми, потом наденешь. Да, и еще, Марио, — остановила она его в дверях. — Если ты еще раз появишься в моей комнате, я прострелю тебе башку.

В этом он не сомневался.

Глава 35

Калида всю ночь прождала Марио в салуне, но он так и не вернулся. Когда салун закрылся, она пошла к нему и ждала его там. Часа в четыре утра она наконец заснула.

Кортни тоже ждала, когда вернется Калида. Она мерила шагами комнату, все больше вскипая от гнева. Она слышала, как в десять часов вернулась из гостей Мама, но после этого дом затих. Тогда она легла спать. Не идти же в салун искать Калиду!

В воскресенье утром и Калида, и Кортни проснулись рано, хотя обе почти не спали ночь. Для Калиды это был почти подвиг — она привыкла вставать поздно. Но ей не терпелось узнать, чем

закончилась история, которую она вчера так ловко подстроила.

Марио так и не вернулся, из чего она заключила, что он соблазнил gringa и провел с ней всю ночь Отлично! Теперь оставалось подумать о том, как преподнести эту новость Чандосу. Самодовольно улыбаясь, она вышла из салуна.

Марио видел, как она, пританцовывая, шла по улице. Он и любил эту ruta, и ненавидел. Ну ничего, она сыграла с ним последнюю шутку! Марио знал, о чем она сейчас думает. Он нарочно не вернулся домой, чтобы смешать ей карты. Он знал, что она будет поджидать его там со своими расспросами, поэтому пошел к Берте и напился В эту ночь он не сомкнул глаз Теперь Марио засыпал на ходу. С рассвета он стоял у окна борделя, ожидая появления Калиды Заведение Берты находилось на окраине городка, и оттуда четко просматривалась вся улица.

вернуться

8

девочка, детка (исп.).

вернуться

9

очень жестокий (исп.).

Пятнадцать минут назад он видел, как в ломе его родственников распахнулось окно спальни gringa. Значит, она уже встала А пять минут назад из дома вышла Мама и направилась в церковь.

Марио много отдал бы сейчас, чтобы попасть в дом и посмотреть, что будет. Но он был счастлив уже от того, что в первый раз коварные планы Калиды провалились. И поделом ей! Знала бы, каково это — стоять под дулом револьвера разъяренной женщины! Наконец он оставил свой наблюдательный пост и пристроился в кровати рядом с храпевшей шлюшкой.

Кортни стояла в кухне у плиты и наливала себе кофе, приготовленный Мамой перед уходом в церковь. Кровь в ней кипела. Всякий раз при мысли о том, что могло случиться ночью, ее обуревала ярость.

Войдя в кухню и застав там Кортни, Калида удивленно округлила глаза. Она не ожидала увидеть ее в столь ранний час.

Мексиканка прошла вперед, небрежно покачивая бедрами. Заметив осунувшееся и усталое лицо Кортни, она понимающе усмехнулась.

— Как провела ночку, ruta? — спросила она, хихикая. — Марио еще здесь?

— Марио ушел, — тихо и спокойно произнесла Кортни. — Он испугался, что я его пристрелю. Усмешка сползла с лица Калиды.

— Врешь! Где ему быть, как не здесь? Домой он не приходил.

— Наверное, он в постели у какой-нибудь другой женщины. В этом доме он не добился ничего.

— Ну как же, рассказывай! Вот только поверит ли в это Чандос? — язвительно заметила Калида.

Тут Кортни все поняла. Значит, она задумала все это из-за Чандоса! Как же она сразу не догадалась!

Размахнувшись, она влепила затрещину Калиде. Калида взревела, и женщины набросились друг на друга. Спустя мгновение они уже катались по полу. Калида имела большой опыт по части потасовок и не гнушалась грязными средствами. Кортни же никогда не дралась, но, давая выход захлестнувшей ее злости, делала это яростно и отчаянно.

Она еще два раза хлестнула Калиду по лицу, вторым ударом расквасив ей нос. Но Калида так сильно пнула ее коленом в живот, что Кортни ослабила хватку. Мексиканка вскочила на ноги и бросилась к кухонному шкафчику. Кортни тоже поднялась, и в этот момент Калида повернулась — с ножом в руке и диким ликованием во взгляде.

Кортни застыла на месте, почувствовав, как волосы зашевелились у нее на голове.

— Ну, что же ты встала? — насмешливо бросила Калида. — Ты хотела моей крови. Так иди и возьми ее!

Кортни смотрела, как нож совершал завораживающие движения в руке у соперницы. Уйти? Но тогда Калида почувствует себя победительницей. Нельзя оставить без ответа ее подлые выходки. Расквашенный нос — слабая расплата. Честь повелевала Кортни выиграть этот бой.

Калида, заметив колебания Кортни, решила, что та сдалась, и прыжок девушки застал ее врасплох. Кортни быстрым движением схватила руку, державшую нож.

У Калиды помутилось в голове. Она не собиралась убивать gringa, хотя та первая напала на нее. Она мексиканка, и за убийство ее повесят. А вот gringa запросто могла убить Калиду, и по глазам Кортни было видно, что, попади нож ей в руки, она не преминет им воспользоваться.

Калида испугалась. Эта девушка сумасшедшая. Кортни крепче сжала руку мексиканки и подступила к ней вплотную.

— Брось нож! — раздался мужской голос. В дверях стоял Чандос, и взгляд его метал молнии.

— Я сказал — брось чертов нож! Нож со стуком упал на пол, и девушки отпрянули друг от друга. Калида начала оправлять одежду и вытирать с лица кровь. Кортни стояла растерянная и смущенная, не смея взглянуть в глаза Чандоса: ей было ужасно стыдно, что он застал ее врасплох.

— Я жду объяснений, — сказал Чандос. Кортни взглянула на Калиду, но та, тряхнув головой, отвернулась. Ложь помогала ей выкрутиться из любой ситуации.

— Эта gringa, которую ты привез сюда, напала на меня! — с жаром воскликнула она.

— Это правда, Кортни?

Кортни изумленно уставилась на него, не веря своим ушам.

— Кортни? — повторила она. — Ты назвал меня Кортни? Почему? Почему сейчас?

Он вздохнул и, бросив у двери свои седельные сумки, медленно подошел к ней.

— Что с тобой, черт возьми? Ты вся кипишь.

— Она ревнует, querida, — промурлыкала Калида.

Кортни задыхнулась от злости:

— Она врет! Если ты, дрянь, собираешься врать, тогда мне придется рассказать ему правду!

— Тогда расскажи ему, как ты вышвырнула меня из своей комнаты, когда мы только познакомились, — поспешила вставить Калида. — Она так ужасно вела себя со мной, Чандос! Я только спросила, зачем она сюда приехала, а она стала кричать, что это не мое дело.

— Как я помню, в тот день кричала только ты, — огрызнулась Кортни.

— Я? — Калида удивленно округлила глаза. — Я пришла познакомиться с тобой и...

— Заткнись, Калида! — взревел Чандос. Его терпение истощилось. Схватив Кортни за руки, он привлек ее к себе. — Леди, говори, и поскорей! Я скакал всю ночь и умираю от усталости. У меня нет никакого желания пробираться сквозь дебри лжи в поисках правды. Рассказывай, что случилось.

Чувствуя себя загнанным зверьком, Кортни пошла в наступление:

— Ты хочешь знать, что случилось? Ладно, я расскажу! Вчера вечером я проснулась и обнаружила в своей постели мужчину — такого же голого, как и я. Это твоя... твоя любовница подслала его ко мне!

Он крепче сжал ее руки, но голос его был так ласков.

— Он обидел тебя?

Гнев иссякал. Кортни знала, что Чандос сейчас в жуткой ярости, но все же сразу задал именно этот вопрос.

— Нет.

— Как далеко он?..

— Чандос!

Она не желала говорить об этом в присутствии Калиды, но Чандос уже терял самообладание.

— Как же крепко ты спала, если ему удалось снять с тебя одежду во сне? — спросил он. — Я спрашиваю, как далеко?..

— Господи! — вскричала она. — Да я сама разделась, ложась спать. В комнате было жарко, а на улице шумели, и я закрыла окно. Я спала, когда он ко мне пробрался. Думаю, он пришел в одежде, но снял ее перед тем, как залезть на меня.

— Как далеко он?..

— Он только целовал меня, Чандос! — воскликнула она. — Как только я почувствовала его усы,

я поняла, что это... — Она запнулась и закончила шепотом:

— Что это не ты.

— Дальше? — помолчав, потребовал Чандос.

— Ну я, конечно, стала сопротивляться. Он этого не ожидал. Когда он встал, чтобы зажечь лампу, я достала револьвер. С испугу он во всем признался.

Оба обернулись и посмотрели на Калиду.

— Хорошо сочиняешь, gringa, — сказала мексиканка, — но Марио не пришел домой вчера ночью. Где же он был, если не у тебя?

Отстранив Кортни, Чандос повернулся к Калиде, буравя ее взглядом. Таким Калида его еще не видела. Поняв, что он не верит ей, она стала нервно заламывать руки.

— Марио? — гневно спросил он. — Ты подслала к ней Марио? Калида попятилась.

— Подслала? Нет, нет! — поспешно ответила она. — Я только сказала ему, что она здесь, и предложила зайти познакомиться или как-то развлечь ее — а то она все сидела одна. Если gringa пригласила его к себе в постель, то я тут ни при чем.

— Врешь, дрянь! — Кортни задохнулась от ярости.

Но Чандос не был столь легковверен. Резко выбросив вперед руку, он сомкнул пальцы на горле Калиды.

— Следовало бы свернуть тебе шею, стерва! — прорычал он в ее искаженное страхом лицо. — Женщина, на которую ты посмела обратить свою злобу, находится под моей защитой. Я думал, здесь единственное место, где я могу спокойно оставить ее. Но ты затеяла грязные игры, и теперь мне придется убить человека, против которого я ничего не имею.

Калида побледнела.

— Убить его? — вскричала она. — Но за что? Он же ничего не сделал! Она сама сказала, что он ничего не сделал!

Чандос отшвырнул ее от себя.

— Он ворвался к ней в комнату и напугал. Он прикасался к ней. Этого достаточно.

Он пошел к двери, но Кортни бросилась за ним и поймала его за рукав. Страх, гнев и волнение обуревали ее.

— Ты слишком серьезно относишься к своим обязанностям, Чандос. Я, конечно, ценю это, но ведь я и сама могла застрелить его, если бы захотела.

— Ты не сделала бы этого, Кошачьи Глазки, — серьезно заметил он.

— Ты в этом так уверен? — возразила Кортни. — Но ты не можешь убить Марио, Чандос! Он ни в чем не виноват. Она наврала ему, что я приехала сюда работать у Берты. Она сказала ему, что я... проститутка и мне нужен мужчина. Что мне... мне... — Ярость опять охватила ее. — Невтерпеж! — Чандос поперхнулся. — Не смей смеяться! — крикнула она.

— А я и не думал!

Кортни подозрительно посмотрела на него. Ладно, пусть веселится! По крайней мере лицо его уже не выражало решимости убийцы.

— Ну так вот, она наплела ему все это, и он пришел ко мне, чтобы... ну... услужить мне, понимаешь?

— Ну что ж, если хочешь, можешь расценивать это так.

— Не надо иронизировать, Чандос. Все еще благополучно закончилось. Даже узнав, что я его не хочу, он мог взять меня силой. Но он же не сделал этого!

— Ну ладно. — Чандос вздохнул. — Я не буду его убивать. И все же мне надо уладить кое-какие дела. Жди меня у себя. — Заметив тревогу во взгляде Кортни, он нежно дотронулся до ее щеки. — Не волнуйся, Кошачьи Глазки. Я не сделаю ничего такого, что тебе неприятно. А теперь приведи себя в порядок и отдохни. Тебе не мешает немного поспать. Я ненадолго.

Голос Чандоса успокоил Кортни, а его прикосновение сказало, что ей больше не о чем беспокоиться. Она вышла из кухни, оставив его наедине с Калидой.

Глава 36

Едва Кортни переступила порог своей комнаты, как тут же ощутила последствия драки с Калидой: больная нога заныла с новой силой. Она проковыляла к маленькому овальному зеркальцу, висевшему над комодом, и, взглянув на свое лицо, застонала. О Боже, Чандос видел ее в таком виде! Какой кошмар!

Волосы в беспорядке, платье залито кофе и в нескольких местах порвалось, в одной из прорех на плече видны три полукруглые ранки с запекшейся кровью. На шее тоже засохшая кровь. В уголке глаза и за ухом царапины.

Кортни знала, что позже проступят синяки. Проклятая Калида! Хорошо, что Чандос поверил Кортни и увидел наконец всю низость своей бывшей любовницы. Теперь-то он вряд ли захочет переспать с ней. Эта мысль доставила Кортни злорадное удовольствие.

Прежде всего следовало принять ванну, и она опять спустилась в кухню. Чандоса и Калиды там уже не было. Пока грелась вода для ванны, Кортни подтерла на полу лужицу пролитого в драке кофе. Тут пришла из церкви Мама и помогла Кортни занести ванну наверх. Кортни ни словом не обмолвилась о случившемся, сообщив только, что Чандос вернулся.

Когда она вымылась и собиралась выливать воду из ванны, появился Чандос. Вошел он, разумеется, не постучав, но Кортни уже привыкла к его бесцеремонности.

Его вид напугал ее. Почти такой же встрепанный, какой была она сама после драки с Калидой, он, пригнувшись, держался за бок.

— О, это именно то, что мне надо! — сказал он, взглянув на ванну с водой.

— Полагаю, ты не собираешься мне ничего рассказывать? — сухо спросила она.

— А нечего рассказывать, — проговорил он и, вздохнув, добавил:

— Я его не убил. Но и спустить это ему не мог. Калида улизнула из кухни сразу же после твоего ухода, иначе я задушил бы ее.

— Но, Чандос, ведь Марио ничего не сделал!

— Он прикасался к тебе.

Такой ответ позабавил Кортни. Подумать только, какой собственник!

— И кто же победил?

— Считай, ничья, — сказал он, со стоном присаживаясь на кровать. — Но, кажется, сукин сын сломал мне ребро.

Кортни поспешила к нему и потянулась к пуговицам на его рубашке.

— Дай посмотрю!

Но она не успела до него дотронуться: схватив Кортни за руку, он вопросительно взглянул на нее. В его голубых глазах было столько чувства, что она растерялась, не совсем понимая, что творилось сейчас в его душе.

Кортни отступила на шаг.

— Ты хотел принять ванну, — смущенно проговорила она. — Мойся, я выйду.

— Можешь остаться. Я верю, что ты не будешь подглядывать.

— Вряд ли это удобно...

— Останься, черт возьми!

— Хорошо.

Кортни повернулась и пошла к окну. Придвинув стул к подоконнику, она села, напряженно выпрямив спину и стиснув зубы, и стала молча ждать.

— Как твоя нога? — спросил он.

— Лучше. Он нахмурился:

— Не дуйся. Кошачьи Глазки! Просто я не хочу, чтобы ты без меня наткнулась на Калиду.

Слыша, как падает на пол одежда, Кортни рассеянно смотрела в окно. Люди возвращались из церкви, двое мальчишек самозабвенно гоняли мяч, маленькая девочка бегала за собакой. Кортни видела все как бы сквозь пелену тумана. Сапоги Чандоса со стуком упали на пол, и она вздрогнула.

Его стремление охранять ее и всегда держать в поле зрения, конечно, весьма похвально, но сейчас Кортни не могла оценить его заботу. Знал ли он о том, что она, сидя у окна, мысленно представляла себе каждое его движение? Сердце чуть не выпрыгивало из груди от волнения.

Послышался всплеск воды и его шумный вздох. Вода, наверное, уже остыла, и Кортни, решив, что ему холодно, вообразила, как растирает его тело.

Она вскочила со стула. Как он смеет подвергать ее этой пытке? Ей казалось, словно ее поджаривают на медленном огне. А он беззаботно плещется в ванне, даже не подозревая о том, как ей плохо. Бесчувственное животное!

— Сядь, Кошачьи Глазки. А еще лучше полежи. Его глубокий глухой голос заставил ее затрепетать. Кортни села.

«Думай о чем-нибудь другом, Кортни... о чем-нибудь другом!»

— Ты сделал то, что хотел, в Парисе? — слабым голосом пробормотала она.

— Нет, теперь мне придется ехать в Сан-Антонио.

— До или после того, как отвезешь меня в Уэйко?

— После, — отозвался он. — Но мне надо торопиться, поэтому поедem быстро. Выдержишь?

— А разве у меня есть выбор?

Кортни поежилась, поняв, что в ее голосе прозвучала обида. Но что она могла с собой поделаться? Она была уверена: Чандос придумал Сан-Антонио, чтобы поскорее избавиться от нее.

— Что случилось. Кошачьи Глазки?

— Ничего, — холодно отозвалась она. — Мы едем сегодня?

— Нет, мне надо отдохнуть. И потом, по-моему, ты не выспалась прошлой ночью.

— Ты прав. Помолчав, он спросил:

— Не найдется у тебя чего-нибудь, чтобы перевязать мне ребро?

— Например?

— Нижняя юбка подойдет.

— Только не моя, — возразила она. — У меня их всего две. Пойду спрошу у...

— Нет-нет, не беспокойся, — оборвал ее Чандос. — Может, никакого перелома и нет, а только ушиб.

Господи, неужели ей даже на минутку нельзя выйти из комнаты?

— Я что, наказана, Чандос? Почему ты не выпускаешь меня?

— Я думал, ты уже привыкла оставаться со мной наедине. Кошачьи Глазки. С чего это вдруг ты испугалась?

— С того, что неприлично сидеть рядом с тобой, когда ты моешься! — взорвалась Кортни.

— Если тебя беспокоит только это, то я уже помылся.

Кортни оглянулась. Ванна была пуста, а Чандос сидел голый на краю постели. Вокруг бедер он обмотал полотенце. Ее глаза опять метнулись к окну.

— Господи, может, ты хотя бы накинешь на себя что-нибудь?

— Кажется, я оставил свои вещи внизу, в кухне.

— Я принесла твои сумки наверх, — сухо сказала она. — Они там, у комода.

— Не будь же такой бессердечной! Я так устал, что вряд ли смогу шевельнуться.

Кортни вдруг догадалась, что он разыгрывает ее, но и виду не подала. Нахмурившись, она сходила за его седельными сумками и поставила их на кровать, все так же старательно отводя от него глаза.

— Если ты так устал, — сказала она, — ложись спать на моей кровати. А я переночую в другой комнате.

— Нет, — отрезал он, — на этой кровати вполне можно устроиться вдвоем.

Она прерывисто вздохнула:

— Это не смешно!

— Знаю.

Тут Кортни посмотрела на него в упор:

— Зачем ты это делаешь? Если думаешь, что я смогу уснуть рядом с тобой, значит, ты просто ненормальный.

— Ты же еще никогда не занималась любовью в постели, а. Кошачьи Глазки?

Он так улыбнулся ей, что у Кортни перехватило дыхание и подогнулись колени. Она поспешно облокотилась о стойку кровати.

Чандос встал. Полотенце соскользнуло с его бедер, и у нее не осталось никаких сомнений в серьезности его намерений. Гладкое тело Чандоса блестело от влаги, и ей безумно хотелось броситься в его объятия.

Однако Кортни не сделала этого, хотя желала немедленно слиться с ним в порыве страсти. Но выносить его холодное безразличие, которое, как она знала, ждет ее после, Кортни больше не могла.

— Иди сюда, киска. — Он нежно приподнял пальцами ее лицо. — Ты все утро шипела, а теперь помурлычь для меня!

— Не надо, — прошептала она, но его губы уже коснулись ее губ.

Чандос провел пальцами по ее губам. Тело ее невольно устремилось к нему.

Он понимающе улыбнулся:

— Прости, котенок! Я не хотел этого, ты знаешь.

— Тогда не делай этого! — взмолилась она.

— Это выше моих сил. Если бы ты научилась хоть немного скрывать свои чувства, мне было бы легче справиться с собой. Но зная, что ты меня хочешь, я просто теряю разум.

— Это нечестно!

— Думаешь, мне нравится терять власть над собой?

— Чандос, пожалуйста...

— Я хочу тебя, но это еще не все. — Он притянул Кортни ближе и обжег губами ее щеку. — Он прикасался к тебе. Мне нужно стереть это из твоей памяти. Я должен это сделать.

Разве можно было после этого сопротивляться? Его слова говорили о том, как много она для него значит, хотя Кортни знала, что он никогда не при-, знается в этом.

Глава 37

Мерцающие алмазы звезд рассыпались по черному бархату ночного неба. Где-то вдали глухо мычал скот, а еще дальше подала голос рысь. Ночь была ветреной, но не очень холодной. Впереди на холме легкий ветерок покачивал ветви деревьев.

Лошади с трудом преодолели подъем и встали под деревом. Внизу простиралась плоская равнина, усеянная десятками дрожащих огоньков. Кортни вздохнула.

— Что это за город?

— Это не город. Это ранчо «Бар М».

— Но оно кажется таким большим!

— Оно такое и есть, — сказал Чандос. — Флетчер Стратон все делает большим.

Это имя было знакомо Кортни. Она помнила его по той газетной статье, где видела на фотографии отца. Флетчер Стратон владел ранчо, а его люди поймали угонщика скота и привезли его в Уэйко на суд.

Чандос спешил и обошел ее лошадь.

— Почему мы остановились? — спросила Кортни. — Ты же не собираешься устраивать здесь привал, раз уж отсюда до Уэйко рукой подать?

— До города добрых четыре мили. Он обхватил ее за талию и снял с лошади. С тех пор, как они уехали из Аламеды, он не делал этого, да и вообще не подходил к ней близко.

Как только ноги ее коснулись земли, Кортни сразу же убрала руки с его плеч. Но его руки остались у нее на талии.

— Разве мы не можем поехать в Уэйко? — осторожно спросила она.

— Я не собираюсь устраивать здесь привал, Кошачьи Глазки, — ласково ответил он. — Просто я хочу попрощаться.

Кортни ошеломленно застыла:

— Ты... ты не проводишь меня в Уэйко?

— Я и не собирался этого делать. В городе есть люди, с которыми я не хочу встречаться. И все же я не могу бросить тебя в Уэйко на произвол судьбы.

Мне надо знать, что ты с кем-то, кому я могу доверять. На ранчо «Бар М» есть одна леди, мы с ней друзья, на нее можно положиться.

— Ты оставляешь меня с еще одной своей любовницей? — изумленно вскричала она.

— Нет, черт возьми! Маргарет Роули — домоправительница Стратона, английская леди, сердечная, добрая женщина.

— Маленькая старушка? — язвительно спросила Кортни.

Чандос не обратил внимания на ее колкость.

— Не советую тебе называть ее так. Однажды, когда я сделал это, она надавала мне оплеух.

У Кортни засосало под ложечкой, и противный комок опять начал подкатывать к горлу. Значит, он бросает ее! Вот так просто — возьмет и уйдет из ее жизни! А она-то надеялась, будто что-то значит для него!

— Не смотри на меня так. Кошачьи Глазки! Чандос отвернулся. Кортни изумленно наблюдала, как он раскладывает костер, сердито ломая ветки и бросая их в кучу. Вскоре костер разгорелся, и пламя осветило его мрачное лицо.

— Мне надо попасть в Сан-Антонио, пока еще не поздно! — решительно сказал он. — У меня нет времени устраивать тебя в городе.

— Тебе и незачем меня устраивать. Мой отец врач. Если он там, его нетрудно будет найти.

— Если он там. — Костер выбрасывал в воздух снопы искр. — А если его там нет, у тебя здесь будет хоть кто-то, кто поможет тебе решить, что делать дальше. Маргарет Роули — хорошая женщина, и она знает всех в Уэйко. Если твой отец там, ей это известно. Так что ты уже сегодня вечером все узнаешь, — ласково проговорил Чандос.

— Я узнаю? А ты? Неужели ты даже не подождешь, пока это выяснится?

— Нет.

Глаза Кортни округлились.

— Ты даже не отвезешь меня на ранчо?

— Я не могу. Там есть люди, с которыми я не хочу встречаться. Но я подожду здесь, пока ты доедешь. Мне надо убедиться, что с тобой все в порядке.

Когда Чандос взглянул на нее, сердце его сжалось от боли, тревоги и смутения. Глаза Кортни блестели: она отчаянно боролась со слезами.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Неужели ты думаешь, что мне хочется оставлять тебя здесь? Да я поклялся, что никогда близко не подойду к этому ранчо!

Кортни отвернулась, чтобы смахнуть слезы.

— Почему, Чандос? — глухо спросила она. — Если тебе здесь не нравится, зачем ты привез меня сюда?

Он положил руки ей на плечи. Ощущение его близости было невыносимо, и слезы опять заструились по ее щекам.

— Мне не нравятся тамошние люди. Кошачьи Глазки, — все, кроме старой леди, — добавил он. — Я никак не могу понять, почему Маргарет Роули работает на этом ранчо. Если бы я знал в Этих местах кого-то еще, я бы не привез тебя сюда. Но только на нее я могу спокойно оставить тебя.

— Ты волнуешься из-за меня? Ну, это уж слишком! Твоя работа выполнена. Ты больше никогда меня не увидишь. О чем тебе волноваться?

Он повернул ее к себе:

— Не надо так со мной, женщина.

— С тобой? — крикнула она. — А со мной? Ты хоть подумал о том, что я чувствую? Он встряхнул ее за плечи:

— Чего ты от меня хочешь?

— Я...я...

Нет, она не скажет этого. Умолять она не будет. Пусть это расставание убьет ее, но она не попросит его остаться. И не скажет ему о своей любви. Если он способен так просто, бросить ее, значит, ему плевать на ее чувства.

Она оттолкнула его.

— Я ничего не хочу от тебя. И хватит обращаться со мной как с ребенком! Мне нужно было только одно — чтобы ты довез меня сюда, а уж устроюсь я как-нибудь сама. Господи, я не так беспомощна, как ты думаешь! И мне не нравится, когда меня передают с рук на руки незнакомым людям, и...

— Ты все сказала? — спросил он.

— Нет. Осталось еще отдать тебе долг, — сухо сказала Кортни. — Пойду принесу деньги.

Она попыталась пройти мимо него, но он поймал ее за руку:

— Мне не нужны твои чертовы деньги!

— Не говори глупости! Ты же из-за них согласился...

— Деньги здесь ни при чем. Я уже говорил тебе раньше, чтобы ты не пыталась меня разгадать, Кошачьи Глазки. Ты меня совсем не знаешь. И совсем ничего не знаешь обо мне, верно?

Нет, эти слова уже не пугали Кортни.

— Я догадалась, что ты не такой плохой, каким пытаешься казаться.

— Нет? — Его пальцы крепче сжали ее руку. — Может, рассказать тебе, зачем я еду в Сан-Антонио?

— Лучше не надо, — с опаской ответила она.

— Я еду туда, чтобы убить человека, — холодно и мрачно сообщил он. — И уж конечно, это убийство не имеет никакого отношения к закону. Я сам судил его, счел его виновным и приговорил к смерти. Есть только одна загвоздка: он арестован и скоро его повесят.

— Что же тебе не нравится?

— Он должен умереть от моей руки.

— Но если его арестовали... не станешь же ты сражаться с властями? — спросила она, задыхаясь.

Чандос кивнул:

— Я еще не придумал, как освободить его. Но мне необходимо попасть туда, пока его не повесили.

— Понимаю, Чандос, у тебя есть на это причины, но...

— Нет, черт возьми! — Он не хотел, чтобы она понимала его. Он должен настроить ее против себя, чтобы у него не возникло желания вернуться. — Что сделать, чтобы открыть тебе глаза? Я не тот, за кого ты меня принимаешь!

— Зачем ты так, Чандос? — вскричала Кортни. — Разве мало того, что ты уходишь и я никогда больше не увижу тебя? Так ты еще хочешь, чтобы я тебя возненавидела?

— Ты уже ненавидишь меня, — мрачно заметил он. — Ты просто еще не осознала этого.

Холодок пробежал по спине Кортни, когда он вынул нож из ножей на ремне.

— Ты хочешь убить меня? — спросила она, не веря своим глазам.

— Я не смог сделать этого четыре года назад, Кошачьи Глазки. Так почему ты думаешь, что смогу теперь?

— Что? О чем ты? Четыре года назад? Она не сводила глаз с ножа. Он провел лезвием по указательному пальцу правой руки.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

— Если я буду думать, что ты все еще хочешь меня, наша связь никогда не порвется. Но ее надо порвать.

— Какая связь? — Голос ее сорвался от страха.

— Та, которая возникла между нами четыре года назад.

— Не понимаю... — Теперь лезвие прошлось по указательному пальцу его левой руки. — Чандос!

Он бросил нож и поднял руки к лицу. Указательные пальцы сошлись в центре лба и двинулись к вискам, оставляя кроваво-алые следы над самыми бровями. Пальцы сомкнулись на переносице и спустились по щекам, встретившись вновь на подбородке и прочертив еще несколько кровавых линий.

Какое-то мгновение Кортни не видела ничего, кроме этих красных линий, деливших лицо Чандоса на четыре части. Но вскоре на бронзовой коже засверкали его бледно-голубые глаза.

— Ты! Это был ты! О Боже!

В голове у Кортни помутилось, старый страх захлестнул ее, и она пустилась бежать под гору, не разбирая дороги. Он настиг ее, и, столкнувшись, они упали. Чандос обхватил ее руками, оберегая от удара. Так, обнявшись, они покатались вниз до самого подножия холма.

Когда они остановились, Кортни попыталась встать, но он прижал ее к земле своим телом.

Страх перенес ее в прошлое, в тот кошмарный день на ферме Элроя Брауэра.

— Зачем ты мне показал? Зачем? — в ужасе закричала она. — О Господи, сотри эту кровь! Это не ты!

— Это я, — безжалостно сказал он. — Я такой и всегда был таким.

— Нет! — Она яростно замотала головой. — Нет, нет!

— Посмотри на меня!

— Нет! Ты забрал моего отца. Ты забрал моего отца!

— Ну вот этого я как раз и не делал. Успокойся же, черт возьми! — Он поймал ее руки, колотившие его, и прижал их к земле. — Мы забрали с собой только фермера. Остальных мы оставили умирать.

— Фермера... — Кортни застонала, вспоминая подробности. — Я знаю, что с ним сделали индейцы. Матти как-то подслушала, что об этом говорили люди, и рассказала мне. Как ты мог в этом участвовать? Как ты позволил им так его изуродовать?

— Позволил им? — Чандос покачал головой. — О нет, ты ошибаешься. Фермер был мой. Он умер от моей руки.

— Нет! — в ужасе воскликнула Кортни. Чандос мог бы объяснить ей причину, но решил не делать этого. Он перестал удерживать ее, и Кортни наконец вырвалась и убежала. Чандос следил, как она мчится к ранчо «Бар М». Потом он медленно поднялся с земли.

Он сделал то, что хотел, — убил ее чувство к себе. Теперь ему никогда не узнать, устроит ли Кортни та жизнь, которую он мог бы ей предложить. Он избавил ее от себя. Если бы и ему было так же легко избавиться от нее!

Чандос стер кровь с лица и пошел в гору. При его появлении лошади заволновались. Может, их встревожило появление ковбоя, но Чандос, поглощенный бурным прощанием с Кортни, не слышал, как он подошел. Мысли его витали так далеко, что лишь за три шага до костра он заметил мужчину, сидевшего на корточках перед огнем. Чандос думал, что уже никогда не встретится с этим человеком.

— Спокойно, Кейн! — сказал мужчина, увидев угрожающую позу Чандоса. — Ты ведь не станешь убивать человека только за то, что он подсел к твоему огню? Я не мог пройти мимо, сам понимаешь.

— А должен был. Зуб Пилы, — сурово возразил Чандос.

— Но не прошел. Не забывай, кто научил тебя стрелять из этого револьвера.

— Не забываю, но с тех пор я хорошо набил руку. Пожилой мужчина усмехнулся, сверкнув в темноте ровными зубами, за которые и получил свое прозвище. Он рассказывал, что когда-то у него были такие кривые зубы, что мешали ему есть. Тогда он взял пилу и подровнял их.

Это был худощавый, но крепкий мужчина лет под пятьдесят, с каштановыми, тронутыми сединой волосами. Зуб Пилы знал коров, лошадей и оружие. Старший работник на ранчо «Бар М», он был самым близким другом Флетчера Стратона.

— Черт, а ты совсем не изменился, — проговорил Зуб Пилы, видя, что поза Чандоса все так же воинственна. — Увидев твоего пегого мерина, я не поверил своим глазам. У меня на лошадей отличная память.

— Лучше тебе забыть о нем. И обо мне тоже, — сказал Чандос, нагнувшись, чтобы поднять свой нож.

— Я узнал и твой голос, — ухмыльнулся Зуб Пилы. — Не хотел подслушивать, но вы с этой женщиной так кричали, что я не мог не слышать. Ты запугивал ее довольно странным способом. Потешись любопытство старика?

— Нет.

— А я думал...

— Я могу убить тебя. Зуб Пилы, если это единственная возможность заставить тебя замолчать, и, когда найдут твой труп, буду уже далеко. Ты не должен говорить старику, что видел меня, ясно?

— Не все ли тебе равно, узнает он об этом или нет, если ты здесь не остановишься?

— Пусть не надеется, что через эту женщину может добраться до меня.

— А он может?

— Нет.

— Ты слишком поторопился с ответом, Кейн. Ты уверен, что это так?

— Черт тебя побери, Зуб Пилы, — прорычал Чандос, — мне не хочется убивать тебя!

— Ну хорошо, хорошо. — Зуб Пилы осторожно поднялся, разводя руками. — Если это так волнует тебя, считай, что я забыл о нашей встрече.

— Держись подальше от этой женщины!

— Ну, это будет трудновато, особенно после того, как ты с ней обошелся.

— Я оставил ее на Роули. К тому же она здесь ненадолго.

— Флетчер захочет узнать, кто она такая, — с расстановкой произнес Зуб Пилы, не сводя с Чандоса внимательных глаз.

— Держи язык за зубами, и он ни о чем не догадается.

— Так вот почему ты ее запугивал? Чтобы она не проболталась?

— Ты слишком любопытен, Зуб Пилы, — заметил Чандос, — впрочем, ты всегда любил совать свой нос в чужие дела. Эта женщина ничего для меня не значит, и о чем ей рассказывать Флетчеру, если она не знает, кто я. Советую и тебе помалкивать, иначе ты только раздуешь пламя, а потушить его будет нечем: таким способом вы меня все равно не заманите.

— И куда ты теперь?

— Чертова ищейка! — процедил Чандос.

— Что ты, это всего лишь дружеский вопрос, — усмехнулся Зуб Пилы.

— Черта с два! — Чандос прошел мимо него вскочил на Шуафута. Схватив поводья лошади Траска, он добавил:

— А вон те две лошади ее. Можешь отвести их сам или предоставь это другим. Она, вероятно, скажет, что лошадь сбросила ее, и кто-нибудь из ковбоев придет сюда их искать. Хотя ты еще можешь догнать ее на пути к ранчо. Но оставь при себе свои дружеские вопросы, понял? Сегодня ночью, черт возьми, она не готова к ним.

Чандос ускакал, и Зуб Пилы отошел от костра.

— Ничего для него не значит? — хмыкнул он. — Черта с два я поверю в это!

Глава 38

Вдали на фоне ночного неба дрожали огоньки. Слышалось мычание коров. Во внешнем мире все осталось прежним, но Кортни изменилась. Боль, острая боль пронизывала ее: она любила дикаря... дикаря-индейца!

Сейчас понятие «индеец» включало для нее все самое мерзкое и жуткое. Индеец — это дикарь, жестокий убийца. Но нет, только не он! Не ее Чандос! Сердце отказывалось верить этому.

Слезы слепили глаза, и на полпути к ранчо Кортни упала на колени, разразившись безудержными рыданиями. Нет, он не шел за ней следом, как она ни прислушивалась в безумстве последней надежды. Его сильные ласковые руки больше никогда не обнимут ее, его мягкий глубокий голос не утешит ее, не скажет, что все это было не правдой, и даже ничего не объяснит. Господи, почему, почему?

Кортни попыталась вспомнить события того дня, когда индейцы напали на ферму Брауэра. Это было нелегко: слишком долго и упорно вытесняла все это ее память. И все же она вспомнила леденящий ужас, обуявший ее в тот момент, когда у нее над головой откинулась крышка ящика для продуктов, а потом возникло предчувствие близкой смерти и последнее желание — встретить смерть достойно, не моля о пощаде.

Потом появился индеец... нет, не индеец — Чандос! Она видела Чандоса. Но в тот день он был настоящим индейцем: длинные косы, боевая раскраска, нож. И он собирался убить ее. Его рука больно скрутила ей волосы... ужас... потом Кортни увидела его глаза. То не были глаза индейца. Она знала только одно: эти глаза не соответствовали его устрашающему виду, они не пугали ее.

Теперь она знала, почему, впервые увидев бандита Чандоса, без колебаний решила доверить ему свою жизнь.

Он сказал, что между ними возникла связь. Что он имел в виду? Какая связь? И почему в тот день он был вместе с теми индейцами? Нападал, убивал?

Рыдания Кортни утихли, когда она вспомнила, что еще произошло в тот день. Берни Бикслер что-то сказал Саре насчет мести... Индейцы мстили белым за то, что те напали на их лагерь. Он сказал, что сын Ларса Хэндли, Джон, который потом так быстро исчез из Рокли, похвалялся, как он и еще несколько человек вырезали всех до единого мужчин, женщин и детей отряда кайова. Но эти убитые индейцы могли оказаться вовсе не кайова, а команчами, друзьями Чандоса. Кортни вспомнила слова Бикслера о том, что индейцы не успокоятся, пока не убьют всех участников той бойни. Теперь они, наверное, все уже мертвы, кроме... Траска! Значит, он один из них! Чандос говорил, что он повинен в изнасилованиях и убийствах. А этот человек в Сан-Антонио, которого он хочет убить? Может, и он тоже?

Кого же Чандос потерял в той резне? Что забавило его с такой жестокостью расправиться с Элроем Брауэром? Почему по прошествии стольких лет он по-прежнему жаждет мести? — Это ваши лошади, мисс? Вздвогнув от испуга и неожиданности, Кортни вскочила на ноги.

Мужчина подошел ближе, ведя на поводу старую Нелли и пегую кобылку, которой Кортни так и не дала имени, поскольку думала, что Чандос возьмет ее себе. Оказывается, она ошиблась.

— Где вы... их нашли? — растерянно спросила она.

— Он уехал, если вас это интересует.

— Вы видели, как он уехал?

— Да, мэм, видел.

Почему она так испугалась? Ну да, Чандос говорил, что не хочет ни с кем здесь встречаться, но ей-то какое дело до Чандоса, во всяком случае теперь?

— Вы, конечно, с ним незнакомы? — спросила она.

— Как же, очень даже знаком!

Кортни подошла к своей лошади и вскочила на нее. На душе ее стало еще тревожней. Случилось именно то, чего Чандос опасался. Теперь, если из-за этой непредвиденной встречи у него случатся неприятности, виновата будет она.

— Вы работаете на ранчо «Бар М»?

— Да, мэм. Меня зовут Зуб Пилы.

— А меня зовут Кошачьи... — она спохватилась, — Кортни Хортс. Я попала сюда не по своей

воле. Я бы лучше поехала в Узйко и сняла там комнату... Там ведь есть гостиница?

— Да, мэм, но отсюда до города добрых четыре мили.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказала она. — Но может быть, вы все-таки окажете мне услугу и поможете добраться туда? Я хорошо отблагодарю вас.

Зуб Пилы колебался. Обычно он не отказывал в помощи женщинам, попавшим в трудные обстоятельства. Чтобы услужить слабому полу, он порой даже поступался собственными интересами. Но с этой леди случай особый. Слишком много неясностей... Если Флетчер узнает о том, кто ее привез, и о том, что Зуб Пилы помог ей улизнуть, вероятно, он спустит с него три шкуры.

— Видите ли, мэм, — начал Зуб Пилы, — я еще не ужинал, да и вы, кажется, тоже. К тому же сегодняшняя ночь не самое лучшее время для поездки в город. И у вас, наверное, есть причины, чтобы заехать в «Бар М»?

— Да, есть, — разочарованно ответила Кортни. — Мне надо обратиться к Маргарет Роули, которую я никогда в глаза не видела, и все потому, что он так сказал. Боже мой, ведь я не ребенок и мне не нужна нянька! В этот момент чиркнула спичка, и оба в течение секунды внимательно разглядывали друг друга. Зуб Пилы чуть не обжег себе пальцы. Наконец он сказал с усмешкой:

— Пойдемте, я отведу вас к Мэгги.

— Мэгги?

— Маргарет. У нее свой коттедж, хотя сейчас она, наверное, в большом доме. Не волнуйтесь, Мэгги вам понравится! Уверен, что и вы ей тоже.

— Спасибо, конечно, но... а, ладно, поехали! — Кортни пустила свою лошадь рысцой, понимая, что у нее нет выбора. Помолчав, она заговорила:

— Могу ли я просить вас никому не рассказывать о том, кто привез меня сюда, и даже о том, что вы его видели?

— А могу ли я просить вас объяснить мне причину?

— Причину? — Кортни насторожилась. — Откуда мне знать? Чандос никогда не объясняет причин. Просто он сказал, что не хочет ни с кем здесь встречаться. Это все, что я знаю.

— Чандос? Значит, теперь он так себя называет?

Кортни взглянула на него:

— Вы, кажется, сказали, что знаете его.

— Приехав сюда последний раз, он называл себя каким-то страшно длинным индейским именем, которое никто не мог ни выговорить, ни запомнить.

— О да, это на него похоже.

— Вы давно его знаете? — спросил он.

— Нет, ну... если учитывать... нет, это не в счет... о Господи, вам это не слишком понятно? Вообще-то я знакома с ним около месяца. Он привез меня сюда из Канзаса.

— Из Канзаса! — Зуб Пилы присвистнул. — Долгий путь, черт возьми, извиняюсь, мэм.

— Да, долгий.

— Достаточно долгий, чтобы вы хорошо узнали друг друга, верно? — нарочито небрежно спросил он.

— Да, так оно и должно быть, — упавшим голосом проговорила Кортни. — Но сегодня ночью я поняла, что совсем не знаю его.

— А известно ли вам, куда он сейчас поехал, мисс Хортс?

— Да, в... — Она замолчала, всматриваясь в темный силуэт мужчины, скакавшего рядом с ней. Как поняла Кортни, Чандоса здесь могли разыскивать власти. — Простите, но я, кажется, забыла, какой город он называл.

Зуб Пилы рассмеялся:

— Он так много значит для вас?

— Он ничего для меня не значит, — надменно заверила она его, но Зуб Пилы лишь снисходительно усмехнулся.

Глава 39

Они еще не въехали на передний двор, а до Кортни уже донесся чудный перебор гитарных струн, плывущий в ночном воздухе. Потом показался ярко освещенный большой дом, переднее крыльцо которого тоже было залито светом. Здесь весело коротала время компания мужчин, сидящих на стульях, перилах и даже на широких ступеньках возле большой парадной двери. Все они шутили и смеялись. Это теплое мужское сообщество говорило в пользу ранчо «Бар М». Казалось, что здесь людям живется приятно.

Но Кортни встревожилась, увидев, что на крыльце собрались одни мужчины — много мужчин. Как только они заметили ее, музыка смолкла.

А когда Зуб Пилы подвел к крыльцу лошадей, воцарилось молчание.

В этой тишине смех Зуба Пилы резанул слух Кортни.

— Ну, что приумолкли, седельные задницы? Или вы никогда не видели леди? Черт побери, извиняюсь, мэм, закройте рты — это не привидение! Эй, Дру, ну-ка, сгоняй быстренько к Мэгги да скажи, что к ней гостя.

Курчавый паренек вскочил на ноги и попятился к парадной двери, не спуская глаз с Кортни.

— А для всех остальных это мисс Хортс, — продолжал Зуб Пилы. — Не знаю, надолго ли она к нам и увидите ли вы ее еще, так что ловите момент и снимайте шляпы! — Одни последовали его совету, другие сидели, все так же изумленно таращась на девушку, от чего Зуб Пилы снова загоготал. — Ну и дурни, право слово! Пойдемте, мэм.

Кортни вымученно улыбнулась и с радостью пустила шагом свою кобылу в обход дома, следом за Зубом Пилы. Услышав топот сапог на крыльце, она поняла, что, если обернется, увидит, как все эти ковбои свесились с перил и уставились ей вслед.

— Вам, конечно, доставил удовольствие этот спектакль? — тихо спросила она у Зуба Пилы, который ехал чуть впереди.

— Люблю встряхнуть ребят, — довольно хмыкнул он. — Но я не думал, что вместе с соображением они потеряют и дар речи. Вы очень хорошенькая, мэм, и они от смущения языки проглотили. Ничего, теперь месяц будут подтрунивать друг над другом из-за того, что упустили случай полюбезничать с такой девушкой! — Объехав дом, они завернули на задний двор. — Ну вот мы и приехали. Думаю, Мэгги появится с минуты на минуту. Зуб Пилы спешился перед коттеджем, подходившим больше для сельской местности Новой Англии, чем для прерий Техаса. Маленький беленый домик сразу очаровал Кортни. Деревянная изгородь, обсаженная цветами дорожка к крыльцу, ставни на окнах и даже цветочные горшки на подоконниках! Этот старомодный и милый домик никак не вязался с огромным фермерским домом, на задворках которого стоял. Слева, на коротко подстриженной лужайке, росло большое старое дерево, а над парадной дверью вились виноградные лозы.

— Мисс Хортс?

— А, что?

Кортни неохотно оторвала взгляд от коттеджа и с помощью Зуба Пилы спрыгнула с лошади. Теперь она видела, что он не слишком высок и полноват, но его серые глаза, смотревшие на нее, лучились добротой.

На заднем крыле фермерского дома закрылась дверь.

— Это, конечно, Мэгги.

Зуб Пилы не ошибся. Через задний двор к ним спешила маленькая женщина, на ходу накидывая шаль. В свете ярко горевших окон большого дома Кортни увидела пепельные волосы, округлую фигурку и — когда Мэгги подошла к ним — живые зеленые глаза.

— Так кто же моя гостья. Зуб Пилы?

— Это она сама тебе расскажет, — отозвался он и добавил:

— Ее привез один из твоих друзей.

— Да? Кто же?

Кортни взглянула на Зуба Пилы и, убедившись, что он не собирается ничего говорить, успокоилась.

— Чандос, — ответила она. — Во всяком случае, так он себя называет... сейчас.

Мэгги задумчиво повторила это имя и покачала головой:

— Нет, такого я не знаю. Но здесь бывает столько молодых людей, что всех просто не упомнишь. Хорошо еще, что они не забывают меня. Так приятно, когда тебя считают другом!

— Ох, Мэгги, — проворчал Зуб Пилы, — можно подумать, что здесь, на ранчо, тебя никто не

любит.

Кортни с удовольствием отметила, что не только она одна умеет краснеть. Сразу проникшись симпатией к этой женщине, она сказала себе, что не стоит злоупотреблять ее гостеприимством.

— Раз вы не помните Чандоса, не смею вам навязываться...

— Чепуха и еще раз чепуха, деточка! Я сразу вспомню его, как только ты немножко расскажешь мне о нем. Я никогда никого не забываю. Верно я говорю, Зуб Пилы?

— Еще как верно! — хмыкнул тот. — Пойду принесу вашу сумку, мэм, — сказал он Кортни. Кортни пошла за ним к лошадям, шепча на ходу — Можно ли мне рассказывать ей о нем? Он не сказал... О Господи, я же совсем не знаю, чего он здесь опасается! Но вы-то знаете, правда?

— Да, знаю. Мэгги вы можете рассказать про него. Она всегда была на его стороне.

Заинтригованная, Кортни хотела побольше расспросить Зуба Пилы, но тут он сказал:

— Я позабочусь о ваших лошадях, мэм. Надеюсь, да, именно надеюсь, что вы немного поживете здесь.

Она сразу поняла, к чему он клонит.

— Чандос не вернется из-за меня. — Вы уверены, мэм?

Зуб Пилы увел лошадей, а Кортни последовала за Мэгги по усаженной цветами дорожке к коттеджу.

— У тебя не очень веселый вид, девочка, — ласково заметила Мэгги. — Этот человек, который привез тебя ко мне, дорог тебе?

Отвечать на это для Кортни было мучением.

— Он... он был моим провожатым. Я обещала ему заплатить, если он доставит меня в Уэйко. Но он не взял денег. И до Уэйко меня тоже не довез. Вместо этого он привез меня сюда, сказал, что вы его друг, единственный человек здесь, кому он может доверять, и что он не хочет волноваться, оставляя меня одну. Господи, это же смешно! С чего ему волноваться обо мне — ведь сейчас он просто отделался от меня! — К горлу Кортни опять подкатил комок. — Он... он бросил меня здесь! Я была такой...

Слезы хлынули ручьем, и, когда Мэгги обняла ее, Кортни тут же прижалась к ней. Девушка ужасно смутилась, но сдержаться было выше ее сил.

Да, Чандос ничем ей не обязан, и вообще он не тот, за кого она его принимала. Его жуткую мстительность ей вряд ли удастся понять. И ей, конечно, надо бы радоваться тому, что она его больше никогда не увидит. Но, несмотря на все это, Кортни охватило безумное отчаяние. Она считала его отъезд предательством и мучительно переживала разлуку.

Мэгги усадила девушку на дорогой диван в стиле чиппендейл, и протянула ей носовой платок, обшитый кружевом. Потом ненадолго оставила свою юную гостью, чтобы зажечь лампы в маленькой гостиной, и опять под села к ней, обняв за плечи. Рыдания Кортни понемногу утихли.

— Вот, возьми. — Мэгги дала ей сухой платок. — Я всегда говорила, что хорошо поплакать полезно. Но мужчинам-то этого не скажешь, а здесь, кроме мужчин, больше и нет никого. Как приятно для разнообразия позаботиться о женщине!

— Простите меня, пожалуйста, — пробормотала Кортни, всхлипывая.

— Нет, деточка, не надо извиняться! Если хочется плакать, значит, надо плакать. Тебе лучше?

— Наверное, нет.

Мэгги, ласково улыгнувшись, похлопала ее по руке:

— Ты так сильно любишь его?

— Нет! — быстро сказала Кортни, но, помолчав, простонала:

— Ох, я не знаю! Любила, но теперь... Можно ли любить после того, что я узнала о нем этой ночью? Он способен на такие зверства...

— О Боже, что же он делал с тобой, милая? — прошептала Мэгги.

— Не со мной. Он... изуродовал человека и убил его из мести.

— И сам рассказал тебе об этом? — поразились Мэгги.

— Я уже знала об этом. Чандос только признался, что принимал в этом участие. А теперь он отправился убивать еще одного человека, и, возможно, таким же жутким способом. Может, тот человек и заслуживает мести, но убивать так жестоко?

— Мужчины всегда будут делать ужасные вещи, малышка. Бог их знает, почему, но так уж они устроены. По крайней мере у большинства из них есть на то причины. А у твоего молодого человека они есть?

— Мне толком ничего не известно, — тихо проговорила Кортни и рассказала все, что знала, о том давнем налете индейцев. — У него есть друзья-команчи, — закончила она. — Возможно, он даже жил с ними. Но неужели этого достаточно для столь отвратительной жестокости?

— А может, у него была жена в том индейском лагере, — предположила Мэгги. — Знаешь, многие белые берут себе в жены индианок. А если перед убийством ее еще и насильовали, то за это обычно пытаются.

Кортни вздохнула. Ей не хотелось думать о том, что у Чандоса была жена, но, может, Мэгги права. Тогда понятно, откуда он так хорошо знает индейцев. Конечно, это всего лишь предположение.

— Как бы я ни относилась к нему и его поступкам, какая теперь разница? — пробормотала Кортни. — Ведь я уже никогда не увижу его.

— И это тебя так печалит! Нет, нет, не спорь, деточка! Признаюсь, я просто сгораю от любопытства: кто же этот молодой человек? Ты можешь мне его описать? Очень хочется вспомнить.

Кортни опустила глаза.

— Чандос — бандит, и очень опытный. Поэтому, кроме других причин, я чувствовала себя спокойно, путешествуя с ним. Он высокий, смуглый и очень красивый. Волосы черные, а глаза голубые. — Мэгги молчала, и Кортни продолжала:

— Он молчалив, информацию из него надо тащить клещами.

Мэгги вздохнула:

— Ну, милочка, под это описание подходит дюжина мужчин, проезжающих через наше ранчо.

— Даже и не знаю, что еще о нем сказать... А, вот: Зуб Пилы говорил, что, когда Чандос был здесь, он называл себя индейским именем.

— Ну что ж, это уже понятнее. Здесь было только два молодых человека с индейскими именами. Один — полукровка и... да, у него правда были голубые глаза.

— Чандос вполне может быть индейцем-полукровкой, хотя сам он это отрицает.

— Ну, если он не индеец, тогда... — Мэгги нахмурилась и замолчала. — А почему он не пришел сюда вместе с тобой?

— Не захотел. Сказал, что здесь есть люди, с которыми он не хочет встречаться. Боюсь, он здесь что-то натворил. Может, его разыскивают за нарушение закона или что-то в этом роде.

— А что еще он говорил, деточка? — спросила Мэгги ласково, но настойчиво. Кортни смущенно улыбнулась:

— Да, он предупредил меня, чтобы я не называла вас старушкой. Он сказал, что, когда однажды назвал вас так, вы надавали ему оплеух.

— О Боже! — взволнованно воскликнула Мэгги.

— Вы знаете, о ком я говорю? — обрадовалась Кортни.

— Да, да, как раз в тот день, когда я надавала ему оплеух, мы и стали друзьями. Его трудно было узнать по твоему рассказу.

— Он в розыске? — осторожно спросила Кортни о том, что волновало ее больше всего.

— Нет, если не считать «розыск» Флетчера. При других обстоятельствах он остался бы здесь жить, но Флетчер в запале гнева наговорил ему ужасных вещей: они переругались. Правда, с тех пор прошло уже четыре года, и Флетчер раскаивается...

— Четыре года? — перебила ее Кортни. — Но тогда он ездил с индейцами.

— Да, тогда он вернулся в лагерь команчей... — Замолчав, Мэгги вдруг схватилась за сердце. — О Господи, эта бойня, о которой ты говорила... это могло быть... Его мать жила с индейцами, деточка. И его сводная сестренка, которую он обожал. Значит, наверное, их обеих убили... Ох, бедный мальчик!

Кортни побледнела. Его мать? И сестра? Почему он не сказал ей об этом? Однажды он упомянул, что это сестра назвала его Чандосом и он будет носить это имя до тех пор, пока не закончит то, что должен сделать... чтобы его сестра перестала плакать и заснула с миром.

Кортни невидящим взглядом посмотрела в окно. Теперь все прояснилось. Значит, эти люди убили его мать и сестру! И представить себе нельзя, что чувствовал Чандос! Она-то сама хоть и не верила в смерть отца, но какие страдания приносила ей разлука с ним! А Чандос, наверное, видел трупы...

— Мэм... я... пожалуйста, давайте поговорим о чем-нибудь другом! — взмолилась Кортни, чувствуя, как глаза ее опять наполняются слезами.

— Конечно, — ласково согласилась Мэгги. — Может, расскажешь мне, зачем ты сюда приехала?

— Да, — обрадовалась Кортни. — Я приехала, чтобы найти отца. Чандос сказал, что если он живет в Уэйко, вы должны его знать. Он уверял, что вы всех знаете. О Господи, я ведь даже не представилась! Меня зовут Кортни Хортс.

— Хортс? Да, у нас в Уэйко есть доктор Хортс, но...

— Это он! — взволнованно вскричала Кортни, подпрыгнув от радости. — Я была права! Он жив! Он здесь! Я знала!

Мэгги удивленно покачала головой:

— Не понимаю, девочка. На последнем церковном пикнике Элла Хортс сказала Сью Энн Гиббоне, что единственная дочь доктора Хортс погибла во время налета индейцев.

Кортни во все глаза уставилась на пожилую даму:

— Он думал, что я погибла?

— При пожаре, от которого сгорел дотла фермерский дом, — продолжала Мэгги. — Он считал, что ты вместе с мачехой пряталась в этом доме.

— Но мы были в сарае, в ящике для продуктов! Мэгги опять покачала головой, совершенно сбитая с толку. Пока она собиралась с мыслями, Кортни спросила:

— А кто такая Элла?

— Да это жена доктора Хортс. Они поженились месяца два назад.

Кортни опять села, шмыгая носом. Жена? Еще одна жена... о нет, только не это! Боже, какая несправедливость! Неужели она никогда не сможет одна, безраздельно владеть отцом, ну хоть ненадолго? Подумать только, она опоздала всего на два месяца!

В глубокой задумчивости она проговорила любимое ругательство Чандоса:

— Черт побери!

Глава 40

В ярко освещенной кухне не было никого, кроме Зуба Пилы. Он сидел за столом со стаканом молока и куском вишневого пирога. Когда открылась задняя дверь и Мэгги проскользнула в кухню, он даже не оглянулся, узнав ее шаги.

Откинувшись на спинку стула. Зуб Пилы взглянул на нее. Вид у Мэгги был встревоженный.

— Ты расскажешь ему?

— Ты знал. Тебе что, не пришло в голову рассказать ему?

— Нет. Я хотел узнать, что будешь делать ты. К тому же, — Зуб Пилы усмехнулся, — мальчик взял с меня клятву, что я забуду о встрече с ним. Он сильно на этом настаивал. Да ты и сама знаешь, как он упрям.

Мэгги, скрестив руки на груди, взглянула на дверь, отделявшую кухню от дома.

— Он еще не лег?

— Думаю, нет, — отозвался Зуб Пилы, — еще рано. А как дела у маленькой леди?

— Я уложила ее в постель. Ты знаешь, что она дочка доктора Хортс?

— Правда? Ну что ж, значит, у меня одной заботой меньше. Теперь я хотя бы знаю, что она пробудет здесь какое-то время. Если не у нас, так в городе.

— А я в этом не уверена. — Мэгги вздохнула. — Девочка страшно расстроилась, услышав о том, что ее отец женился. Это очень несчастная юная леди. Зуб Пилы.

— Она станет счастливой, как только вернется Кейн.

— А думаешь, он вернется? Зуб Пилы кивнул:

— Сколько я его помню, ему всегда было на все наплевать. Но сегодня ночью он меня удивил. Эта девушка очень дорога ему, Мэгги. Ты и сама, видимо, так считаешь, если подумываешь о разговоре с Флетчером.

— У меня есть на то другие причины, — грустно заметила Мэгги. — Если бы только это, я не стала бы волновать его понапрасну. Но я узнала от мисс Хортс, что четыре года назад в Канзасе белые вырезали лагерь команчей, и с тех пор парень ищет убийц и мстит им.

— Черт возьми, — прошептал Зуб Пилы, — значит, Миара мертва?

— Похоже, что так, — откликнулась Мэгги, — убита. И Флетчер имеет право знать об этом.

Кортни разбудили громкие голоса на улице, они приближались. Наконец дверь коттеджа с шумом распахнулась, и Кортни испуганно села в постели, прикрывшись одеялом. В дверном проеме стоял огромный мужчина. Из-за спины его показалась Мэгги и, потеснив мужчину с прохода, вошла в комнату. Внимательно оглядев Кортни, она обернулась к мужчине.

— Видишь, что ты наделал? — сердито вскричала она. — Напугал бедную девочку! Говорила тебе — подожди до утра!

Мужчина шагнул в комнату, мягко, но решительно отстранил Мэгги и устоял на Кортни.

Он был высоким и мускулистым, с мощным торсом, широкими плечами и могучими руками. Выразительные карие глаза, темно-каштановые волосы с седой прядью посередине, над самыми бровями. Седина пробивалась и в густых усах. Кортни подумала, что, если бы не устрашающий

вид, он казался бы даже красивым.

Она поднялась повыше.

— Кто вы, мистер? — спросила она. Ее решительность поразила его. В удивленном взгляде, который он бросил на Мэгги, читался вопрос: «Это и есть твоя бедная испуганная девочка?» Судя по манерам, он явно привык повелевать. Может, это хозяин ранчо «Бар М»?

— Я Флетчер Стратон, мисс Хортс, — резко ответил он. — Похоже, вы хорошо знаете моего сына, Кейна.

— Нет, я не знаю его, — возразила Кортни, — но если в этом причина вашего вторжения...

— Вам он известен под именем Чандос. Кортни подозрительно сощурилась:

— Я вам не верю. Он упоминал ваше имя, но не сказал, что вы его отец.

— С тех пор как Миара забрала его, Кейн перестал называть меня отцом, — пояснил Флетчер. — Миара — это его мать, упрямая черноволосая ирландка, в которой нет ни капли терпимости. Он унаследовал от нее глаза. Таким я знал его, когда он появился здесь через десять лет после того, как я отправил их обоих на смерть.

Кортни ошеломленно взглянула на Мэгги.

— Это правда, девочка, — подтвердила та. — Мне не хотелось бы злоупотреблять твоим доверием, но он имеет право знать. — Она перевела взгляд на мужчину. — Флетчер, ты не дал мне договорить, набросившись сразу на мисс Хортс. Сказать такое непросто, но, боюсь, Миара погибла вместе с тем команчи, с которым жила. Судя по словам мисс Хортс, Кейн, уехав отсюда, вернулся в лагерь и увидел, что он разгромлен. С тех пор он охотится за белыми, которые это сделали.

Казалось, Флетчер утратил самообладание: лицо его исказилось болью и сразу постарело. Но быстро овладев собой, он принял прежний суровый вид.

— Кейн говорил вам, что его мать умерла? — спросил он Кортни.

Ей почему-то не хотелось огорчать Флетчера, отнимая у него последнюю надежду, хотя он казался тяжелым человеком. Похоже, что даже сын не любил его! Но Кортни испытывала к нему жалость.

— Чандос никогда не говорил мне о матери, — сказала она. — Я знала, что в лагере индейцев была резня. Когда команчи напали на ферму, я была там. В тот день Чандос спас мне жизнь, хотя всех остальных убили. Фермер участвовал в резне индейцев, и Чандос безжалостно расправился с ним. Но если его мать изна... убили, тогда мне понятны его мотивы. — Помолчав, она осторожно добавила:

— Но не спрашивайте меня о матери Чандоса, вам надо узнать об этом у него.

— Где он?

— Я не могу вам этого сказать.

— Не можете... или не хотите? — сурово спросил он.

Такой тон не располагал к сочувствию.

— Не хочу. Я вас не знаю, мистер Стратон, но мне известно, что Чандос не хотел встречаться с вами. Зачем же мне выкладывать, где его можно найти?

— Подумать только, какая преданность! — взревел Флетчер, не привыкший встречать сопротивление. — Но позвольте вам напомнить, юная леди, под чьей крышей вы спите.

— Ну что ж, тогда я уйду!

Кортни встала, потащив за собой одеяло.

— Сядьте, черт возьми!

— Не сяду!

В напряженной тишине прозвучал мягкий смех Мэгги:

— Похоже, Флетчер, тебе лучше сменить тактику. Девочка провела прошлый месяц в обществе твоего сына и переняла у него воинственность — во всяком случае, в отношении к тебе.

Флетчер и Кортни хмуро взглянули на Мэгги. Та тяжело вздохнула.

— Думаю, Флетчер, такому старому чудаку, как ты, следовало бы сделать выводы из прошлых ошибок, — строго сказала она. — Вспомни, разве однажды ты уже не обжегся на этом? Разве не повторял ты сотни раз, что, представься случай, ты все бы исправил? Этот случай может представиться, но, как я вижу, ты опять наделаешь тех же ошибок. Ты уже допустил одну, и большую. Вместо того чтобы спокойно расспросить девочку, объяснить ей, как важно тебе узнать про Кейна, ты напустился на нее. Да с какой стати она должна с тобой разговаривать? Она приехала сюда только переночевать — кстати, под моей крышей. Она не зависит от тебя, Флетчер, так с чего же ты взял, что она станет говорить с тобой? Я бы на ее месте не стала.

Проговорив это, Мэгги вышла. В маленькой гостиной повисла гнетущая тишина. Кортни испытывала смущение после своей вспышки. Как-никак это отец Чандоса, и им есть о чем поговорить.

— Простите меня, — начала она и улыбнулась, услышав, что Флетчер одновременно с ней произнес эти же слова. — Может, начнем сначала, мистер Стратон? Не расскажете ли вы мне, почему Чандос не хочет здесь появляться?

— Чандос. — Флетчер с отвращением повторил это имя. — Черт возьми, прошу прощения, но парень называет себя как угодно, но только не тем именем, которое дал ему я! Даже живя здесь, он не откликнулся на Кейна.

— Не просите меня, чтобы я называла его Кейном, — твердо сказала Кортни. — Для меня он Чандос, только Чандос.

— Ладно, ладно, — добродушно буркнул Флетчер, — но и вы не просите, чтобы я называл его Чандосом.

— Не буду, — усмехнулась Кортни.

— А теперь о вашем вопросе, — сказал он, придвигая к кровати стул и усаживаясь. — Нет ничего удивительного в том, что Кейн не хочет попадаться мне на глаза. Когда четыре года

назад он уехал отсюда, я послал за ним своих людей, чтобы они вернули его. Они, конечно, так и не поймали Кейна. Недели три он дурачил их, разрешая себя преследовать, а когда ему это надоело, быстро оторвался от них. Теперь он считает, что я опять попытаюсь удержать его здесь. Вероятно, поэтому он и не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о его появлении.

— А вы действительно попытались бы удержать его?

— Черт возьми, прошу прощения, а как же иначе? — воскликнул Флетчер. — Но... — он помолчал, — теперь я попросил бы его остаться, постаравшись доказать ему, что у нас все будет иначе.

— А как было раньше?

— Я делал ошибку за ошибкой, — сокрушенно признался Флетчер. — Я обращался с ним как с мальчишкой, а между тем команчи в восемнадцать лет — уже мужчина. А ему было восемнадцать, когда он вернулся сюда. Я также попытался выбить из него индейские привычки — все, что казалось ему естественным, — ведь он так долго жил с племенем. Я злился, что он не желает ничего принимать от меня.

— Вы говорили, что десять лет считали его мертвым. Он что, все это время жил с команчами?

— Да, вместе с матерью. Она сбежала от меня. О нет, я не виню ее за это! Конечно, я был не самым хорошим и верным мужем. Но ей не следовало забирать с собой мальчика. Она ведь знала, как он мне дорог.

— Но не думаете же вы, что мать могла бросить своего ребенка?

— Нет, но можно было расстаться иначе. Я отдал бы ей все, попросив только о том, чтобы Кейн половину времени жил у меня. Но она просто исчезла! Я не понимал, как ей это удалось, пока не объявился Кейн. Только тогда я узнал, где они скрывались все эти годы. Ну, сначала, правда, они не скрывались. Оказалось, что их взяли в плен люди из племени кайова и продали команчам. Один молодой краснокожий купил обоих, женился на Миаре, а Кейна усыновил. — Флетчер покачал головой. — А потом Кейн приехал сюда на своем пегом мерине, такой гордый, индеец с головы до пят — в оленьей шкуре, с длинными косами, которые отказался отстричь. Удивительно, что мои люди не пристрелили его!

Кортни живо представила себе, как юный Чандос в дикарском обличье въезжает на ранчо «Бар М» и встречается там лицом к лицу с толпой незнакомых белых мужчин. Что же чувствовал при этом его отец? Ведь сын вернулся к нему дикарем! Ясно, что здесь не обошлось без конфликта.

Вдруг она вспомнила бред Чандоса.

— Мистер Стратон, скажите, а он не называл вас... э-э... стариком?

Флетчер невесело усмехнулся:

— Да он только так и называл меня. Он говорил об этом?

— Нет, но, когда мы ехали по тропе, его укусила змея, — начала объяснять Кортни и, вспомнив это, опять почувствовала раздражение. — Глупый упрямец, он даже не позвал меня на помощь! Правда, мы с ним тогда немного повздорили... Ну так вот, в ту ночь его преследовали кошмары — он был в бреду и много говорил во сне. Среди прочего он сказал... — Кортни помолчала, не

желая повторять слова Чандоса. — Ну, словом, он не хотел, чтобы вы отрезали ему волосы. Вы что, и впрямь пытались это сделать? Флетчер тяжело вздохнул:

— Это была большая ошибка. Из-за этого он и уехал. Как-то мы с ним поссорились в очередной раз, и я в приступе гнева велел своим людям окружить его и откромсать эти проклятые косы. Какая была потасовка! Кейн ранил трех парней ножом, после чего Зуб Пилы выстрелом вышиб нож из его руки. Кейн тогда не носил при себе револьвера, только тот нож. Черт возьми, прошу прощения, меня приводило в бешенство, что он упорно не желает вести себя как белый человек. Он ничего не надевал, кроме оленьих шкур и иногда жилета. Только когда холодало, накидывал куртку. И все. Я накупил ему дюжины рубашек, но он ни разу не надел ни одну из них. Думаю, он делал это нарочно, чтобы позлить меня.

— Но почему? Разве он не хотел остаться здесь?

— В том-то и дело. Когда Кейн приехал сюда, я думал, он хочет остаться. Я считал, что он приехал по своей воле, а потому никак не мог понять его враждебности. Он держался особняком, даже ел один, кроме тех случаев, когда работал на пастбище. Не было дня, чтобы он не принес к столу дичи, добытой им на охоте, даже если для этого ему приходилось вставать до рассвета. Он не мог принять от меня даже пищу, черт возьми, прошу прощения!

— Мистер Стратон, пожалуйста, — перебила Кортни, — не надо просить у меня прощения за эти слова. Я и сама переняла их у вашего сына.

— Правда? — Тут он впервые улыбнулся. — Здесь Кейн вообще не ругался — разве что на языке команчей. Рад слышать, что он хоть чему-то здесь научился.

Кортни усмехнулась. Господи, вот уж нашел чем гордиться!

— Так о чем вы рассказывали?

— Да, так вот, как я уже говорил, держался он особняком, ни с кем не хотел знакомиться, отмалчивался в разговорах. Не припомню случая, чтобы он первым заговорил с кем-нибудь. Хотя я отлично знал, черт возьми, что у него полно вопросов — я видел это по его глазам. Но у него было дьявольское терпение. Он молча дожидался, пока ответы на свои вопросы он услышит случайно. Понимаете, ему все было интересно, он учился всему, чему мы могли научить его. Уже через год ему была по плечу любая работа на ранчо. Еще и поэтому я полагал, что он приехал сюда добровольно.

— Но это было не так?

— Нет. Хотя Кейн никогда не говорил мне об этом. Я услышал это от Мэгги спустя два года после его приезда. К тому времени он сдружился с ней. Мэгги была единственным человеком, кто вообще что-то знал о нем.

— Почему же он приехал сюда?

— Мать заставила Кейна сделать это ради него самого. В ту пору он достиг возраста, когда мог стать воином-команчи, со всеми правами взрослого мужчины, включая и право иметь жену. Думаю, посылая его сюда, Миара хотела, чтобы он познакомился с нашей жизнью, прежде чем окончательно остаться у индейцев. Должно быть, она боялась, что потом он пожалеет об этом. Миара поступила мудро, — заметил Флетчер. — Она думала о мальчике, а не о себе.

Она просила его пожить здесь пять лет. Кейн уехал через три года. Миара хотела, чтобы он

вкусил прелести богатой жизни, а я человек богатый. Но Кейн презирал мои деньги. Миара, видимо, надеялась на его непредсказуемость, давая ему возможность выбора. Но мальчик принял решение еще до того, как попал сюда.

Проведя десять лет в индейском лагере, Кейн превратился в настоящего команчи. Он никогда и не пытался приспособиться к здешним порядкам. Кейн просто переждал время и учился всему, чему мог научиться от нас, белых. Так он, конечно, нас про себя называл. Что ж, хорошо, что у него было стремление учиться. Кто знает, может, он и остался бы здесь на все пять лет, если бы я не велел отрезать его чертовы косы.

— Сейчас у Чандоса их нет, — тихо заметила Кортни.

— Нет? Ну что ж, это уже кое-что! Но у него нет сейчас и того индейского отряда.

— Это не совсем так, — возразила Кортни. — Он не один преследует тех людей, которые напали на лагерь команчей. Когда мы ехали по Индейской Территории, всю дорогу поблизости держались его индейские друзья. Он отправился бы с ними, если бы раньше не согласился довезти меня до Уэйко.

— Почему он согласился на это, мисс Хортс? — с большим интересом спросил Флетчер. — Насколько я знаю Кейна, это на него не похоже.

— Он не хотел соглашаться. Чего он только не делал, чтобы заставить меня отказаться от этой поездки! Но когда я оставила все попытки уговорить его, он вдруг передумал. Мне казалось, дело в том, что он все равно собирался в Техас. Чтобы он взял меня с собой, я предложила ему все свои деньги. Я считала, что мы с ним сторговались. Но вчера вечером, когда я хотела заплатить ему, он разозлился и сказал, что деньги здесь ни при чем. — Кортни пожала плечами, а потом проговорила:

— Он просил меня не пытаться понять его и причины этого поступка. Да, он прав. Я до сих пор не понимаю, что им движет. Он самый ласковый человек, которого я когда-либо видела, но вместе с тем и самый жестокий. Любящий и заботливый, он вдруг становится чудовищем и хочет заставить меня ненавидеть его...

— Любящий? Заботливый? Вот уж не думал, что услышу такое о Кейне.

— Четыре года — большой срок, мистер Стратон. А вы разве не изменились за это время?

— Увы, нет. Старые псы не меняются.

— Значит, вы по-прежнему хотите переделать Чандоса?

— Нет, тут, пожалуй, я кое-чему научился и больше не стану перекраивать его на свой лад. Конечно, Кейн — мой сын, но он самостоятельная личность. Но, черт возьми, вы, кажется, сказали «ласковый»?

Щеки Кортни запылали. Ведь она почти призналась в близости с Чандосом: в какой же еще ситуации такой человек, как он, бывает ласков?

— Я сказала, что Чандос — самый ласковый из всех, кого я видела, мистер Стратон, но такое случалось с ним очень редко. Обычно он холоден, резок, крайне раздражителен, упрям и, пожалуй, опасен и беспощаден. К тому же еще непредсказуем...

— Хватит, я все понял, — усмехнувшись, перебил ее Флетчер. — Значит, он не очень изменился. Но скажите, маленькая леди, если он такой, как же вы влюбились в него? — тихо спросил он.

Кортни хотела отрицать это, но не стала. Ведь она призналась Мэгги, что любит Чандоса, а та, уж наверное, рассказала об этом Стратону.

— Уверяю вас, это произошло помимо моей воли, — сухо отозвалась Кортни. — Но боюсь, что у вас, у Мэгги и даже у Зуба Пилы сложилось превратное впечатление. Вы, кажется, полагаете, что Чандос вернется сюда из-за меня. Этого не произойдет. Я сказала, что он был любящим, но не утверждала, что он любит меня. Если он когда-нибудь и вернется сюда, то по какой-то иной причине.

— И все же, мисс Хортс, я бы хотел, чтобы вы немного погостили здесь.

— Я и собиралась остаться в Уэйко, мистер Стратон.

— Нет, здесь, на ранчо. Кортни покачала головой:

— Разве Мэгги не говорила вам, что в Уэйко живет мой отец? Я приехала в Техас, чтобы найти его.

— Да, я знаю. Эдвард Хортс. Но не факт, что вы захотите с ним жить. Он только что женился. Вы уверены, что вам понравится жить в его новой семье?

Кортни предпочла бы не слышать этого вопроса.

— Пока я ничего не могу сказать, мне надо встретиться с отцом. Но в любом случае здесь я не останусь.

— Не понимаю почему. Ведь мы с вами теперь не совсем чужие. И нас объединяет то, мисс Хортс, что мы оба любим Кейна.

Глава 41

— Теперь это красивый большой город, — говорил Зуб Пилы, когда они проезжали в экипаже по главной улице Уэйко. — До войны он был меньше, но потом в поисках новой жизни сюда переехало много южан. Погонщики скота останавливаются здесь по пути на Север, и городок становится еще оживленнее.

— Но это ведь не ковбойский городок? — со страхом спросила Кортни.

— Как в Канзасе? Нет, мэм. — хмыкнул он, — ковбои здесь ведут себя смирно. Они буянят, только приезжая с индейских земель.

Кортни улыбнулась. Конечно, Техас не Канзас. Она вспомнила, как радовалась, попав в город после более чем двухсот миль пути по незаселенным землям: наконец горячая ванна, нормальная еда, кровать! Теперь она понимала ковбоев, которые, дорвавшись до цивилизации, кутили напропалую, но все же надеялась, что в Уэйко этого не будет.

Многие мужчины носили револьверы, но здесь, на главной улице. Кортни заметила лишь немногих с явно бандитской внешностью.

В Уэйко в отличие от Рокли был городской Шериф, который присматривал за порядком. К тому же вооружены были далеко не все мужчины. Кортни увидела красиво одетых леди и джентльменов, мексиканцев, двух индейцев и даже одного китайца. Что и говорить, Уэйко казался большим городом.

— А вот и дом вашего отца. — Зуб Пилы показал вперед. — Там и его рабочий кабинет.

Этот дом, не имевший ничего общего с чикагским, производил приятное впечатление: двухэтажный, чистый и ухоженный. Вокруг него и вдоль забора, окружавшего маленький дворик, тянулись недавно посаженные цветочные бордюры. Увидев кресла и скамейку-качели на крытой веранде, Кортни подумала, как приятно сидеть здесь теплыми вечерами.

— Что у него за жена, Зуб Пилы? — взволнованно спросила Кортни.

Когда они остановились перед домом, он ответил:

— Мисс Элла? Довольно приятная дама, это вам каждый скажет. Она учительствует в школе, Приехала сюда после войны с братом, потерявшим на войне руку. Брат юрист, и мисс Элла поначалу помогала ему в работе. А потом наша старая учительница вернулась на Восток, и с тех пор мисс Элла работает в школе.

Кортни охватило возбуждение. Боже, еще одна мачеха! Опять ей придется к кому-то приспособливаться! Сара была ужасна, но на этот раз отец женился скорее всего по доброй воле, а это совсем другое дело. Наверное, он любит Эллу.

— Ну, мэм?

— Простите, — сказала Кортни, опершись на руку Зуба Пилы и вылезая из экипажа. — Кажется, я немного волнуюсь. Я так давно не видела отца! За эти четыре года я здорово изменилась. Как я выгляжу, ничего? — спросила она дрожащим голосом.

— Вы выглядите так, что хоть сейчас под венец, даже с точки зрения такого закоренелого холостяка, как я.

— Так, значит, ничего? — улыбнулась Кортни. Зуб Пилы только хмыкнул в ответ. Выгружая саквояж Кортни, он кивнул на ее лошадей, привязанных к фургону сзади.

— Я отведу ваших лошадей во двор, — сказал он. — Я знаю, что ваш отец держит там двуколку. Кортни чмокнула его в щеку:

— Спасибо, что привезли меня в город. Скоро ли мы увидимся?

— Вполне вероятно, — сказал он с усмешкой. — Думаю, Флетчер поручит мне или кому-нибудь еще ежедневно приезжать в город проводить вас.

— Чтобы знать, не появился ли Чандос?

— Ага. А может, он пошлет кого-нибудь следить за домом вашего отца. Такое возможно. Кортни сокрушенно покачала головой:

— Это будут пустые хлопоты. Хотелось бы мне, чтобы он понял это.

— Он понял только то, что у него появился еще один шанс вернуть сына. Он надеется, что теперь Кейн сам захочет остаться здесь — из-за вас. Флетчер все бы отдал, лишь бы Кейн жил

поближе к дому — не обязательно на ранчо, но где-нибудь неподалеку, так, чтобы он мог хоть изредка видаться с ним. Ни за что не подумаешь, глядя на них, но Флетчер и впрямь любит этого мальчика.

— Чандос спросил меня как-то, смогла бы я жить так, как он, — всегда в пути, не задерживаясь на одном месте больше чем на несколько дней. Не думаю, что он когда-нибудь оседет, Зуб Пилы.

— А почему он спросил? Впрочем, можете не отвечать.

Кортни покраснела:

— Я спросила, женится ли он на мне. Он сказал нет.

Зуб Пилы удивился не столько вопросу Кортни, сколько ответу Кейна.

— То есть он дал вам от ворот поворот?

— Нет. Он просто хотел знать, могу ли я жить, как он.

— Значит, вы дали ему от ворот поворот?

— Нет. Я сказала ему, что при такой жизни не стоит заводить семью. Он согласился, на этом разговор и закончился.

— А вы могли бы жить, как он? — любопытствовал Зуб Пилы. Она пожала плечами:

— Не знаю. Я привыкла считать, что дом, надежность и безопасность превыше всего, но за последние годы поняла, что все в доме зависит только от людей, которые в нем живут.

Кортни совсем мало знала этого человека, но все же добавила:

— С Чандосом мне всегда было надежно и спокойно, даже в центре Индейской Территории. Но я хотела бы когда-нибудь завести детей, а дети не могут кочевать с места на место. Так что я даже и не знаю, — закончила она со вздохом.

— Мужчины, случается, меняют взгляды на то, что кажется им главным в жизни, — заметил Зуб Пилы.

"Некоторые — может быть, — подумала Кортни, — но только не Чандос».

Решительным шагом — именно так поступил бы Чандос — Кортни подошла к двери и громко постучала. Дверь открылась почти мгновенно. На Кортни вопросительно смотрела высокая худая женщина.

— Элла?

— О нет, — женщина усмехнулась. — Я миссис Мэннинг, домоправительница. Если вам нужна миссис Хортс, то в это время дня вы найдете ее в школе.

— Нет, вообще-то мне нужен Эдвард Хортс.

— Входите, но вам придется подождать. Он уехал к больному.

Миссис Мэннинг провела Кортни в приемную. Кортни не хотела объяснять этой женщине, кто она такая, и ей нужно было время на то, чтобы хоть немного успокоиться перед встречей с отцом. К счастью, комната оказалась пуста, и Кортни села на стул, ожидая возвращения Эдварда.

Это были самые долгие двадцать минут в ее жизни. Она ерзала на стуле, поминутно оправляла свое зеленое платье и приглаживала волосы, вставала, мерила шагами комнату, потом снова садилась.

Наконец она услышала, как отворилась входная дверь и отец направился по коридору в свой кабинет.

Кортни потеряла дар речи. Она хотела окликнуть отца, но не могла издать ни звука.

Мгновение спустя он снова появился в дверях своего кабинета. Кортни поднялась и безмолвно уставилась на него. К горлу подкатил комок.

Он не сразу узнал ее. Что-то мешало говорить и ему, а потому он тоже молча смотрел на нее. Наконец он увидел ее глаза, огромные и умоляющие.

— Боже мой... Кортни?

— Папа! — крикнула она.

Он бросился к ней, и Кортни упала в его объятия, испытав невероятную радость. Отец обнимал ее! Боже, сколько же раз она об этом мечтала!

Отстранив Кортни, Эдвард посмотрел на нее и нежно вытер пальцами слезы на ее щеках. Его лицо тоже было мокрым от слез, и только тут Кортни поняла, что отец любит ее и любил всегда. Зря она сомневалась в этом!

— Кортни? — прошептал он. — Не может быть! Я думал, что ты погибла.

— Знаю, папа.

— Тебя не взяли! Я видел, как уходили индейцы: они увели с собой только фермера.

— Я была в сарае!

— Но я искал тебя в сарае! Я звал тебя, кричал, пока не сорвал голос.

— Ты не заглянул в ящик для продуктов.

— Конечно, нет. Он показался мне не таким большим, чтобы в нем можно было спрятаться... О Боже, как?

— Мистер Брауэр вырыл под ним яму. Когда напали индейцы, он был в сарае и велел нам лезть в этот ящик. Мы с Сарой потеряли сознание. Наверное, поэтому мы и не слышали тебя.

Смысл ее слов наконец дошел до сознания Эдварда.

— Сара тоже жива?

Кортни кивнула:

— И опять замужем. Все думали, что тебя взяли в плен индейцы, и никто не сомневался в твоей смерти. Но я никогда не теряла надежды, — никогда!

Кортни вкратце рассказала, как жила эти четыре года, и о том, как увидела в газете фотографию.

— Сара сочла меня ненормальной, но скорее всего ей просто не хотелось верить, что там, на фотографии, действительно ты. Брак с Гарри ее вполне устраивает.

— У меня тоже новая семья, Кортни.

— Знаю. Прошлую ночь я провела на ранчо «Бар М» с Маргарет Роули. Она рассказала мне про Эллу.

Положив руки на плечи дочери, Эдвард Хортс глянул в окно.

— Боже, у меня две жены! Что же делать?

— А у Сары два мужа, — усмехнулась Кортни, — но уверена, она примирится с этим.

— Надеюсь.

— Папа, — спросила Кортни, — почему ты ушел тогда с фермы? Ты же был ранен, так почему не остался там и не дождался помощи?

— Я был сам не свой, дочка. Я же думал, что ты погибла в горящем доме, и рвался как можно скорее уйти от этого жуткого места. Теперь-то я понимаю, что мне не следовало так поступать, но в тот момент я утратил способность рассуждать. Я даже не взял с собой лошадь, кое-как добрал до реки и упал. Меня нашла семья священника. Мы уже порядком проехали Индейскую Территорию, когда я начал приходить в себя и понял, что они взяли меня с собой в Техас.

— Так вот как ты попал в Уэйко?

— Да. Я пытался забыть прошлое, начал новую жизнь. Здесь хорошие люди. — Помолчав, он спросил:

— А как ты оказалась на ранчо «Бар М»?

— Туда меня привез Чандос.

— Чандос? Что за странное имя?

— Это имя дала ему сестра. Он сын Флетчера Стратона, вернее — блудный сын. О Чандосе трудно что-либо сказать, папа.

— А как ты попала сюда из Канзаса?

— Меня привез Чандос.

— Один? Кортни кивнула.

— Вы ехали с ним вдвоем?

Нормы поведения, которые заставили его жениться на своей домоправительнице, снова

сработали. Он был потрясен. Кортни вдруг рассердилась:

— Посмотри на меня, папа. Я уже не ребенок и могу сама решать, что мне делать. Да, я отправилась в путь вдвоем с мужчиной, ибо только так могла попасть сюда. Как бы там ни было, — закончила она спокойнее, — я здесь.

— Но с тобой... ничего не случилось?

— Чандос защищал меня. С ним я была в безопасности.

— Я не... не это имел в виду.

— Ох, папа! — Кортни вздохнула.

— Папа? — раздался удивленный голос. — Эдвард, я думала, что у тебя только одна дочь.

Кортни обрадовалась столь своевременному появлению Эллы. Она боялась, что отец будет непримирим к Чандосу. Но она уже не то кроткое создание, каким была когда-то, и не станет ни в чем оправдываться. И все-таки ссора не лучший способ наладить отношения с отцом после долгой разлуки.

Поэтому, несмотря на тайную неприязнь к Элле, Кортни протянула ей руку.

— Так вы Элла? — Кортни улыбнулась. — Да, у него действительно одна дочь, это я — живая и здоровая, как видите. Впрочем, он сам расскажет вам обо всем. Я оставила сумку на веранде, и если миссис Мэннинг проводит меня в мою комнату...

Кортни хотела проскочить мимо удивленной Эллы, но отец остановил ее, решительно и строго сказав:

— Мы продолжим наш разговор позже, Кортни.

— Если это необходимо, — беспечно ответила она. — Но сначала я хотела бы устроиться. И потом, наверное, у Эллы не так много времени... Или сегодня занятия в школе уже кончились?

— Нет, нет, мне придется вернуться туда.

Выйдя из комнаты, Кортни привалилась спиной к двери и закрыла глаза. Она слышала слова отца и реплики Эллы, голос которой звучал очень мягко.

Элла оказалась молодой и хорошенькой двадцатипятилетней женщиной. Кортни этого не ожидала. Светло-рыжая, зеленоглазая Элла совсем не походила на тех учительниц, которых знала Кортни.

Отец, наверное, любит Эллу, грустно подумала Кортни. Она будет лишней в их доме.

Вздыхнув, она пошла за своей сумкой.

Глава 42

С помощью разных уловок, которых она сама от себя не ожидала, Кортни удалось на несколько дней отложить разговор о Чандосе. Она отвлекала отца, расспрашивая его о жизни в Уэйко, о том, как он познакомился с Эллой. К тому же большую часть дня отец был занят, как и прежде,

своими пациентами, и Кортни встречалась с ним только в конце дня, но даже и тогда его часто вызывали к больным.

Познакомившись с Эллой поближе, Кортни нашла ее очень приятной женщиной. С Сарой она не имела ничего общего. Но так как Элла была занята работой в школе, Кортни почти целые дни проводила одна.

Очень скоро она заскучала и стала подумывать о том, не взять ли на себя обязанности миссис Мэннинг — все-таки работа по дому была ей знакома. Но однажды утром миссис Мэннинг рассказала ей о себе, и Кортни поняла, как эта женщина дорожит своим местом. Конечно, после этого Кортни отказалась от своих планов. Однако безделье томило Кортни, ведь она столько лет работала и не привыкла сидеть сложа руки.

Несколько дней она помогала отцу принимать больных, к его большому удовольствию. Кортни всегда хотелось помогать ему, но только сейчас она поняла, как это тяжело. Она была слишком чувствительна и принимала чужую боль близко к сердцу. Однажды, увидев ребенка-калеку, она разразилась слезами, и отец отстранил ее от работы.

Через десять дней Кортни решила уехать. Она чувствовала себя здесь ненужной, и Флетчер Стратон оказался прав: в новой семье отца ей жилось не слишком уютно. У Эдварда и Эллы и так не хватало времени друг для друга, а теперь им приходилось уделять внимание Кортни.

К тому же Кортни так скучала по Чандосу, так страдала от разлуки с ним, что не могла притворяться веселой и беззаботной.

Сказав отцу, что отправляется на несколько дней погостить к Мэгги, Кортни решила попросить у Флетчера Стратона какую-нибудь работу. На таком большом ранчо для нее наверняка найдется дело.

Когда она сказала Флетчеру о своем желании, тот пришел в восторг. Кортни так и предполагала, ибо не проходило дня, чтобы он не присылал своих людей в Уэйко следить за домом ее отца.

Теперь предстояло, набравшись мужества, объявить отцу о том, что она не вернется к нему. Он, конечно, расстроится, скажет, что ей незачем работать и они только-только снова нашли друг друга. Но ведь их разделяют всего четыре мили, а значит, ничто не помешает им встречаться.

Вот так она и скажет отцу, но утаит от него истинную причину отъезда, состоявшую в том, что Кортни хотелось жить на ранчо поближе к Флетчеру Стратону, который непреклонно верил в возвращение Чандоса. Ей так нужна была сейчас эта надежда!

В тот вечер обед с Флетчером прошел замечательно. Он очень старался, чтобы Кортни чувствовала себя как дома. Мэгги и Зуб Пилы обедали с ними, и каждый высказывал свое предложение о том, чем могла бы заняться Кортни на ранчо. Ей предлагали составить каталоги библиотеки Флетчера, украшать большой дом и даже давать имена новорожденным телятам. Зуб Пилы едва не подавился от смеха, услышав, что Флетчер всегда дает имя каждому теленку.

После обеда все предались воспоминаниям. Мэгги рассказала, как Флетчер нашел ее в Галвестоне. Он давно подыскивал себе домоправительницу и, увидев ее, сразу понял, что она то, что ему нужно. Но она ехала к сестре в Нью-Хэмпшир и не собиралась оставаться в Техасе.

Флетчер поклялся, что она сможет вести домашнее хозяйство так, как захочет, и Мэгги

согласилась, быстро смекнув, что у сестры такого не будет. Правда, Флетчеру пришлось пообещать Мэгги отдельный домик, точно такой, как остался у нее в Англии. И он сдержал слово: она получила тот самый коттедж, в котором когда-то жила, его доставили из Англии.

Зуб Пилы рассказал о своем знакомстве с Флетчером. Это было пятнадцать лет назад, в прерии, ночью. Каждый из них подозревал, что другой индеец. Оба услышали шум, но выяснить в эту темную ночь, кто расположился по соседству, было невозможно. Так они промучились до рассвета, терзаясь от страха, а под утро, увидев друг друга, расхохотались.

Их рассказы развеселили Кортни, и она пошла спать в хорошем настроении, забыв о печалях последних дней. Эти люди поддерживали ее, ибо были близки к Чандосу. Ну, может, и не так уж близки — он не слишком подпускал к себе. Но все они думали о нем, волновались за него, так же, как и Кортни. И никто из них никогда не скажет Кортни, что этот мужчина не для нее, как непременно сказал бы отец, узнав, что она влюблена в бандита.

Легкий ветерок, влетая в открытое окно, колыхал занавески. Кортни перевернулась в постели, сонно потянулась и вдруг... чья-то рука закрыла ей рот. Какая-то тяжесть прижала ее к кровати и сковала руки — она не могла пошевелиться и похолодела от ужаса. На этот раз у нее под подушкой не было револьвера, ибо Кортни считала, что на ранчо ей не грозит никакая опасность.

— Что, черт побери, ты здесь делаешь? Голос его звучал враждебно и грубо, но для Кортни не было в мире лучшего голоса. Она попыталась заговорить, но он не убрал руку.

— Я чуть не загнал лошадь, спеша сюда, однако нашел тебя не там, где тебе полагается быть. И я только что чуть не до смерти напугал старуху, думая, что ты остановилась у нее. Оказывается, нет — ты в главном доме, черт возьми, там, куда я поклялся больше ногой не ступать! Я, наверное, спятил! Что, черт возьми, ты делаешь здесь?

Кортни помотала головой, пытаясь сбросить его руку. Почему он не убирает ее? Ведь прекрасно знает, что она не закричит и страшно рада видеть его. Хотя нет, откуда ему это знать? Ведь она убежала от него. Он пытался напугать ее и, видимо, полагает, что ему это удалось. Так что же он делает здесь?

Вздыхнув, он положил голову на подушку. Гнев его утих. «Так что же он делает здесь?» — опять подумала Кортни.

Он словно угадал ее мысли.

— Я не мог просто уехать. Я хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Это так? Вижу, что нет, иначе ты была бы сейчас не здесь, на ранчо, а в городе, у отца. Я знаю, что он там. Я видел его, видел его дом и жену. Что случилось. Кошачьи Глазки? Ты расстроена тем, что он женился? Можешь помотать головой или кивнуть.

Как бы не так! Он, значит, будет говорить, а она — мотать головой? Кортни укусила его.

— О! — взревел он и отдернул руку.

— Так тебе и надо, Чандос! — бросила она. — Что ты себе позволяешь? Навалился на меня, не даешь мне ответить! — Она села в постели. — Если ты приехал только посмотреть, все ли со мной в порядке, то можешь уезжать сейчас же. — Он встал с кровати. — Не смей уходить! — воскликнула она, вцепившись в его руку.

Он не ушел. Чиркнув спичкой, Чандос быстро отыскал лампу у кровати и зажег ее. Кортни не сводила с него замороженных глаз. Выглядел он ужасно — небритый, запыленный, с темными кругами под глазами... Бандит с головы до пят — страшный, опасный, но для нее — самый прекрасный на свете, Он посмотрел на нее, — и, когда его светло-голубые глаза скользнули по ней, Кортни ощутила напряжение где-то внизу живота.

— Ты стала... еще красивее, почему? Кортни не показала, как взволновал ее этот вопрос.

— Может быть, потому, что ты давно не видел меня?

— Возможно.

Ни один из них не подумал о том, что десять дней не такой уж большой срок, но им они показались вечностью.

— Я полагала, что никогда уже не увижу тебя, Чандос, — тихо сказала она.

— Я тоже. — Он присел на край постели. — Вообще-то после Сан-Антонио я собирался отправиться в Мексику, Но я проехал один день, только один день, черт возьми, и повернул назад!

Кортни надеялась, что он объяснится в любви, но он злился из-за того, что вернулся, сам того не желая. Ее захлестнула обида.

— Зачем? — спросила она. — Но если ты опять скажешь, что просто хотел посмотреть, все ли со мной в порядке, клянусь, я ударю тебя!

Губы его тронула чуть заметная улыбка:

— После нашего прощания я не думал, что ты примешь другие объяснения.

— И все же попробуй объяснить.

— Я не мог просто уехать, Кошачьи Глазки, — повторил он, не сводя с нее пристальных глаз, — а думал, что смогу. Думал, если ты возненавидишь меня, я сумею держаться от тебя подальше. Но не тут-то было!

Надежда возвращалась.

— Разве это так плохо? — мягко спросила она.

— А разве нет? Ты теперь не можешь желать новых встреч со мной.

Он, конечно, полагал, что она будет это отрицать. Но нет, Чандос так долго мучил ее, что теперь и она отплатит ему тем же!

— Зачем же ты явился? Он нахмурился:

— Должно быть, я спятил. Прийти к тебе, да еще сюда... Сюда!

— Господи, ты так говоришь, словно здесь тюрьма какая-то, — заметила Кортни. — Тебя никто не собирается удерживать силой, и меньше всего твой отец. Он застыл.

— Ты знаешь?

— Да, и не понимаю, почему ты сам не рассказал мне об этом. Так что учти, я наслышана о непокорном Кейне Стратоне.

— Не суди о том, что знаешь понаслышке, Кошачьи Глазки. Ты знаешь лишь мнение старика.

— Тогда выскажи свое. Чандос пожал плечами:

— Он думал, что я в его власти. Думал, мне нужно все то, чем он пытался меня здесь купить. Считая, что я останусь, он наказывал меня за грехи моей матери, за то, что она предпочла ему команчи. Он изливал на меня всю свою желчь и ненависть, а потом удивлялся, почему получил в ответ одно презрение. — Чандос покачал головой, удивляясь подобной глупости.

— И ты уверен, что все обстояло именно так, Чандос? А может, ты еще до приезда сюда был настроен враждебно? Твоя мать могла затаить на Флетчера обиду за то, что он принудил ее жить здесь, и внушить это тебе. Все же ты был еще ребенком. А если отец ответил так на твое отношение к нему?

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — раздраженно заметил Чандос.

— Не сомневаюсь, что он любит тебя, — возразила Кортни, — и жалеет о своих прежних ошибках. Убеждена, он все отдал бы за то, чтобы еще раз попытаться наладить с тобой отношения.

— Ты хочешь сказать, чтобы еще раз изменить меня? — насмешливо поправил Чандос.

— Нет. Он понял свою ошибку. Господи, Чандос, это же твой дом! — взволнованно воскликнула Кортни. — Неужели это совсем ничего для тебя не значит? А вот для меня значит, поэтому я и здесь.

— Просто ты сочла это единственным местом, где можно укрыться от меня! Думала, я не рискну приехать сюда?

— Нет! — вскричала она. — Только потому, что ты оставил меня здесь, и здесь я чувствовала себя ближе к тебе.

Он явно не ожидал такого ответа. От этого признания рухнули возведенные им баррикады, и Чандос сразу обмяк.

— Кошачьи Глазки, — глухо пробормотал он. Коснувшись ладонью ее щеки, он тронул мягкий локон над ее ухом, потом нагнулся ближе и приник к ее губам. Страсть прорвалась наружу, оттеснив все другие чувства.

Они мгновенно разделись, и тела их слились, изнывая от нетерпения. Чандос набросился на нее с таким неистовством, какого никогда не выказывал раньше. И Кортни ответила ему таким же диким исступлением.

Их тела сказали все, что они не смогли выразить словами.

Пусть завтра это станет всего лишь воспоминанием, но сегодня ночью Кортни — женщина Чандоса.

Глава 43

Кортни осторожно приоткрыла дверь своей спальни и заглянула в комнату. Чандос еще спал. Неудивительно: с тех пор, как он оставил ее на ранчо, он спал в общей сложности лишь тридцать часов, что мало даже для пяти суток, не говоря уже о десяти.

Она тихо закрыла за собой дверь и посмотрела на Чандоса. Пусть спит сколько хочет. Она никому не скажет, что он здесь. Мэгги знает, но она не проговорится Флетчеру. «Пусть это будет сюрпризом для старика», — сказала Мэгги, убежденная, что на этот раз Чандос не исчезнет.

Кортни очень на это надеялась, но не была так уверена, как Мэгги. О да, Чандос все еще хотел ее, но это вовсе не значит, что его желание не остынет. Он способен опять уехать и бросить ее.

Правда, он все же вернулся и признался, что не может жить вдали от нее! При мысли об этом Кортни ликовала.

Она поставила в угол его седельные сумки и подошла к зеркалу. Сегодня утром она не переставала удивляться своему сияющему виду. Интересно, это от любви так лучатся ее глаза? Да, у любви есть свои взлеты и падения, теперь-то Кортни знала это. Но она очень счастлива, и счастье так и рвется наружу, ей хочется смеяться, петь и даже кричать.

Она села у окна, глядя на спящего Чандоса. Кортни понимала, что ей надо пойти и чем-нибудь заняться, но боялась, что, вернувшись, уже не застанет его. Этот страх был нелепым, поскольку на этот раз он не исчезнет, не предупредив о времени новой встречи. Она вырвала у него это обещание. Но кроме этого, Кортни ни в чем не была уверена, а потому не хотела выпускать Чандоса из поля зрения.

Она тихо подошла к кровати, опасаясь потревожить его. Постояв несколько минут, Кортни осторожно прилегла рядом. Чандос не шелохнулся, шумно дыша во сне, что было ему несвойственно и доказывало, как он устал.

Она легонько коснулась его груди, провела по ней пальцами. Когда она дотронулась до него, Чандос не издал ни звука. Он по-прежнему крепко спал, и Кортни, осмелев, сунула руку под простыню и погладила его бедра.

Тут она вздрогнула.

— Продолжай, Кошачьи Глазки.

Щеки и шею Кортни залил жаркий румянец.

— Так ты не спал? — упрекнула она Чандоса.

— Дурная привычка после поездок по тропе. Он посмотрел на нее заспанными глазами — такой невысказанно чувственный! Смущенная, Кортни поспешила встать с кровати.

— Твои вещи здесь, на случай, если захочешь побриться. Может, еще поспишь? Я не хотела тебя будить. Никто не знает, что ты здесь.

— Пока не знает, — он сел, — но очень скоро кто-нибудь заметит Шуафута за домом Мэгги.

— Мэгги об этом позаботилась, — Кортни усмехнулась, — она притащила его к себе в гостиную.

— Что-о?

Кортни засмеялась:

— Я не верила, пока сама не увидела его там. Но он хорошо перенес это. Мэгги хочет на этот раз сохранить твой приезд в тайне. Она сказала, что если что-нибудь случится, то это будет только на твоей совести.

Чандос провел рукой по подбородку.

— Думаю, мне надо побриться. Кортни кивнула.

— Ты встретишься с отцом? — осторожно спросила она.

— Нет, — отрезал он, натягивая черные брюки, и сурово взглянул на нее. — И не пытайся нас помирить, женщина. Я не хочу знать этого человека.

— Ну да, он грубый, тяжелый человек, любит пошуметь, но не так уж он и плох, Чандос.

Он так посмотрел на нее, что она замолчала, но потом нерешительно спросила:

— Ты нашел, Чандос, того человека в Сан-Антонио?

Спина его напряглась.

— Да, нашел. Его уже судили и приговорили к повешению.

— Значит, ты не убил его?

— Я устроил ему побег из тюрьмы, — сказал он бесстрастным тоном и, медленно вытирая лицо, продолжал:

— Это оказалось нетрудно. У Смита не было друзей в Сан-Антонио, и никто не ожидал, что он может сбежать.

Тут Чандос обернулся. Она никогда еще не видела у него такого холодного, сурового взгляда и никогда не слышала такой ненависти в голосе.

— Я сломал ему обе руки, а потом повесил. Но ублюдок был уже мертв. Видимо, он что-то заподозрил. Может, узнал лошадь Траска, которую я прихватил для него, или просто не поверил мне, когда я объяснил, почему вызволил его из тюрьмы. Не знаю. Но он напал на меня, едва мы остановились. Он завладел моим ножом, и мы сцепились. В драке он упал на нож и умер в считанные секунды. Как жаль! — воскликнул он с мукой в голосе. — Слишком легкая расплата за то, что он сделал с Белым Крылом!

Кортни подошла и обняла его. Чандос не сразу вышел из оцепенения, но, наконец ответив на ласку девушки, привлек ее к себе.

— Белое Крыло — это твоя сестра?

— Да.

Он рассказал Кортни о том дне, когда, вернувшись в индейский лагерь, он увидел, что его мать и пестра изнасилованы и убиты. Кортни рыдала.

— Не плачь, Кошачьи Глазки! Я не выношу твоих слез. Теперь все кончено. Они уже тоже не плачут. Наконец они могут спать спокойно.

Он нежно поцеловал ее, потом еще раз. Для них это был единственный способ утолить печали... и забыть о них.

Глава 44

Кортни поднялась с постели уже после полудня. Чандос опять спал, и на этот раз она решительно не собиралась будить его. Она все никак не могла прийти в себя после его рассказа о матери и сестре, хотя и старалась избавиться от этих мыслей. Кортни убеждала себя, что с тех пор прошло уже четыре года и за это время Чандос как-то научился жить с этим, хотя как — она не представляла.

Она только-только закончила одеваться, как в дверь постучали. Кортни кинула быстрый взгляд на постель. Чандос тоже услышал стук, открыл глаза и настороженно посмотрел на Кортни. Но ее незачем было предупреждать: она не собиралась никому рассказывать о том, что он здесь.

Поспешно подойдя к двери, она приоткрыла щелочку.

— Да?

— К вам гость, сеньорита, — сказала девушка-мексиканка, одна из помощниц Мэгги. — Сеньор Тэйлор. Он ждет на веранде с сеньором Стратоном и...

— Тэйлор? — резко перебила Кортни. — Ты сказала Тэйлор?

— Si.

— Спасибо. — Кортни с шумом захлопнула дверь. — Рид Тэйлор! Невероятно! — гневно вскричала она. — Да как он посмел явиться сюда после того, что сделал? Он же пытался похитить меня! Это... это... о-о!

Она пулей вылетела из комнаты.

— Кортни! Вернись, черт возьми! — крикнул Чандос вдогонку и грубо выругался, увидев, что она все-таки ушла.

Разъяренная Кортни прошагала к входной двери и резко распахнула ее. Да, это и впрямь был Рид — в своем темном суконном костюме, отделанном шелковым рубчиком, в гофрированной рубашке и со шляпой в руке — как всегда, щеголевато-безупречен. И он улыбался ей. Да, да, улыбался!

— Ты спятил! — воскликнула Кортни, словно на веранде не было никого, кроме Тэйлора. — Ты знаешь, что я могу сдать тебя властям за то, что ты сделал?

— Кортни, милая, я проехал такой долгий путь, разыскивая тебя, а ты меня так встречаешь!

Она растерянно заморгала. Боже, как же она забыла, насколько глуп этот человек?

— Не смей называть меня милой! — вскричала она. — Не смей называть меня даже Кортни! Неужели ты ничего не понял даже после того, как не вернулись твои люди? Я не желала, чтобы меня искали, Рид. Ты не имел права посылать за мной этих... головорезов!

Он схватил ее за руку и потащил подальше от любопытных взглядов, не подумав, однако, сбавить тон. Он не подозревал, что своими словами выводит из себя не одну только Кортни.

— Один из этих людей все же вернулся, Кортни, хотя чуть живой. Бандит, с которым ты уехала, отрезал ему язык и отрубил кисть. Боже, неужели ты думала, что я мог бы оставить тебя с этим психом, зная, на что он способен?

— Уверена, что ты все сильно преувеличил, — заметила Кортни уже спокойнее.

— Явно преувеличил! — небрежно бросил Чандос, услышав его слова. — Я только рассек этому парню язык, узнав от него, что он оставил Кортни на привале одному из своих молодчиков. И еще я сломал ему два пальца на правой руке — во благо обществу, — а потом привязал к дереву. Рид, словно не замечая Чандоса, спросил:

— Что он делает здесь, Кортни? Кортни молчала и, не отрываясь, смотрела на Чандоса, стоявшего в дверном проеме. На нем были только брюки и портупья. Кортни знала, что он сейчас неимоверным усилием воли сдерживает желание схватиться за револьвер, и тут только она заметила, что столпившиеся у крыльца ковбои с любопытством взирают на происходящее. Флетчер с радостной ухмылкой смотрит на Чандоса, зуб Пилы хмуро уставился на Рида, а за спиной у Зуба Пилы... ее отец! О Боже, отец! Он все видел!

— Рид, почему бы тебе не убраться отсюда? — спросила Кортни.

Но он не собирался так просто отступить от нее, и лицо его уже приняло знакомое Кортни бульдожье выражение. Понимая, что разговоры бесполезны, она все же сказала:

— Ты зря сюда приехал, Рид. Я не хочу выходить за тебя замуж и решительно отказываюсь возвращаться с тобой в Канзас. Если ты попытаешься применить силу, как уже сделал однажды, будешь отвечать перед законом.

— Ты сейчас, расстроена, — начал Рид, — дай мне шанс, и я...

— Она уже дала тебе шанс, Тэйлор, — шанс остаться в живых, — рявкнул Чандос, выступая вперед. — А теперь тебе придется иметь дело со мной. Убери свои чертовы руки от моей женщины!

Рид повернулся к нему, не выпуская руки Кортни.

— Ты хочешь застрелить меня, бандит? — спросил он с презрительной усмешкой. — Перед лицом стольких свидетелей?

— Нет! — Чандос, сияя улыбкой, вытащил свой револьвер и передал его Кортни. — Подержи, Кошачьи Глазки, совсем недолго, — проговорил он, и тут же его кулак врезался в челюсть Рида.

Тэйлор отлетел назад, увлекая за собой Кортни. Но Чандос подхватил ее за талию, и Рид один скатился со ступенек веранды. Усмехнувшись, Чандос оставил Кортни и ринулся вслед за Тэйлором.

Стоя на веранде, Кортни смотрела, как мужчины молотят друг друга кулаками. Она и не думала разнимать их, переживая блаженное потрясение: Чандос назвал ее своей женщиной! Назвал при своем отце... при ее отце! Господи, неужели это не случайно?

Чья-то рука легла ей на плечи, и она быстро обернулась.

— Полагаю, теперь ты подтвердишь слова этого молодого человека? — спросил Эдвард Хортс.

— Да!

Тут она увидела, как Чандос со всего маху упал в пыль. Кортни невольно шагнула вперед, но Чандос уже вскочил на ноги и нанес мощный удар Риду. И все же Кортни волновалась. Чандос, конечно, выигрывал в росте, но Рид был крепок как бык.

— Судя по всему, это и есть тот самый мужчина, который привез тебя в Техас? — словно мимоходом поинтересовался Эдвард.

— Да, да, — рассеянно бросила Кортни, тревожно следя за ходом боя.

— Кортни, дочка, посмотри на меня! Она с усилием оторвала взгляд от Чандоса, — Да, папа?

— Ты его любишь?

— О да! Безумно! — воскликнула она, а потом осторожно спросила:

— А ты против?

— Даже и не знаю, — проговорил Эдвард. — Он что, всегда такой... порывистый?

— Нет, но он всегда готов защитить меня.

— Ну что ж, хоть это плюс, — со вздохом отозвался отец.

— Ох, папа, не суди о нем, пока не узнаешь его. Да, он бандит, но...

— Бандиты часто бывают хорошими людьми, дочка. Я это знаю.

Кортни растерянно усмехнулась:

— Ты, кажется, готов непредвзято отнестись к этому человеку?

— Неужели ты думаешь, что я осмелюсь отнестись к нему иначе? — воскликнул Эдвард. — Мне вовсе не хочется отведать его кулаков.

— Что ты, он не станет... — начала было Кортни, но поняла, что отец шутит.

В этот момент ковбои издали радостные возгласы, а Флетчер заорал что есть мочи, свесившись с перил. Не вызывало сомнений, кого подбадривают эти крики. В следующее мгновение Флетчер и Зуб Пилы обнимались и хлопали друг друга по спине, словно они сами выиграли бой.

Чандоса окружила толпа. Он согнулся, держась руками за живот, его лицо тоже было не в лучшем виде.

— Похоже, здесь нужна моя помощь, — заметил с веранды Эдвард. — Я говорю о том парне, Тэйлоре.

— Что? Не трать зря время! — сказала Кортни, без тени сочувствия взглянув на Рида,

неподвижно лежавшего на земле. — Уж кто-кто, а этот получил по заслугам!

— Ну, будем надеяться, что на этот раз он все понял. Кошачьи Глазки, — сказал Чандос, подходя к ней. — Я не хотел стрелять в подонка только за то, что он такой упрямый болван.

— Ох, Чандос, садись! — проговорила Кортни, подводя его к крыльцу. — Господи, на кого ты похож! — Она откинула волосы со лба Чандоса. — Папа, доставай-ка свою сумку!

— Папа? — Чандос обернулся, скривившись от боли. — Ты бы хоть предупредила меня!

Кортни улыбнулась:

, — Он с удовольствием смотрел, как вы дрались, и твой отец тоже.

Увидев Флетчера, Чандос выругался. Тот между тем велел своим людям взвалить Тэйлора на лошадь и отправить в обратный путь.

— Что это еще такое, черт возьми? Уж не счастливое ли примирение семейства?

Кортни понимала: Чандос недоволен, чувствуя себя загнанным в угол.

— Да, могло бы быть примирение, если бы ты захотел, — осторожно сказала она.

— Я приехал сюда за тобой, женщина, и только.

— Разве?

— Ты знаешь, что это так. Она сурово потребовала:

— Тогда скажи об этом громко. Я не слышала, чтобы ты сказал это, Чандос.

Он нахмурился. Теперь Флетчер стоял в нескольких шагах от них, опершись о перила веранды. Зуб Пилы сидел на перилах рядом с ним, еле сдерживая улыбку. Они с нескрываемым интересом прислушивались к репликам Чандоса и Кортни.

. Чандос чувствовал устремленные на себя взгляды, и прежде всего взгляд Кортни, решительный и горящий.

— Ты моя женщина. Кошачьи Глазки. Ты стала ею с тех пор, как я впервые увидел тебя. Этого ей было мало.

— Скажи все!

Усмехнувшись, он притянул ее к себе на колени. Кортни напряженно ждала. Наконец он проговорил:

— Я люблю тебя. Ты это хотела услышать? Люблю так сильно, что без тебя мне нет жизни.

— О Чандос! — Она прильнула к нему, обхватив его руками за шею. — Я люблю...

— погоди, — остановил он ее. — Подумай как следует, прежде чем что-то сказать, Кошачьи Глазки. Меня одолевают сомнения: смогу ли я сделать тебя счастливой? Я буду стараться изо всех сил, но потом ты уже не сможешь пойти на попятный. Ты поняла, о чем я? Если ты станешь моей женщиной, даже силы ада не заставят меня отпустить тебя.

— Это двусторонний договор? — спросила Кортни.

— Разумеется!

— Тогда позволь мне выдвинуть свои требования. Ты уже сказал, что любишь меня. Я тоже буду стараться изо всех сил сделать тебя счастливым. Но если позже ты захочешь уйти, предупреждаю: тебе не удастся скрыться от меня, потому что первое, чему ты меня научишь, — это ходить по следу, а второе — стрелять. Ты понял, о чем я, Чандос?

— Да, мэм, — очень важно произнес он.

— Вот и отлично. — Теперь Кортни улыбнулась, чуть покраснев от смущения, и сказала, нагнувшись к его уху:

— Потому что я люблю тебя. Люблю так сильно, что хотела умереть, когда ты оставил меня. Я больше не хочу испытать такое, Чандос.

— Я тоже, — ответил он с чувством и прильнул к ее губам. — Ты еще не разучилась мурлыкать, котенок.

— Чандос!

Он засмеялся. Вдруг Кортни вспомнила о том, что они не одни.

— Ты уверена, Кошачьи Глазки? — ласково спросил он.

— Да!

— И ты сможешь жить так же, как я?

— Я буду жить так, как ты захочешь, даже если мне придется носить детей в заплечном мешке.

— Детей!

— Не сейчас, — прошептала она, метнув стыдливый взгляд на своего отца.

Чандос, смеясь, сжал ее плечи. Она еще никогда не видела его таким беспечно счастливым. О, как же она любит его!

— Но у нас с тобой будут, дети, правда? — задумчиво проговорил он. — Может быть, дом — это не так уж плохо?

Кортни застыла, пораженная его словами:

— Ты серьезно?

— Я мог бы попробовать работать на ранчо. Старик научил меня всему. К тому же он положил в банк Уэйко на мое имя целое состояние, к которому я никогда не притрагивался. На эти деньги мы могли бы купить где-нибудь неподалеку неплохой участок и вызвать старика на соревнование.

Только Кортни видела задорные огоньки в глазах Чандоса. Зато все слышали, как Флетчер сплюнул в сердцах. Зуб Пилы давился от смеха. Эдвард присел рядом с Кортни и Чандосом.

— Думаю, мне не понадобится моя медицинская сумка. Если человек шутит, значит, с ним все в порядке.

— Вы правы, док. Можно я буду называть вас «док»?

— Конечно! Вы также можете звать меня Эдвардом, поскольку скоро станете моим зятем.

— Все, что мне сейчас нужно, — это горячая ванна. Но разве я что-то говорил о женитьбе, Кошачьи Глазки?

— Нет, не говорил. — Она усмехнулась, увидев лицо отца. — Да он просто шутит, папа! Скажи ему, Чандос! Чандос?

— Ох-хо-хо, неужели тебе и впрямь хочется принудить меня к этой глупой церемонии белых людей, не имеющей ничего общего с чувствами? Я сказал о своих намерениях при свидетелях. Ты тоже. Ты уже моя жена. Кошачьи Глазки!

— Если бы ты согласился сделать все, как принято, Чандос, мой папа был бы счастлив, — заметила Кортни.

— А ты?

— И я.

— Ну тогда считай, что я пошутил, — ласково сказал он.

Кортни обняла его, ликуя от счастья. Пусть в чем-то он груб и жесток, и все же это ее Чандос — нежный и ласковый, когда надо. И он любит ее! Его желание осесть на месте ради нее лучше всяких слов говорит о его любви.

Кортни откинулась назад. Ей очень хотелось, чтобы все были так же счастливы, как и она, особенно Флетчер.

— Скажи своему отцу, что ты только что разыграл его.

— Это был не розыгрыш. — Чандос резко обернулся, встретившись с пристальным взглядом Флетчера. — Ну что, старик, выдержишь соревнование?

— Выдержу, черт возьми! — взревел Флетчер.

— Я так и думал, — усмехнулся Чандос. Глаза Флетчера засветились радостью, но улыбнуться он себе не позволил — следовало выдержать характер!

И все же его раширало от радости. Флетчер никогда еще не видел своего сына таким — нежным, открытым и... доступным. Это было начало. Чертовски хорошее начало!